ФЕДОР ФЕДУЛОВ

«ШКВАЛ»

PHOTOS BY ANDREY G AKA DONUT190

ФЕДОР ФЕДУЛОВ

«ШКВАЛ»

Саратов
Приволжское книжное издательство
1988

ББК 84Р7
Ф 34

Рецензент: *И. Шульпин*,
член Союза писателей СССР.

Федулов Ф. М.

Ф34 «Шквал»: Повесть. — Саратов: Приволж. кн. изд-во, 1988. — 264 с. — (Для сред. и ст. шк. возраста).

В конце 20-х годов в Хвалынске по инициативе Ф. Э. Дзержинского была создана детская колония имени Джона Рида, одним из ее воспитанников и был автор книги.

В центре остросюжетной повести — поиски верного жизненного пути героями, вчерашними беспризорниками, становление характеров настоящих граждан своей страны.

ББК 84Р7

Ф $\frac{4803010102-60}{153(01)-88}$ 52—88

ISBN 5—7633—0048—3

© Приволжское книжное издательство, 1988.

ГЛАВА

Андрея
кто не вст
Дом, в
мельчайш
скрипа по
да-то каз
стоял тем
сказать: «
Еще н
только се
но остано
подкупаю
какой-то
позеленев
тавленны
ным взгл
вую, с де
га, лицо
ни проул
несправе
го месяц
написани
зать сы
что мате
Не в
светов п
литку, с
ствием с
крыльца
чим зам
шок, тяж
Авгу

Моим детям и внукам посвящаю.

АВТОР

ГЛАВА ПЕРВАЯ

Андрея Рассветова у ворот родительского дома никто не встретил, да никто уж и не ждал.

Дом, в котором он родился, о котором знал все до мельчайших подробностей, начиная с окон, крыльца, скрипа половиц и до загадочного сучка в потолке, когда-то казавшегося ему сказочным живым существом, стоял теперь с заколоченными ставнями, будто хотел сказать: «Опоздал ты, солдат!»

Еще не сознавая, что в родной дом пришла беда, и только сердцем почуяв неладное, Рассветов недоуменно остановился, и первая поразившая его мысль была подкупающе проста: ошибся проулком!.. Ну конечно же: какой-то старый, осевший на правый угол домишко с позеленевшей от времени крышей вовсе не тот дом, оставленный им восемь лет назад... Когда же он тревожным взглядом окинул проулок и увидел старую и кривую, с детства знакомую ветлу, стоявшую на краю оврага, лицо его побледнело. Нет, не ошибся он ни домом, ни проулком, он просто не мог поверить в ту жестокую несправедливость, какую ему преподносила судьба. Всего месяц назад получил он теплое материнское письмо, написанное волнующими словами, какие способна сказать сыну только мать, и допустить страшную мысль, что матери больше нет, Андрей Рассветов не мог.

Не видя перед собой ничего, кроме слепых окон, Рассветов подошел к воротам, толкнул узким плечом калитку, оказавшуюся незапертой, с тяжелым предчувствием ступил на родительский двор. Остановившись у крыльца и растерянно глядя на дверь с ржавым висячим замком, он машинально снял с плеча вещевой мешок, тяжело опустился на ступеньку.

Августовское полуденное солнце немилосердно жгло

землю, но Рассветов, кажется, не замечал его палящих лучей. Отрешенно глядел он на заросли бурьяна и мелькающие там желтые комочки одичавших цыплят, отыскивающих корм, да слышал, как где-то в конце двора, у погреба, неистово и ревниво сзывала их к себе клушка-мать...

Опамятовавшись и поняв, что случилось непоправимое, что самого дорогого для него человека на свете больше нет, Рассветов смахнул жесткой ладонью набежавшую на глаза слезу, тихо и горестно сказал: «Эх, мама, мама! Что ж ты наделала?.. Как же жить-то теперь?.. С какой совестью жить, когда ни отцу, ни матери не отдал последний сыновний долг?.. Не могу я простить себе такое, не могу!..»

Достав из кармана шинели помятые папиросы и ломая одну за другой спички, купленные у мальчишек на базаре, Рассветов закурил. С первых же затяжек неприятно закружилась голова, забор и стена соседского дома куда-то плыли и тонули в клубящемся зеленом тумане. В госпитале, где ему делали последнюю операцию, удалив из легкого осколок снаряда, по настоянию врачей он пытался бросить курить, но, ограничив себя тремя папиросами в день, окончательно так и не расстался с дурной привычкой.

Сколько так просидел Рассветов на крыльце — он не мог бы сказать, но груда свежих окурков перед ним говорила, что просидел он долго, а от неутешных мыслей страшно разболелась голова.

— Никак хозяин возвратился? — услышал Рассветов старчески дребезжащий голос соседа, вошедшего в калитку.— С прибытием, Андрей Иванович! — приветствовал старик Сапрыкин, подходя к крыльцу.— Вишь, как дело-то получилось, голубарь, опоздал ты малость. Седни как раз девять ден, как похоронили Полину-то Егоровну. Ты шибко-то не убивайся, честь честью похоронили, по-людски. Заходи ко мне, покалякаем да и помянем родительницу-то. Достатков больших у меня нет, а на стол старуха соберет и чекушку поставит.

— Спасибо на добром слове, Савелий Петрович,— сказал Рассветов, взяв вещевой мешок и поднимаясь с крыльца.— Тяжело к угасшему очагу приходить, когда ни исправить, ни искупить вины своей невозможно. На каких только фронтах не был, сколько раз лежал в госпиталях, нет бы родителей навестить, порадовать каким

ни на есть пустячным подарком, так не думал о них, да и писал редко...

— Оно так,— подтвердил старик, пропуская Рассветова в калитку.— Молодые о смерти не думают, а она не за горами, а за плечами, голубарь!

— Так ведь ничего не писала, про болезнь-то! — с болью в душе ответил Рассветов.

— Не хотела расстраивать, оттого и не писала,— сказал Сапрыкин.— Мать, она ведь понимала, что в лазарете зря держать не станут, не сладкий мед лежать там, а сил, чтоб дождаться, не хватило. Оплошала старая, стало быть...

С этим разговором они зашли к старику в избу. Старуха, жена Савелия Петровича, всплеснув худыми руками, ахнула:

— Батюшки, гость-то какой! Андрей Иванович, вроде бы?

— Он самый, тетя Дуся,— ответил Рассветов.— Извиняйте, я уж пока к вам.

— Милости просим, какие могут быть извинения! — Она припала на грудь Рассветову, всхлипнула для порядка и, суетясь, взяла из его рук вещмешок.

— Раздевайся, Андрей Иванович,— радушно пригласил сосед, понимая, что человек сейчас в таком положении, что хуже не бывает.— А мы ждали тебя, голубарь. Так и считали, что вот-вот подъедешь.

— Что ж телеграмму-то не дали? — вешая шинель и фуражку на гвоздь, спросил Рассветов.

— Не велела. Вернее сказать — запретила даже, Полина-то Егоровна. До самого последнего часа надеялась, что встанет. Словом, боялась, чтоб тебе хуже не было.

Тем временем соседка собрала кое-какой стол, по голодному году вполне приличный: в самодельную, плетенную из тальника хлебницу положила кусочки ржаного хлеба, налила по тарелке щей, заправленных сметаной, приготовила салат из свежих огурцов с помидорами и, сокрушаясь, что угощать дорогого гостя больше нечем, торжественно водрузила посередине стола бутылку первача, надежно закупоренную липовой пробкой.

Рассветов сполоснул руки под умывальником, вытер чистым полотенцем, специально вынутым для него старухой из сундука, присел к столу.

— Ну, Андрей Иванович, что не так — не обессудь,

голубарь. Пожелаем родительнице твоей, чтоб земля была ей пухом,— сказал старик, приподняв граненый стаканчик, и, не чокаясь, выпил.

Рассветов выпил молча.

— Что поделаешь, родимый,— присаживаясь к столу, вступила в разговор старуха.— Все мы смертны, а судьба у каждого своя. Мы ведь с Полиной-то Егоровной душа в душу жили... Дом ваш в сохранности, не сумлевайся, Андрей Иванович. И капусту, и огурцы, и помидоры я поливаю, и за курями присматриваю. Тут было набивались квартиранты, да старик мой заупрямился. Пока, говорит, от Андрея Ивановича известий не получу — пускать никакого права не имею. Ну, а теперича пришел, слава богу, распоряжайся сам как знаешь.

— Дом-то мне, пожалуй, ни к чему,— сказал Рассветов, хлебая деревянной ложкой щи.— Семьей обзавестись не успел, близких родственников нет. Да еще неизвестно, дадут ли работу в городе?

— Ты же, кажись, учительствовал? — спросил Савелий Петрович.

— Да теперь я и не знаю: гожусь ли на эту должность?

— Смотри, голубарь, тебе, конечно, видней,— сказал Савелий Петрович.— В этом деле мы тебе не советчики. Но что касается дома, я так тебе скажу: дом есть — тут уже хозяин, а нет его — кто ты есть?.. Вот и смекай, как тут быть?.. Холостым век не проживешь, об этом тоже загодя надо подумать. Ежели твоему дому небольшой ремонт дать, так он еще сто лет простоит: бревна-то — одно смолье, одно к одному подобраны самолично родителем твоим, Иваном Алексеевичем!

— Что ж, вот огляжусь малость, по Саратову похожу, с людьми повстречаюсь, тогда и решу, Савелий Петрович!

— Само собой, спешить в этом деле нельзя. Прикинуть надо: во что ремонт обойдется, какой материал потребуется... Может, тебе товарищи подмогнут?.. Красный орден, вижу, у тебя имеется, много значит! Не зря, выходит, воевал?

— Орден к этому делу отношения не имеет, Савелий Петрович,— заметил Рассветов, пристально посмотрев на старика.— А то, что воевал не зря,— это правильно! Справедливость и поддержку у Советской власти мы

всегда найдем. Власть-то нашенская!.. Спасибо за угощение, дорогие соседи.

— Что же ты мало кушал-то? — спросила хозяйка, передавая Рассветову ключ от дома и вещевой мешок.— Мужчина перво-наперво должен хорошо есть, а то какой же из него работник? Худой ты шибко, Андрей Иванович!

— Ничего, тетя Дуся, были бы кости! — невесело пошутил Рассветов, надев фуражку и накинув на плечи шинель.— Не терпится в свой дом заглянуть. Сколько раз во сне видел его, и все почему-то издали, а когда приближался и хотел зайти в него, то уплывал он от меня, вроде как пароход, а то враз исчезал, будто сквозь землю проваливался.

— Плохой сон, Андрей Иванович! — вылезая из-за стола, сказал Савелий Петрович.— Не будешь ты жить в нем, помяни мое слово!

— Это мы еще посмотрим, Савелий Петрович,— возразил Рассветов.— Сны — пустое дело! О чем больше всего думает человек — то ему и снится.

— Не скажи, голубарь, бывает сон как есть в руку! — не согласился сосед и, повернувшись к старухе, попросил: — Авдотья Мироновна, мы сейчас ставни разошьем, а ты покличь Наталью аль еще кого да идите-ка наведите там порядок.

Прихватив с собой топор и гвоздодер, Рассветов с дедом Сапрыкиным открыли ставни, сняли замок и вошли в дом.

Вскоре пришли две молодые соседки с Евдокией Мироновной во главе.

Рассветов и Сапрыкин вышли во двор, присели у колодца, закурили.

— Ты вроде бы не баловался этим? — спросил старик, аккуратно взяв из коробки Рассветова папиросу.

— Да я и сейчас мало курю,— ответил Рассветов.

— Ежели можешь не курить — брось совсем,— посоветовал дед Сапрыкин.

Беседуя, они не заметили, как промелькнуло полчаса и женщины закончили уборку.

— Просим хозяина в дом,— сказала с крыльца Евдокия Мироновна, прервав разговор мужчин.— Принимайте нашу работу, Андрей Иванович! А ежели хозяйка в доме нужна, любую из двух отдадим без запросу.

— Ох и шельмы эти бабы, уже сговорились! — ух-

мыльнулся в бороду Савелий Петрович, направляясь за Рассветовым в избу.— Не робей, голубарь, оно, дело-то, веселей будет!..

ГЛАВА ВТОРАЯ

Рассветов побывал в различных городских учреждениях, с трудом, но выбил наряды на тес, гвозди, краску, завез во двор лес, чтоб заменить нижний венец и поднять осевший угол дома, и, подрядив в помощь старика Сапрыкина, занялся ремонтом.

Август выдался погожий, короткие грозовые дожди не мешали делу.

Как-то во время перекура, продолжая начатый разговор, Сапрыкин сказал:

— От неурядицы в жизни, Андрей Иванович, больше всего страдают дети. Посчитай, в одном Саратове сотни беспризорных! И куда только Советская власть смотрит?

— Советская власть, Савелий Петрович, это не только товарищ Горелов в нашем горисполкоме, но и мы с тобой, другие, третьи такие же. Вот и возьми одного-двух пацанов на воспитание, а подрастут — обучи их своей специальности на том же гвоздильном, вложи в них свою рабочую душу, и начнет твоя душа новую жизнь в этих ребятах, а дело твое продолжится в тех самых гвоздях, которых сейчас так не хватает!

Сапрыкин задумался и, словно решившись открыть Рассветову тайну, сказал:

— Пробовал я, Андрей Иванович, брал одного парнишку с улицы, да ничего из этой затеи не получилось. Работать и не заставлял его, а так — огород покараулить просил. Ну так, сидел он у меня с неделю на своем посту, поглядывал, посвистывал, книжечку какую-то в руках вертел — грамотный, стало быть, оказался. А потом как-то приходит на огород, сменить меня должен был — старуха раненько на базар подалась, овощь продавать повезла на тележке,— приходит и говорит: «Хороший ты, дед, и старуха у тебя ничего, хоша и спекулянтка, но на огороде твоем пугалом быть мне противно! Понял?.. Будь здоров, старухе привет передай!» И ушел. А потом выяснилось: все деньги, какие старуха прятала от меня в сундуке, весь доход от про-

дажи овощей, исчезли!.. Так-то, голубарь! Дорого мне обошлась моя простота. Научил нас, сынок Мишенька!

Савелий Петрович встал с места, притоптал окурок, взялся за рубанок. Поднялся и Рассветов.

— И сколько же лет тому мальцу? — поинтересовался он.

— Может, четырнадцать, а может, чуть больше, документа при нем нет. Сказал, Мишей звать его — и ладно. И паренька-то хороший на вид, синеглазый такой, красивый, а поди ж ты!.. В душу к нему не влезешь! — Старик, расстроившись, в сердцах начал строгать доску, все больше ожесточаясь то ли на себя, то ли на Мишку-приемыша.— Где он теперь скитается?.. И голодный и холодный небось?..

— Тактический просчет допустил ты, Савелий Петрович,— сказал Рассветов — На завод надо было парня, в рабочую атмосферу, делом чтоб заинтересовался, а ты хотел караульщика из него сделать да, чего доброго, научить редиской торговать. Сам-то с каких лет пошел на завод?

— С тринадцати в учениках ходил, а в пятнадцать уже самостоятельно работал.

— То-то и оно! — многозначительно произнес Рассветов, обтесывая бревно для венца. — Рабочий человек приобретает и навыки и характер в труде, такой с пути не собьется. Воришками же становятся по несчастью: либо родителей потерял, либо из дома сбежал от колотушки и потасовок, либо дружки подбили приключения искать...

С разговорами про житье-бытье Рассветов и Сапрыкин работали две недели. За это время намеченный ремонт был закончен, а оставшимся тесом сумели починить крышу и сапрыкинского дома.

А наутро Савелий Петрович пришел к Рассветову, когда тот, сняв рубаху, обливался у колодца холодной водой.

— Плесни-ка из ведерка на спину, рабочий класс,— попросил Андрей Иванович.— Лей, чего стесняешься!

— Эка, как тебя! — ахнул сосед, глядя на пулевой рубец под правой лопаткой.— Не болит?

— Зудит иной раз, но ничего, жить можно,— растираясь полотенцем, ответил Рассветов.— Отец мой, Иван Алексеевич, по утрам двухпудовую гирю кидал играючи, а я слабоват — холодный душ принимаю.

— Силен был человек,— подтвердил Савелий Петрович.— Мы с ним в молодости на гвоздильном работали, потом уж он на паровоз-то подался. Тяжелее работы кочегара, я тебе скажу, и придумать нельзя, а Иван Алексеевич кидал уголек-то в топку с веселым задором! Машинист, бывало, не нахвалится им, ну и выучил, конечно, и паровоз свой ему передал.

Надев гимнастерку и подпоясавшись ремнем с портупеей, Рассветов, кивнув в сторону помолодевшего и приосанившегося дома, спросил:

— Как, Савелий Петрович, найдем покупателя?

— Ты не торопись шибко-то, не то ошельмуют эти скупщики. Народ этот ни стыда ни совести не имеет. Краем уха слышал, что вот-вот грянет реформа денежная. У кого деньжонки водятся — теперь зачнут скупать все, что под руку попадет. Тут, голубарь, ухо востро держи! Да и не к спеху тебе это дело: продать всегда можно, купить трудно. Может, и передумаешь еще?.. Примечаешь, сколько в твой колодец соседок зачастило? Ты небось думаешь и впрямь вода им нужна? Как бы не так!

— Ну, это дело их,— отмахнулся Рассветов, направляясь в дом.— У меня своя линия...

В десять утра Рассветов сидел в приемной секретаря губкома партии, ждал своей очереди на прием. Как только из кабинета вышел посетитель, девушка-секретарь сказала:

— Товарищ Рассветов, ваша очередь.— И, окинув его загадочно-улыбчивым взглядом, добавила: — Заходите, Андрей Иванович, пожалуйста!

Рассветов, одернув гимнастерку, решительно шагнул в кабинет.

— Здравствуйте, товарищ секретарь! — остановившись у порога и по привычке взяв под козырек, поприветствовал Рассветов.— По личному вопросу я. На партийный учет встал, а в отношении работы почему-то к вам послали?

— Ну, проходи, проходи! Вот вы какой, Андрей Иванович Рассветов?.. Слышал о вас от товарищей много хорошего.— С этими словами секретарь губкома вышел из-за стола и, подойдя к Рассветову, крепко пожал ему руку, усадил на стул.

Немолодо
взглядом св
чий, в пятьд
но бодр и по
энергичного
бы, что этот
ии, полной с
даний, прове
он вышитую
ским ремешк
— Слуша
— Да вот
мотеком, как
— Это кт
вскинув весе
ков.
— Есть та
ить? Некотор
мие порасска
гу зашибают.
Лицо Батр
— Грех э
к партии надо
ми холуями н
доложили, ком
— Пришло
— Что ж,
ность соответ
нужны они по
ского ОГПУ не
Рассветов
ложения не ож
шиеся на пере
лоб, а серые гл
— Вы что,
а не чекист.
— «Кажды
сказал Владим
— Доверие
терянностью, и
тов, — но не по
для меня. Тут
иначе сам голо
Наблюдая з

Немолодой, с седыми висками, с веселым открытым взглядом светло-серых глаз, коренастый и широкоплечий, в пятьдесят с лишним лет Батраков был достаточно бодр и подвижен, производил впечатление сильного, энергичного человека. Глядя на него, никто не сказал бы, что этот человек более двенадцати лет своей жизни, полной смертельной опасности и мучительных страданий, провел на каторге и в царских казематах. Носил он вышитую косоворотку, подпоясанную узким кавказским ремешком, серые в полоску брюки и сандалии.

— Слушаю вас, Андрей Иванович.

— Да вот, насчет работы: самому устраиваться, самотеком, как теперь говорят, или губком направит?

— Это кто же так говорит, насчет самотека-то? — вскинув веселый взгляд на Рассветова, спросил Батраков.

— Есть такие, Василий Федорович, чего греха таить? Некоторые с партийным билетом в кармане, как мне порассказали, к нэпманам в холуи подались, деньгу зашибают.

Лицо Батракова посуровело.

— Грех этот скрывать не будем, а примазавшихся к партии надо выводить на чистую воду: с нэпмановскими холуями нам не по пути! В Красной Армии, как мне доложили, комиссаром был?

— Пришлось и в этой должности побывать.

— Что ж, товарищ Рассветов, подберем тебе и должность соответствующую. Комиссаров у нас не густо, а нужны они позарез! Заместителем начальника губернского ОГПУ пойдешь?

Рассветов ко многому был готов, но такого предложения не ожидал и несколько смутился. Темные, сросшиеся на переносице брови его удивленно полезли на лоб, а серые глаза потемнели.

— Вы что, Василий Федорович, шутите?.. Учитель я, а не чекист.

— «Каждый коммунист должен быть чекистом!» Это сказал Владимир Ильич Ленин, товарищ Рассветов.

— Доверие большое, конечно,— справившись с растерянностью, прямо посмотрел на секретаря Рассветов,— но не по Сеньке шапка, как говорят, великовата для меня. Тут нужен опыт и юридическое образование, иначе сам голову потеряешь и товарищей подведешь.

Наблюдая за Рассветовым, секретарь что-то прики-

давал. Прямота, искренность и аргументированность ответов явно нравились ему. Этот не должность пришел просить, а работу, где может принести наибольшую пользу партии. Встав со стула, секретарь прошелся вдоль стола, остановился.

— Верю в твою партийную совесть и, пожалуй, понимаю тебя, товарищ Рассветов,— после некоторой паузы сказал Батраков. – В таком случае есть для тебя другой участок работы, что называется, прямо по твоей части! В губком поступила директива от товарища Дзержинского. Нам предлагается в срочном порядке организовать детскую сельскохозяйственную колонию для беспризорных ребят. Надеюсь, важность этого дела объяснять тебе не надо?

— Где предполагается разместить эту колонию?— спросил Рассветов, понимая, что от этого поручения отказываться он не имеет права.

— В Хвалынске. Там у нас есть детская коммуна в бывшем мужском монастыре, но коммуна эта маленькая, захудалая, а нам нужна настоящая большая колония, и организуем мы ее в бывшем имении графа Воронцова-Дашкова, в селе Алексеевка. Сейчас там совхоз, который со временем мы целиком передадим колонии, если вы сумеете поставить хозяйство. Дело, прямо скажу, заманчивое и перспективное, а главное — крайне важное и неотложное. Абы кому поручить такое мы не можем, Андрей Иванович.

— Ответственность понимаю, Василий Федорович, и на первых порах прошу помочь,— решился принять предложение Рассветов.

— Обещаю всяческую поддержку, Андрей Иванович,— сказал секретарь, нажав на кнопку звонка.

Тут же явилась технический секретарь.

— Как, Тоня, успели вы поговорить с товарищем Рассветовым? —спросил Батраков, загадочно улыбаясь.

— Нет. Андрей Иванович не узнал меня,— смущенно проговорила Тоня.

— Очень извиняюсь,— встав со стула и пристально глядя на Тоню, сказал Рассветов.— Неужели Звягинцева?.. Здравствуй, Тоня! Теперь я вижу, что это та самая умница, которая у меня была одной из первых учениц! Выросла-то как, батюшки мои, да и красавица какая! Замужем?..

— Успела и замуж выскочить, Андрей Иванович,—

ответила Звягинцева, и краска залила ее лицо.— Неделю назад мы с мужем встретили вас около университета, но вы даже и не глянули на меня. В тот же день я и рассказала про вас Василию Федоровичу.

— Наша Тоня прямо-таки влюблена в вас, Андрей Иванович,— пошутил секретарь.— Пусть Тоня извинит меня, что я выдаю ее тайну.

— В Андрея Ивановича все наши гимназистки были влюблены,— сказала девушка, по-прежнему смущаясь.

— Это хорошо. Я очень рад за вас, Андрей Иванович! Чище такого чувства — ученик к своему учителю — быть ничего не может! сказал секретарь.— Выпишите, Тоня, на товарища Рассветова мандат, что он назначен заведующим Алексеевской детской сельскохозяйственной колонией, с просьбой ко всем партийным, советским и хозяйственным организациям оказывать ему всяческое содействие.

— Можно идти? — спросила она.

— Да-да, товарищ Рассветов сейчас зайдет к вам.

Звягинцева вышла.

— Как у тебя с семьей, товарищ Рассветов?

— Холост я, товарищ секретарь, а родители...

— О родителях твоих, Андрей Иванович, мне известно. Прими мое искреннее соболезнование. Понимаю, что в утешении ты не нуждаешься. Несмотря на наши личные беды, нам надо сжаться в единый тугой кулак и пробивать общее дело — восстанавливать страну... На оформление бумаг, открытие счета в банке и другие формальности — три дня. Звоните прямо в губком, если какая заминка произойдет. Владимир Ильич Ленин очень обеспокоен состоянием детской беспризорности в стране. Понимаешь?.. Желаю успеха.

ГЛАВА ТРЕТЬЯ

Рано утром, когда над затуманенным лесом Заволжья поднялось сентябрьское солнце, к Алексеевской пристани подходил пассажирский пароход. На верхней палубе у левого борта стоял человек в серой длиннополой шинели, в солдатских сапогах, в военной фуражке со звездочкой. Это был Андрей Иванович Рассветов. Лицо его задумчиво и сурово. Он напряженно всматривался в окрестности Алексеевки, покрытые лесом с обширны-

ми кулигами золотистой, багряной и темно-зеленой листвы. Кое-где проглядывали красные железные крыши крестьянских домов, а на берегу затона высоко в небо взметнулась черная заводская труба.

Здесь, в этом селе, Рассветову и предстояло жить и работать. Он хорошо понимал, что задача поставлена перед ним чрезвычайно трудная, никто с распростертыми объятиями здесь не встретит. Детская колония — это ведь обуза не только для местных властей, но и для населения. А от того, какими будут эти отношения, зависит многое. С такими думами Рассветов и стоял на палубе парохода.

Утреннюю, ничем не встревоженную тишину нарушил басовитый привальный. Как только вахтенный матрос бросил носовую чалку и пароход начал пришвартовываться, Рассветов взял в руки чемоданчик, стоявший у его ног, пошел к выходу.

Проследив за выгрузкой привезенного для будущей колонии груза, Рассветов сошел по зыбким мосткам на берег.

С Волги дул порывистый ветер. Косые зеленоватые волны обрушивались на прибрежную гальку, перекатывая мелочь с места на место, и, не в силах сдвинуть более крупные камни, с шипением отступали назад.

Бородатый извозчик, сидевший в тарантасе, запряженном парой сытых лошадей, оценив наметанным глазом сошедших с парохода немногочисленных пассажиров и огорчившись, что сегодня заработать не удастся, молодцевато соскочил с сиденья и, преградив путь человеку в серой шинели, весело спросил:

— Вам куда, гражданин хороший? Могем подвезть, ежели на чекушку не поскупитесь.

Рассветов с любопытством посмотрел на рыжую бородищу и шельмоватые кошачьи глазки извозчика, улыбнулся и ответил:

— Мне в Алексеевку. А на чекушку, дядя, казна денег не выдала.

— Выходит, рад бы в рай, да грехи не пущают?! — заржал извозчик, показывая литую подкову зубов.

— Грешники те, борода, у кого денег много, а у меня какие же грехи? — уже на ходу шуткой ответил Рассветов, направляясь в село берегом Волги.

Ранний утренний час, а работа на берегу в самом разгаре: две баржи грузились щебнем. Грузчики легко

бегали с деревянными тачками по жидким трапам, весело подгоняя друг друга: «Давай-давай, не задерживай!» Одна за другой подходили подводы, опрокидывали серый щебень в бурты, и, понукая лошаденок, возчики спешили к камнедробилке.

— Эй, служивый! Чего хобот повесил? — закричал с баржи грузчик.— Золотой хочешь найти? Иди к нам в артель, киснуть не будешь, клянусь своими парусами! — Весельчак ударил сильными ладонями по широченным грязно-рыжим штанам, выбивая клубы пыли, зычно засмеялся.

Рассветов помахал рукой кричавшему грузчику и, ничего не сказав в ответ, ускорил шаг.

От пристани до совхоза километра два, может, чуть больше.

Рассветов, перебравшись за кирпичным заводом через овраг с звенящим по голышам ручьем, увидел впереди затон, а по его берегам раскачивающиеся от ветра деревья. Тут же покоились отслужившие свой век рыбацкие лодки. Ветер здесь терял свою силу, его порывы укрощал зеленый заслон острова.

Между вековыми осокорями, на широкой каменистой прогалине, стоял буксирный пароход «Шквал». В весеннее половодье он словно с разбега сел на мель, врезавшись железным носом в прибрежную гальку, да так и остался здесь.

Глянув на буксир, Андрей Иванович подумал: «Ржавеет, трудяга! Привели, видно, на капитальный ремонт, а на стапель не подняли. Непорядок получается!»

На одну из опрокинутых лодок, лежавшую в нескольких десятках метров от дороги, вскочил красноголовый, оборванный и босой мальчишка. Чтобы согреться, он похлестал себя руками по бокам, попрыгал то на одной, то на другой ноге, повертел в разные стороны рыжей головой, точно сурок, вылезший из норы, и, заложив два пальца в рот, пронзительно свистнул.

Заметив мальчишку, Рассветов свернул с дороги, намереваясь подойти к нему. Оборвыш, видимо подавая условный сигнал, мастерски свистнул еще несколько раз. Выйдя из-за тополей, Рассветов спросил:

— Скажи, мальчуган, далеко до совхоза?

— А это и есть совхоз, дяденька. А контора у них в

белом домс, вон там!..— Мальчишка показал рукой в противоположную сторону от затона.

— Ты здешний? — поинтересовался Рассветов, приглядываясь к оборвышу.

— Не, — ответил тот, спрыгнув с лодки.

— Откуда же ты?

— А ниоткуда.

— Э, брат, так не бывает,— возразил Андрей Иванович, присаживаясь на лодку.— Всякий человек откуда-нибудь да есть. Я вот, к примеру, со службы возвратился.

— Ты в совхозе будешь работать? — догадался мальчик.

— Думаю здесь обосноваться. Что же это мы, разговариваем и не познакомились? Меня Андреем Иванычем зовут,— Рассветов протянул мальчугану руку.— А тебя как звать?

Мальчишка посмотрел на свои не очень чистые с обкусанными ногтями пальцы, поколебался малость и, потерев о рваную рубашку, подал руку.

— Меня Рыжим все зовут.

— Рыжий — это прозвище, вроде насмешки. Раньше как тебя звали?

— Волька.

— Владимиром, значит?

— Ага.

— Хорошее имя! Ну вот что, Волька, давай завтракать. Есть хочешь?

— Которые есть не хотят — таких не бывает,— засмеялся Волька, видимо удивляясь, зачем Андрей Иванович спрашивает об этом.— Только я не один тут. У нас так: кто чего добудет — должон в общий котел несть, закон!

— Замечательный закон,— улыбаясь красноголовому Вольке, сказал Рассветов.— Зови своих приятелей, вместе и позавтракаем. Я, брат Волька, не один год в окопах сидел, знаю, как с голодухи брюхо подводит, до тошноты бывает.

Вольке понравился такой разговор, тем более что Андрей Иванович, открыв чемоданчик и расстелив на дно опрокинутой лодки газету, начал выкладывать хлеб, свиное сало и куски сахара, вкус которых Волька давным-давно позабыл. При виде такой вкусной еды у не-

го даже слюнки потекли. Он пронзительно свистнул три раза подряд, объявил:

— Порядок, Андрей Иванович! Сейчас рванут с ночлежки, только держись!

Почувствовав за собой дыхание, Рассветов обернулся. За его спиной стояла девочка. На ней была заштопанная во многих местах серая юбка выше колен и кофта ржавого цвета. Она, как и Волька, босая, волосы ее, какого-то ржавого, как кофта, цвета, свисали до плеч крупными нечесаными локонами.

— Чего стоишь? — спросил Рассветов девочку.— Садись, будем кушать.

Девочка доверчиво посмотрела на него васильковыми глазами, жеманно произнесла:

— Спасибочки.

— «Спасибочки» потом, а сейчас садись. Вот сюда садись, на лодку. Тебя как звать-то?

— Соней зовут,— ответила девочка, присаживаясь напротив Рассветова.

Вскоре после Волькиного сигнала с деревянных плиц огромного колеса «Шквала», будто выпрыгнутые из рогожного куля, на землю посыпались пацаны в самых невероятных лохмотьях. Волька помахал им рукой, и мальчишки вмиг очутились у лодки. На каждый ломоть ржаного хлеба Рассветов аккуратно клал по куску свиного сала, а кусочки колотого сахара высыпал из кулька в центр «стола». Голодные глаза ребятишек уставились на еду в ожидании, когда чудак хозяин поделит свои запасы на порции, а через пять минут ничего от этих запасов не останется — в этом никто не сомневался.

— Садитесь поплотней, берите и ешьте, — сказал Андрей Иванович, окинув ребят добрым взглядом.

Сразу же разобрали сахар, оставив кусочек хозяину.

— Сначала хлеб и сало едят, — заметил Рассветов, — а потом уж сахар, на третье, а вы наоборот.

Никто от такого замечания не сконфузился, а только молча улыбались. А Лешка Бреднев, самый маленький из всех присутствующих, откусив от большого куска сахара крошечный кусочек, блаженно закрывал глаза и, громко чмокая, торопливо глотал сладкую слюну. Не помнил Лешка, когда он в последний раз и сахар-то пробовал, а тут не проворонил и взял самый большой кусок! Эх, и до чего же сладкий этот искристо-белый кусочек, кажется, гору бы съел такого, да где взять?!

— Мы все съедим, Андрей Иванович, не обидно будет? — сказал красноголовый Волька, взяв второй кусок хлеба.

— Какая же тут обида? Ешьте, у меня все равно больше нет, — ответил Рассветов.

Когда с едой было покончено, Андрей Иванович, закрывая опростанный чемоданчик, спросил:

— Наелись?

— Нет, — отозвался белобрысый, самый рослый из всех подростков. — Таких легче утопить, чем прокормить.

— Неправда, — возразил Андрей Иванович. — Тебя как звать?

— Федькой, — ответил тот.

— Заблуждаешься, Федя! Человек не только себя может прокормить, но и еще пятерых, если работать станет. Ну, а если большинство начнут воровать, а меньшинство работать, тогда, конечно, очень скоро и красть нечего будет. Согласен?

— Нет, — хитровато посматривая на Рассветова и улыбаясь, ответил Федька.

— С чем не согласен?

— Горбить на хозяина за семишник в день дураков нет.

— Зачем же на хозяина? На себя работай!

— Не умею. На сапожника и то учиться надо, морока! Воровать легче, — засмеялся Федька, показывая кривые, некрасивые зубы.

Рассветов заметил, как на глазах у всех Федька продемонстрировал ловкость рук: все брали по одному куску сахара, а Федька взял два, один из которых молниеносно сунул за пазуху. Прищурившись, Рассветов сказал:

— Эх ты, «морока», грубо работаешь!

В одно мгновение он выдернул у Бякина рубашку, заправленную в штаны, и кусок сахара выпал. Произошел конфуз, за Федьку стало неловко всем.

— Это он для Милки, — вступился за Бякина маленький Ленька. — Сестренка моя, Милка, под лодкой помирает. Они с Федькой пожениться уговорились, а она помирает...

— Что?! Как помирает?.. Что же вы сразу не сказали, а? — встав с места, заволновался Рассветов. — Где она?

— Мы с ней вместе спим, вон под той лодкой, — ска-

зала Сонька, поднявшись следом и показывая на опрокинутую вверх дном старую лодку, замаскированную между осокорями. — Жар у нее, а вчера стала зря говорить и ничего не ест, только пить просит. Может, сахару поест...

— А ну, живо идемте! — представив себе умирающую под лодкой девочку, быстро пошел Рассветов. — Почему раньше не сказали никому?

— А кому скажешь? Пришли бы да и прогнали нас отсюда куда подальше — и все дела, — оправдываясь за всю компанию, сказал черноглазый подросток Залетаев, еще весной скитавшийся в бакинских трущобах и едва не умерший с голоду.

— Дальше прогонять вас уже некуда! — неизвестно кого упрекая, сердито сказал Рассветов.

Один край лодки, на которую указала Сонька, был приподнят с заветренной стороны на два плоских камня, а образовавшаяся щель была закрыта камышом и камнями. Подкоп, сделанный посередине, напоминал сурчиную нору, через этот лаз Сонька и Милка вползали и выползали из своего убежища на животах.

С помощью ребят Рассветов опрокинул лодку набок и сразу же увидел скорчившуюся под лохмотьями девочку. Она лежала в жару, но не металась и не бредила. Голубые глаза ее лихорадочно горели, в них поселился страх, тоска и безысходность, а сил, чтобы сопротивляться одолевающей ее болезни, не было.

— Не бойся, это — свой человек, Андрей Иванович, — присев к Милке, сказал Бякин — Возьми вот, поешь! — Федька передал ей кусок хлеба и сахар.

Встав на колени и положив холодную руку на горячий лоб Милки, Андрей Иванович спросил:

— Давно болеешь?

Девочка тихо ответила:

— С неделю, как жар стал...

— Где болит у тебя?

— В груди...

Она глухо и влажно закашляла. Рассветов подумал, что у нее, видимо, воспаление легких и оставлять ее в таком состоянии он не имеет права даже на несколько минут.

— Немедленно в больницу, — решительно сказал он. — Не плачь, мы будем приходить к тебе, ты скоро поправишься!

Ребята хотя и не признавались друг другу, но каждый боялся, что Милка вот-вот помрет, потому что у нее сильно хрипит в груди, она кашляет и горит, как в огне.

— Вроде бы конюшня тут рядом? — спросил Рассветов ребят. — Я видел повозки.

— И лошади есть, — подтвердил подслеповатый, с красными от трахомы веками подросток Колька Хмырь. — Только задаром Борода не повезет, он злой на нас.

— Повезет и без денег, если культурно попросим, — заверил Рассветов. Он взял Милку на руки, и всей компанией они направились к конюшне.

Подойдя к повозке, Рассветов уложил девочку в нее и обратился к вышедшему из дверей конюшни рабочему:

— Кем работаешь здесь?

— Конюх Хромов.

— Запрягай лошадь, со мной поедешь.

— Да я... не старшой тут.

— Зови старшего. А вы несите сена в повозку.

Хмырь и Залетаев кинулись к сеновалу. Рассветов, сняв шинель, укрыл ею Милку. Сонька села в повозку, обняла подругу за худенькие плечи.

— Вы чего, не спросясь, хозяйничаете тута? — спускаясь по лестнице с сеновала, строго прикрикнул на ребят Мотька.

— А... Борода! Ты здесь за старшего? — спросил Рассветов.

— Покамест — я.

— А звать-то как?

— Матвей сын Анисимов. А вы кто будете?

— Рассветов я, Андрей Иванович, а буду заведующим здесь. Запрягай лошадь, девочку в больницу отвезем, да побыстрей!

— Это мы мигом, Андрей Иванович! А вы, ребята, сенца-то побольше положите, помягче чтоб было, — заискивающе лебезил Мотька. — Володька! Живо запрягай, — приказал он конюху Хромову.

Оглядев Рассветова еще раз и не сомневаясь, что перед ним тот самый военный, с которого он за подвоз просил на чекушку, попытался сгладить свою оплошность:

— Что же вы у пристани-то ничего не сказали?.. Пошутковали мы с вами и разошлись...

— Ладно, ладно, Матвей сын Анисимов, скажу в свое время. Багаж оставил я там, вечером съездим с тобой.

В это время Володька Хромов выводил из конюшни мерина по кличке Буксир.

— Не его, не его! — шумнул Хохлов и замахал на Володьку обеими руками. — На нем и к вечеру не доедешь, сто раз по дороге помереть можно. Сороку давай!

И, не дожидаясь, когда Хромов заменит лошадь, метнулся в конюшню сам.

Вскоре он вывел белую тонконогую кобылицу с темными большими пятнами по бокам, напоминающими распластанные крылья птицы.

— Далеко ли до больницы? — спросил Рассветов, глядя, как Мотька проворно запрягает Сороку в повозку.

— Версты две... с гаком, — сказал Хохлов, затягивая супонь.

— Кто поедет из вас?

— Сам, сам я поеду, — поспешил ответить Мотька, садясь на кучерское место. Она, шельма, разнесть может, птица, а не кобылка!

Ребята и молодой рабочий Хромов, не скрывая любопытства, во все глаза смотрели на Рассветова, пытаясь угадать: что за человек перед ними?.. «По обмундировке, — думал Мотька, — не иначе красный командир. А я сдуру на чекушку хотел сорвать с него, козел бородатый! — клял себя Мотька. — Господи, отведи беду, свечку поставлю тебе, не поскуплюсь!»

Садясь в повозку, Рассветов сказал:

— Вот что, ребята! Приходите-ка ко мне вечерком. Совхозную контору знаете?

— Знаем!

— Там и встретимся. Поехали, — тронув за плечо Хохлова, велел Рассветов.

— Андрей Иванович! — спохватился Бякин, державший чемоданчик Рассветова. — Угол забыли. Возьмите же!

— Если не затруднит тебя, Федя, принеси чемоданчик, когда ужинать придешь. Дел у меня до вечера много, а таскаться с пустым чемоданом хотя и нетяжело, но неудобно. Договорились?

— Ладно... принесу, — неуверенно и как-то неожиданно смутившись ответил Бякин.

Хваленая Сорока горячо взяла с места. Провожая глазами взвихренную за повозкой пыль, Колька Хмырь сказал:

— Борода туго знает дело: Малютку не послал, а сам поехал!

— Влип он сегодня, вот и боится, чтоб про его заработки на лошадях в конторе не узнали, — объяснил Хромов.

— Слушай, Малютка, как, по-твоему: кто такой Рассветов? — спросил Бякин.

— А тебе какая разница?

— Чудной какой-то! От хлеба, сахара и сала мы его уже освободили, так он еще и чемодан мне оставил. Как думаешь: трояк дадут за него?

— Пакостник ты, Федюха! Не зря и фамилию пакостную носишь: Бяка! — захохотал Хромов. — Снеси грузчикам, на махру заработаешь.

— А что? Смотаюсь на щебенку и загоню! Нашел фраера, чтоб ему чемодан таскали, — почему-то с обидой сказал Федька. — Тебе хорошо, пригрелся тут возле доярок и сыт, а мне завязывать не с руки, с голоду подохну. Братва, за мной!

Бякин сорвался с места и, словно боясь, что передумает обменять даровую вещицу на махру, побежал на берег Волги, а за ним гуськом потянулись и другие пацаны.

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ

Тихо плещется у песчаных отмелей Волга, огибая остров, и хотя медленно но настойчиво подмывает противоположный левый берег. Едва заметно движется по течению длинющий, может на полкилометра, плот. На плоту срублено два домика, новеньких, самых настоящих, в которых можно жить, спасаясь от дождей и ветров.

Перебравшись через затон на двух связанных между собой бревнах, Федька Бякин и компания, сбросив свои лохмотья, греются на песке. Песок этот жители Алексеевки называют Толстым, а остров Зеленым, на картах они не указаны, разве только на специальных, для шкиперов и лоцманов.

Чуть выше Алексеевки Волга почему-то вильнула влево и начала намывать песок с правой стороны крутого берега. За десятки, а может быть, и сотни лет она намыла целый остров чистейшего белого песка, который постепенно зарос всякой травой, кустарником и деревья-

ми, создав надежный заслон восточным ветрам Заволжья.

Полуденные лучи сентябрьского солнца ласково пригревают мальчишечьи спины, нагоняя лень и тоску. Бякин, опершись выразительным раздвоенным подбородком о тонкие ладони рук, глядит на плотогонов, размахивающих руками и что-то кричащих друг другу, тяжело вздыхает. И почему-то вспоминаются слова: «Если не затрудинт тебя, Федя, принеси чемоданчик, когда ужинать придешь...» Тошнота даже от таких слов к горлу подкатывается у Федьки. Легко сказать «принеси», а что подумают дружки о нем да хотя бы тот же Малютка, загадочно оторвавшийся от блатняков?.. Нет, Федька Бякин не фраер какой-нибудь! Хотя полной власти над этой братвой у него нет, а последнее слово все же за ним. Но если уж до конца быть честным, то надо признать: с появлением бакинца Сеньки Залетки авторитет Федькин потускнел, стерся, как старинный пятак, которым в орлянку играют. Этот мазутник хитрый, он и в школе учился, если не врет. Говорит Залетка мало, а если скажет — будто врежет, и крыть Федьке нечем. По годам они ровня, а силенка у Сеньки будь-будь, не гляди, что щуплый.

Колька Хмырь - куда ветер дует, туда и он, своего мнения не имеет. Наговорил ему какой-то выдумщик, что золота в земле навалом позарыто, вот он и мучается этой дурью, кладоискатель несчастный, а на базаре только его и бьют, простую торговку обворовать не может без шума.

Бреднев Леньчик — малец еще, о нем и говорить нечего. Ляпнул же Андрею Ивановичу — «жениться решили», чудик, и откуда только взял такое?.. Наверное, сама Милка наболтала ему про это или Сонька наврала.

Один Волька, пожалуй, уважает Федьку. Но Рыжий готов каждому услужить, он всех уважает...

Долго так лежит Федька, думая о себе самом и о товарищах, решает непосильную задачу: как же все-таки быть с этим чемоданом?.. И кажется ему, что даже само время остановилось, как этот длинный плот, севший на мель... А если по справедливости — чемоданчик то вернуть надо, все пацаны слышали, как он, Федька, принести обещал. Может, Сеньку спросить, как бы он поступил на его, Федькином, месте?.. Смеяться станет Залетка! Фраер, скажет, ты, коль простого дела решить

не можешь... Что делать?.. И так и этак прикинет Федька. И вдруг будто молния озарила и пришло решение! Вот он, плот, который сейчас снимут с мели, — бежать надо отсюда!.. Отдать чемодан плотогонам, помогать им в работе, абы пожрать давали, добраться с ними до Астрахани, а там... Эх, чего загадывать, что там?.. Надо действовать, пока не поздно!

— Эй, братва, ближе давай! — позвал Федька, поднявшись с песка.

Залетаев лежал неподалеку от Бякина и только повернулся в его сторону, остальные подошли.

— Плот видите?

— Не ослепли пока, — сказал Залетаев. — Хмырь, ты видишь?

— Я что, слепой, по-твоему? — огрызнулся Колька.

— Откуда я знаю? Глаза у тебя, как у бешеного судака, красные.

— Это мне песку в глаза сыпанули в драке одной, с той поры и слезы текут, а так хорошо я вижу, - сказал Хмырь, выдавая неудачную выдумку за действительность.

— Врешь ты все! К доктору тебе надо, чтоб вылечил, не то совсем ослепнешь и клад твой тю-тю!.. — рассмеялся Залетаев.

Рыжий Волька и Ленька Бреднев тоже начали хохотать, только Бякин оставался серьезным и даже не улыбался.

— Веселые вы, когда накормили вас. — окинув дружков недовольным взглядом, сказал Федька. — А дальше как жить думаете?.. Не знаете?! Я тоже не знаю. Картошку совхоз выкопал, яблок в саду почти нет, в погребах у мужиков взять нечего, сами впроголодь живут, а у кого что и припрятано, так под девятью замками держат! На сельском базаре хоть не показывайся, на своих боках все спробовано!.. И я так решил: смываться надо отсюда, братцы! Не все сразу, по одному, по двое, а надо уходить. Всем сразу нельзя: компанию легавые враз засекут — и в домик. Допром называется. Поняли?.. Кто со мной на плот?

Ребята удивленно посмотрели на Бякина, не перегрелся ли он сегодня на солнышке, потом переглянулись между собой, и Сенька Залетаев спросил:

— А дальше что?..

— Доплыву я сейчас до этого плота, залезу на него,

отдам плотогонам чемодан с солдатским барахлом, просто отдам, без денег, и попрошусь с ними до Астрахани. Двоих, я думаю, возьмут. Кто второй?..

— Ты это только сейчас придумал?

— А что? Я дело говорю. Не хочешь — не надо, силком тянуть я никого не собираюсь.

— Выходит, когти рвать надумал, Бяка? — взъерошился Хмырь, зло глядя на Федьку.

— Я же вам открыто, как людям, — возразил Федька. — Мог бы и не говорить. Когда жрать нечего, товариществом сыт не будешь, тут спасайся кто как может! А в Астрахани, на рыбных промыслах, всегда покушать дадут и холодов сильных нету зимой.

— Для тебя товарищество тогда нужно было, когда ты больной лежал и пацаны жратву тебе носили, а оклемался, так спасайся кто может?! — поднявшись на ноги и шагнув к Федьке, с вызовом спросил Залетаев.

— Я когда-нибудь меньше Рыжего или Хмыря приносил? — возразил Федька, догадываясь, что его вызывают на скандал. — Я ничего не утаивал от вас, все в общий котел нес.

— Не об этом толковище, Бяка! Забыл, когда лихоманка тебя трясла? Мы тогда не только еду носили тебе, но хину в больнице украли!

— О Милке забыл уже, Федюха? — в упор спросил Рыжий. — Товарищи так делают?

— Да ему на всех на нас наплевать! — распаляясь, сказал Хмырь. — Какой он нам товарищ?

Федька Бякин, чувствуя, что дело его плохо, сдрейфил. Но почему все сразу пошли против него, он не понял.

— Шакал ты поганый, Бяка! — зло сказал Рыжий.

— Гад он, — негромко, но с дрожью в голосе сказал Семен Залетаев. — Предатель! — И, качнувшись всем корпусом вперед, сильным тычком ударил Федьку в подбородок.

Бякин, взмахнув руками, попятился назад и, не удержавшись, упал. А когда попытался встать, второй удар нанес ему Колька Хмырь, и Бякин, рухнув на песок, быстро сел, согнул колени, спрятал между ними лицо, закрыл голову руками. Град ударов посыпался на Федькину спину, даже десятилетний Ленька тузил его своими острыми, костлявыми кулачками по шее и по спине.

Федька тихо сто
так лучше: ярост
тановятся, не нс
и убить.

— Все! — под

этого.

Шкеты остано

— Понял, за

— Нет, — отв
стью глядя на За

— Мало дал
ка. — Можешь др
го, как вернешь
нас считал, падл
ка! Понял?..

— Так вы за ч

— Опять не д
бы не только о се
вор дороже денег!

— Да притвор
хорошо понимает.

— Сколько же
ем сказал Сенька
вать и мы для те

— Шибко горд
тил Федька.

— Не подлича
подставляй товар
понимание будет...

Настало время

— Чья сегодня
сил Залетаев. — Т

— Нет, Федьки
далеко, догнать ег

— Дурак ты, к
кин. — Быстро ты з
ничего, поглядим
не оглядываясь, на
острове еще весной
небольшой запас к
надлежащие всему

А под вечер, по
и утром, ребята

Федька тихо стонал, но не сопротивлялся. Он знал, что так лучше: ярость противников скоро иссякнет и они остановятся, не искалечат, а если сопротивляться — могут и убить.

— Все! — поднял руку Залетаев. — Хватит с него и этого.

Шкеты остановились.

— Понял, за что?

— Нет, — ответил Бякин, подняв голову и с ненавистью глядя на Залетаева.

— Мало дали тебе, если не понял, — сказал Сенька. — Можешь драпать куда хочешь, но только после того, как вернешь чемодан человеку. За подлых шестерок нас считал, падло? У нас тоже своя гордость есть, Бяка! Понял?..

— Так вы за чемодан лупили меня, фраера?

— Опять не дошло! Лупили тебя, дурака, за то, чтобы не только о себе думал, но и о товарищах своих. Уговор дороже денег!

— Да притворяется он, — сказал Хмырь. — Все он хорошо понимает.

— Сколько же в тебе подлости, Бяка! — с сожалением сказал Сенька. — На товарищество наше тебе наплевать и мы для тебя послушные овечки? Так, что ли?..

— Шибко гордый ты, Залетка, — поднимаясь, ответил Федька.

— Не подличай, — спокойно сказал Залетаев, — и не подставляй товарищей под удар, тогда между нами и понимание будет...

Настало время заняться обедом.

— Чья сегодня очередь картошку варить? — спросил Залетаев. — Твоя, Хмырь?

— Нет, Федькина очередь, — ответил Колька. — Плот далеко, догнать его он не сможет, пусть идет и варит.

— Дурак ты, курослепый, — злобствуя, ответил Бякин. — Быстро ты забыл, кто тебя на базарах спасал! Ну, ничего, поглядим потом...— Федька круто повернулся и, не оглядываясь, направился к шалашу, сделанному на острове еще весной, где хранились котелок, ложки, нож, небольшой запас картошки, соли и вяленой рыбы, принадлежащие всему товариществу.

А под вечер, переплыв затон на тех же бревнах, что и утром, ребята направились к давно обжитой ночлеж-

ке, на «Шквал». Сзади всех, опустив голову, шел Бякин, неся в руках чемоданчик.

У «Шквала» стояла Сонька и энергично махала ребятам руками, чтоб шли быстрее. Не дожидаясь, когда подойдет отставший от компании Бякин, сообщила:

— Милку положили в больницу. Доктор сказал, что у нее воспаление легких, и будет лечит ее, но... — на этом Сонька осеклась, видимо не желая сказать всего, что услышала от доктора.

— Что ж ты, говори! — сказал Залетаев, пристально глядя на Соньку.

В это время подошел к компании и Бякин. Он молча остановился и, не глядя на Касаткину, без всякого интереса стал слушать, о чем идет речь.

— Поздно привезли, сказал доктор. Рассердился даже на нас.

— На кого рассердился-то? — спросил Хмырь.

— На нас с Андреем Ивановичем, на кого же больше.

— Умрет? плаксиво спросил Ленька.

— Не сказал он.

— А кормить ее там будут?

— Конечно будут, вот чудик, сказала Сонька.— Там кормят всех бесплатно. И чисто очень. Сперва ее помыли, одели во все чистое, потом надели на нее халат серый и увели в палату. У окна она будет лежать, с теткой одной рядом.

— Эх мы, дураки, давно надо было в больницу ее! — пожалел Залетаев. - Не знали, что без денег туда принимают.

— А еще я была с Андреем Ивановичем в совхозе, в главной конторе ихней. Сейчас идемте в совхозную столовку ужинать, там Андрей Иванович встретит нас и хочет сказать нам всем что-то очень важное.

— Обожди, мы кое-что возьмем там у себя, — сказал Залетаев, кивнув головой в сторону «Шквала». — Хмырь, пошли.

— На работу, может, возьмут? — высказал предположение Волька.

— А что ты умеешь делать, Рыжий? — насмешливо спросил Бякин.

— Работает же Малютка! — ответил Волька.

— Сравнил себя с Малюткой, умора! — ощерился Федька, показывая некрасивые, кривые зубы. — Фамилию свою даже не знаешь, Рыжий!

— Ну и ...
ехидство. — По...
А под лодкой по...
Солнце опус...
От желто-голубо...
рону затона. Он...
лось Соньке, па...
на своих поломан...
лучину волн и ...
только Сонькин...
на своем месте, ...
гальку.

ГЛАВА ПЯТА...

Впервые за ...
бездомных ребят...
свой век пароход...
на втором этаже ...
колонии под жи...
местился и заве...
вдвоем с Матве...
багаж, в которо...
душечными наво...
одежда, белье и ...

После того ка...
чению Рассветова...
восторгам пацано...
ловались Леня Бр...
своей жизни надел...

Ленька, получ...
щие носки ладонь...
благодарность за ...
ге лизнул коричне...
бята начали хохота...
тился своего посту...
тинок не было ниче...

— Братва! Вы ...
нул Залетаев. — О...
стно!

— А тебя, Зале...
но ответил Волька...
бани такой же. Хот...

— Ну и что? — отговаривался Волька на Федькино ехидство. — Показали бы, как делать, так научился бы! А под лодкой помирать, как Милка, не хотца...

Солнце опускалось за кромку сине-багряного леса. От желто-голубого «Швала» падала длинная тень в сторону затона. Она росла, раскачивалась, и, как показалось Соньке, пароход вот-вот сорвется с места, побежит на своих поломанных плицах к Волге, ринется в седую пучину воли и даст отвальный гудок... Но это было только Сонькино воображение, «Шквал» мертво стоял на своем месте, зарывшись ржавым носом в песок и гальку.

ГЛАВА ПЯТАЯ

Впервые за многие месяцы бродяжничества группа бездомных ребят ночевала не в трюме отработавшего свой век парохода и не под лодками на берегу Волги, а на втором этаже бывших графских покоев, переданных колонии под жилье. Тут же, в отдельной комнате, разместился и заведующий колонией Рассветов. Накануне вдвоем с Матвеем Хохловым они привезли с пристани багаж, в котором вместе с одеялами, матрасными и подушечными наволочками имелись простыни, кое-какая одежда, белье и обувь.

После того как ребята помылись и банщица по поручению Рассветова выдала им новую одежду и обувь, восторгам пацанов не было конца. Больше других радовались Леня Бреднев и рыжий Волька: они впервые в своей жизни надели на себя такие вещи.

Ленька, получив кожаные ботинки, погладил блестящие носки ладонью и, не зная как и кому выразить свою благодарность за такую обувку, в неописуемом восторге лизнул коричневую подметку языком. Увидев это, ребята начали хохотать над Ленькой, но тот ничуть не смутился своего поступка: для него сейчас дороже этих ботинок не было ничего на свете!

— Братва! Вы только гляньте на Вольку, — воскликнул Залетаев. — Он же вовсе не рыжий, а золотой, честно!

— А тебя, Залетка, и мочалка не берет, — добродушно ответил Волька. — До бани был чумазым и после бани такой же. Хоть бы глаза промыл!

— Такие уж мама подарила, неотмываемые, — весело сказал Сенька.

— Брось темнить, Залетка, не было у тебя никакой мамы! Подзаборник ты, в мазуте найденный, оттого и черномазый, — ехидно ухмыльнулся Бякин.

Понимая, что Федька злобствует и задирается, Залетаев не ответил. Настроение у Сеньки после бани было превосходным. И не только потому, что он смыл с себя грязь и надел чистое белье, а главным образом оттого, что сегодня развенчали дутый авторитет главаря Бякина, показали ему силу товарищества и заставили подчиниться своему маленькому коллективу. Ребята поверили в свои силы и могли гордиться этим. Это было здорово, и Залетаев радовался за всех пацанов.

— А одежку нашу, братцы, банщица в топке сожгла, — входя с улицы в предбанник, ошарашил новостью Колька Хмырь.

— Как сожгла? — спросил Волька, удивленно вскинув золотистые брови.

— А так: пых и нету! — рассмеялся Хмырь.

— Зачем она вам? — посмотрев на ребят, спросил Залетаев. — Я слышал, как Андрей Иванович сказал банщице, чтоб при нем все наше барахло в печь бросила. Из-за этой одежки мы сегодня на голых досках спали. Поняли?..

— Ух и здорово трещали они, наверное?! — восторженно сказал Ленька.

Ребята покатились со смеху.

— Запарился, пацан? — спросил Залетаев Леньку.

— Отпарился, — расплываясь в довольной улыбке, ответил Ленька. — Даже из нутра грязь повылазила.

— Теперь и сестренка не узнает тебя, настоящий юнга! — поправляя на Леньке синий отложной воротник с белыми полосками по краям, похвалил Залетаев.

— А я и так в матросы пойду, вот увидишь! — чувствуя дружеское расположение к себе Залетаева, осмелел Ленька Бредень.

В любом деле самое трудное — начало. И у Андрея Ивановича сразу же возникла уйма вопросов, которые требовали безотлагательного решения...

Подписав акт о передаче построек и части хозяйства совхоза колонии, Рассветов начал поиск сотрудников

На своих п
Владимир Хро
ласилась печь
ству стала каст
нии управляю
принять Кочерг
щего свое дело,
житься, хотя и
заметил управл
нужен был коло
При первом
заявил: «Знаю я
самый, что коню
черта обскакал,
Иванович, и неб
думаю, не дойде
деюсь на ваши зн
В новой канц
го, как устроилис
Рассветов, за дру
слева от входной
ка, в которой тру
ку. Белая матрос
и у ребят, темная
сочки и сандалии,
это изменило ее д
за глядели на нее
же она красивая!
— Садитесь, р
Иванович, оглядыв
признаю вас, честн
светова светились
Ленька Бреднев
— Правда, не у
Все сидящие в
лись.
— Ну, садись, е
ши первые колонис
лают, не приучены
Я правильно говорю
обратился к Бредне
Ленька, сидевши
Залетаевым, видимо
лонией обращается

На своих прежних местах остались Матвей Хохлов, Владимир Хромов и две доярки: Нюра Лапшинова согласилась печь хлеб, а Феня Гульбина по совместительству стала кастеляншей. На должность счетовода колонии управляющий совхоза рекомендовал Рассветову принять Кочергина Петра Гавриловича, человека знающего свое дело, аккуратного, на которого можно положиться, хотя и несговорчивого. «Буквоед», — иронически заметил управляющий. Но именно такой «буквоед» и нужен был колонии.

При первом же знакомстве с Рассветовым Кочергин заявил: «Знаю я этих архаровцев!.. Мотька Хохлов, тот самый, что конюхом у вас остался, по воровской части черта обскакал, но и тот взвыл от них, а вам, Андрей Иванович, и небо в овчинку покажется!» — «До этого, я думаю, не дойдет, — шуткой ответил Рассветов. — Надеюсь на ваши знания и опыт, Петр Гаврилович!»

В новой канцелярии, куда пришли ребята после того, как устроились с жильем, за одним столиком сидел Рассветов, за другим — Кочергин, а на кожаном диване, слева от входной двери, пристроилась ясноглазая девушка, в которой трудно было признать вчерашнюю Соньку. Белая матроска с синим воротником, такая же, как и у ребят, темная юбка чуть выше колен, беленькие носочки и сандалии, искрящаяся на солнце прическа — все это изменило ее до неузнаваемости. Ребята во все глаза глядели на нее, улыбались, и каждый думал: какая же она красивая!

— Садитесь, ребята! — пригласил вошедших Андрей Иванович, оглядывая каждого. — Теперь не сразу и признаю вас, честное слово! Леня, это ты?! — глаза Рассветова светились радостью.

Ленька Бреднев вскочил с места:

— Правда, не узнасте? Я это, Андрей Иванович!

Все сидящие в канцелярии дружно и весело рассмеялись.

— Ну, садись, если ты. Вот, Петр Гаврилович, и наши первые колонисты! Трудиться они, конечно, не желают, не приучены к этому, зато ложкой работать могут. Я правильно говорю, Леня? — улыбаясь, Рассветов вновь обратился к Бредневу.

Ленька, сидевший на диване между Касаткиной и Залетаевым, видимо очень гордясь, что заведующий колонией обращается именно к нему, выпалил:

— А я на лошадях умею ездить!

— Молодец! Это уже другой разговор, — перестав улыбаться, сказал Рассветов. — Запишите его в таком случае первым, Петр Гаврилович. Бреднев Леня, десяти лет, родом из Вольска, сирота. Так, Леня?

— Так, — подтвердил Ленька. — Тятя на войне убитый, а маменька энтой зимой померла. Ходила менять вещи на хлеб, да не сменяла, пришла домой, села на лавку и померла. Мы теперь двое с Милкой.

— Сестренка его здесь в больнице находится, — пояснил Рассветов Кочергину. — Пишите пока присутствующих.

Кочергин начал подробно опрашивать каждого, записывая сведения в журнал. Когда очередь дошла до рыжего Вольки, тот встал в тупик.

— Не знаю я, Петр Гаврилович, фамилию-то, — смущенно переминаясь с ноги на ногу, признался Волька. — Поперва я жил у тетки, неродная она мне, а потом у дядьки. Прозвище у него еще такое чудное... Кочедык! Он лапти для базара плел и меня заставлял, а я не мог. Тогда он бил меня колодкой по голове и ругался: «Али я научу тебя, дармоеда, кочедыком работать, али убью!» Вот я и убег от него.

— Что-то темнишь ты, Волька, — сказал Андрей Иванович. — Не мог же ты подлинную фамилию свою забыть? Ты не бойся, отправлять тебя к дядьке Кочедыку мы не будем.

— Честное воровское, забыл, Андрей Иванович!

— Честных воров не бывает, Волька, — строго сказал Рассветов. — Коль воровское — уже нечестное! Начистоту давай.

— Вот, ей-богу, не темню! Чтоб глаза у меня лопнули!

— Ну, хорошо, поверим. А как же в журнал запишем тебя?

— Э, — Волька махнул рукой. — Пишите как есть. Рыжий!

— Так нельзя, Волька! Человек должен настоящую фамилию иметь, а не кличку.

— Чего же я сделаю, если бесфамильный я? — огорченно сказал Волька.

— Постой! — воскликнул Андрей Иванович, обрадовавшись неожиданно мелькнувшей мысли. — Присвоим тебе фамилию: Владимир Бесфамильный! Согласен?

коль не помнишь имя отца, мое поставим, оно не хуже других. И будешь ты с сегодняшнего дня — Владимир Андреевич Бесфамильный! Пойдет?..

— Хорошо, пойдет! — обрадовался Волька, что наконец-то и у него, как у всех людей, будет настоящая своя фамилия.

— Документ выдадим тебе по всей форме, с печатью.

— Закон! — соглашался Волька. — Бесфамильный Владимир Андреевич! Вроде начальник какой, не то что Кочедык али Рыжий.

Ребята долго крепились от прорывавшегося наружу смеха, но здесь не выдержали — расхохотались. Больше других смеялась Соня Касаткина.

— Он теперь так зачнет нос задирать, что на козе не подъедешь, — говорила Соня, вытирая выступившие от смеха слезы. — Умора!

— Не зачнет, потому что с задранным носом ходить неудобно, споткнуться можно! — сказал Андрей Иванович. — Верно я говорю, товарищ Бесфамильный?

Образно представив, как некоторые люди ходят с задранными носами, Волька ответил:

— Чебурахнешься и голову еще сломаешь!

И вновь разразился непринужденный смех.

Отворилась дверь, и через порог шагнул Иван Ломако. Поздоровавшись, машинист обратился к Рассветову:

— Андрей Иванович! Начинаем круглосуточный помол зерна, назначьте ко мне писучего парнька. Гарнцевый сбор учитывать, по машинной части помогать станет и вообще... для догляду. Весь доход от мельницы теперь ваш.

— Значит, не зря я за нее боролся с совхозным начальством?

— Мука будет, Андрей Иванович, — подтвердил машинист. — Очередь недели на две установилась. Страда закончилась — теперь повезут! Веселая жизнь начинается!..

— Это хорошо, — удовлетворенно сказал Рассветов. — Что ж, Иван Тимофеевич, выбирай, который для тебя подойдет. Может, добровольцы есть, а?

— Я пойду, дядя Ваня! — вскочив с дивана, воскликнул Ленька.

— Маловат ты еще, — поправляя смолевые усы и улыбчиво глядя на Леньку, сказал машинист. — Малость подрастешь — тогда. Договорились?

— Андрей Иванович, я пойду, — встав с места, сказал Семен Залетаев.

— Как, Иван Тимофеевич? — спросил машиниста Рассветов.

— Семен — парень сообразительный и грамотный, подойдет, — согласился Ломако. — Он и до этого иногда помогал мне.

— Тем лучше. Забирай его к себе, и чтоб через полгода экзамен он сдал на помощника машиниста. Сумеешь научить?

— Стараться будет — научу. Как ты скажешь, Семен?

— Машину — ее умный человек придумал! Может, у меня мозгов не хватит все винтики запомнить?

— Ума у человека хватит на сто машин, — сказал машинист. — Главное — старание.

— Буду стараться.

— Вопрос решен. Забирай своего помощника, Иван Тимофеевич, и в добрый путь. Я загляну к вам сегодня.

Ломако и Залетаев ушли. Посмотрев на притихших ребят, Рассветов сказал:

— Не унывайте! Работы интересной у нас с вами много: есть коровник, свинарник, лошади имеются. Так что выбирайте! Со временем откроем сапожную и швейную мастерские, столярный цех. И все же основное наше дело — земледелие! Будем учиться пахать, сеять, выращивать овощи, фрукты и ягоды. А чтобы нам поверили, мы должны доказать, что умеем работать, умеем быть настоящими хозяевами. Этому надо учиться!

— Андрей Иванович! — обратился Бякин. — Можно я на лошадях стану ездить? Воду возить и другое там... И кормить их буду, если Борода в конюшню допустит.

— Дежурить по конюшне придется всем, поочередно. Работы там хватает, да и поучиться есть чему. Это на первый взгляд кажется просто.

— Учтите, теперь за все отвечаете вы, — сказал ребятам Кочергин. — Беритесь за ум, коль вам хозяйство доверили.

— Можно попробовать, — неуверенно сказал Хмырь, посмотрев на сидящих товарищей. — А вдруг не получится? Тогда как?..

— Что — не получится? — не понял Рассветов.

— А так: я, скажем, буду горбить, а другой на солнышке загорать. А как обед, так он первый за стол...

— Случай такой, конечно, может быть, — глядя на

Кольку, улыбался Рассветов. — Но уважающий себя человек за счет товарища жить не станет. Каждый ведь понимает: чтобы жить — надо есть, а чтобы хорошо есть — надо хорошо и работать! А когда один с сошкой, а семеро с ложкой, то о хорошей жизни остается только мечтать. Сейчас на тебе и новая матроска, и брюки новые, и ботинки. Откуда они взялись?

— Выдали... — не знал, как отвечать, Хмырь.

— Вот именно: добрые люди сделали, а я привез и выдал в расчете на то, что вернете этот долг, — серьезно сказал Рассветов.

— Я, когда заработаю, отдам, — неуверенно пообещал Хмырь. — Только чтоб все горбили, без дураков.

— Ты за себя говори! — оборвал Хмыря Бякин. — Чего ты тут на других клепаешь?

— Горбят на хозяина, Николай, а на себя работают, — сделал замечание Андрей Иванович. — Разница есть?

— Да он без понятия, Андрей Иванович! — сказал Волька, сердито посмотрев на Кольку.

— Выходит, все понимают, что надо работать?.. Решаем так: Федя и Леня к лошадям, ездовыми. Соня пойдет на пекарню, помощником пекаря, там же пока и жить определим ее, с Нюрой Лапшиновой. А сейчас, Петр Гаврилович, берите ребят, зовите Володю Хромова, начнем ремонт кухни. До вечера и я в вашем распоряжении, командуйте.

— Уважаю деловых людей! — иронизируя, сказал Кочергин. — Но, как я понимаю, командиру надо первому и рукава засучать?

— А это уж как водится, Петр Гаврилович, — поднимаясь с места, подтвердил Рассветов. — Командир всегда впереди и пример для других!

— Что ж, пошли! — положив книгу в стол, скомандовал Кочергин.— Сегодня надо плиту отремонтировать, она в первую очередь нужна.

Гурьбой вышли из канцелярии, Соня Касаткина направилась в пекарню, остальные пошли за Кочергиным на конюшню.

— И давно вы тут поселились? — кивнув в сторону «Шквала», спросил Рассветов шагавшего рядом с ним Вольку Бесфамильного.

— Когда разлив был, весной, нас на здешней пристани с пассажирского высадили, — ответил Волька, гля-

ля на Рассветова снизу вверх и стараясь не отставать от него. — Мы хотели до Самары доехать, да капитан парохода вредный попался.

— Какой же он вредный? Он от вредных пассажиров избавился! Возить безбилетников капитан не может: для машины горючее надо покупать, зарплату команде платить, бесплатно никто работать не будет.

Такой довод для Вольки был не только неубедительным, но и непонятным: народу на пароходе много, а их всего пятеро безбилетников! Жалко, что ли?.. Плохой капитан — и все!.. Волька всегда делил всех людей на хороших и плохих, капитана парохода он отнес к плохим, вредным людям, и, хотя в душе Волька не мог согласиться с Рассветовым, он не хотел и прямо возразить ему, считая, что Андрей Иванович хороший человек. Словом, в двенадцать лет Волька уже научился здорово хитрить и даже обманывать.

Пока Рассветов и Бесфамильный, стоя на пригорке, разговаривали, Хромов и Бякин запрягли старого мерина Буксира в дроги, на которых была укреплена колода. Эта повозка чаще всего предназначалась для подвоза песка и глины, что и предстояло делать Бякину и Бредневу.

Первый раз в своей жизни Федя Бякин взял в руки вожжи. Он горел желанием доказать своим дружкам, что может править конем не хуже других! И хотя, сговорившись, они побили его на острове ни за что ни про что, думал про себя Федька, но скоро он покажет им и силу, и ловкость, и решительность и заставит шкетов уважать себя!

— Садитесь, Андрей Иванович, прокачу! — азартно сказал Федька, прыгнув в повозку.

— Ну что ж, прокати, — согласился Рассветов.

Все, в том числе и Кочергин, уселись в колоду.

— Но-о! Давай, Буксир, жми на все четыре! — воскликнул Федька, надеясь, что мерин возьмет с места в карьер. Но Буксир не зря имел подходящую для своей прыти кличку. Он недовольно мотнул большой головой и, не обращая внимания на просьбу нового кучера, пошел привычной для себя скоростью — шагом.

— Ну, давай!.. А ну, покажь! — стоя в колоде, умолял Федька гнедого беззубого мерина, хлопая по облезлой его спине вожжами. А Буксир или не понимал Федь-

кинного языка, или нарочно не хотел подчиняться незнакомому кучеру, шел едва передвигая ноги.

Володька Хромов, сидя в колоде позади всех, давился от смеха, предвкушая финал «цыганской езды»: уж он-то, конечно, знал и характер и привычки Буксира. Рассветов делал Хромову знаки, чтобы тот перестал хихикать, опасаясь, что Бякин не выдержит, бросит вожжи и сбежит с повозки, на этом и закончится его кучерская карьера.

Но Бякин не терял надежды разогнать Буксира и прокатить своих пассажиров с ветерком.

— Ну что ж ты?! Н-но-о!.. Залетный!.. — выкрикивал Федька, награждая привередливого мерина самыми лестными эпитетами. А «залетный» то ли оглох совсем, то ли не признавал Федьку, шел шагом и, кажется, даже дремал на ходу.

Федька крутил вожжами с такой силой, что длинная петля со свистом проносилась над согнувшимися фигурами в повозке, едва не задевая их голов. А когда Федька, не сдержавшись, ударил старого мерина по боку, конь встал словно вкопанный.

Федька растерялся окончательно и, не зная, что делать, сильно потянул за левую вожжу. Буксир понял действие кучера как желание вернуться в конюшню, круто повернул, выполняя Федькино распоряжение, и повозка начала опрокидываться.

Володька Хромов, раньше других выпрыгнувший из валившейся набок колоды, схватил Буксира под уздцы, развернул его вправо, но с передней оси с грохотом слетели дроги.

— Спасибо за лихую езду, Федя! — сказал счетовод Кочергин, поднимаясь на ноги и отряхивая костюм от пыли. — Я пешком пойду.

— Да он, понимаешь, Петр Гаврилович, — волнуясь, оправдывался Бякин, — он нарочно, ирод, опрокинул! Я тяну его туда, а он сюда едет, назло делает!

— Ничего страшного не произошло, Федя, бывает хуже! — Рассветов дружески похлопал Бякина по плечу, улыбнулся. — Научишься! Сразу ничего не давалось. Они хотя и смеются, — Рассветов кивнул головой в сторону ребят, — а ведь править конем тоже не умеют! Поезжайте, я скоро приду, только на мельницу загляну.

Рядом с Бякиным сел в колоду Хромов. Простое дело «дергать вожжами», чтобы ехать на лошади в пуж-

ном направлении, оказалось для Федьки не совсем простым. Ребята, конечно, скалили зубы, но смеялись не зло, понимая, что такой конфуз мог произойти с каждым из них.

Всю вторую половину дня Бякин и Бреднев возили к столовой песок и глину, сами нагружали и сгружали, поочередно правили Буксиром, оказавшимся на редкость умным и послушным конем, доживающим, как сказал Кочергин, последние свои дни.

Старый Буксир не мог уже бегать ни рысью, ни трусцой, но он продолжал работать из последних сил. И хотя уродливые старые ноги его дрожали, он вез свою поклажу безропотно, иногда спотыкаясь и падая на больные колени. Взамен же за свою непосильную работу он ничего не просил и был благодарен людям за то, что они кормили его сеном, поили, разговаривали с ним, иногда ласково трепали по шее и чистили щеткой. Тогда он касался своими бархатными губами человеческих рук и всем своим существом показывал, что он рад бы сделать для них все, что они хотят от него, да немощь одолела. И единственное, что он хотел, чтобы люди пожалели его и не били. Первым из ребят это понял Леня Бреднев. Выезжая из ямы с тяжело нагруженной глиной, Буксир неожиданно упал на колени, и Федька замахнулся, чтоб ударить коня, но Ленька в одно мгновение повис у него на руке. «Не тронь его! — закричал Ленька чуть не плача. — Ты что, не понимаешь, что он старый и старается изо всех сил?!» Бякин понимал это, но был зол на всех, и на ребят и на Буксира, за свой же промах.

Буксир поднялся, Ленька погладил его по носу, отдал свой кусочек хлеба, который сунул в карман во время обеда, чтобы съесть потом, и конь, благодарно пожевав и проглотив хлеб, вывез тяжелый воз.

Рассветов и Кочергин решили старую плиту разобрать и сложить новую, бо́льших размеров. Матвей Хохлов привез кирпич, выпросив его для новой колонии на кирпичном заводе, и по мере надобности подвозил с Волги воду. Хромов, Хмырь и Бесфамильный готовили раствор и подносили его Кочергину и Рассветову. Работа подвигалась на глазах! Но ребята решили выложить в плите хотя бы один свой ряд, и Кочергин, набравшись терпения, начал учить их держать мастерок, показывал

приемы кладки
хитрому делу.
К вечеру пли
дымоход и поста
За ужином
товарищам:
— Править
же расшнуровы
вать его — не за
— Эх ты, Бя
прягают и распр
Федька не о
слова?.. Тут, ок

ГЛАВА ШЕС

Лежит Милк
ке, под серым к
рывает нездоро
пятнами выступ
мраморно-молоч
ченным. Иногда
хватает ее за го
позвать на помо
вается слабый
испуг: в левом
страшный челов
точно такой, ка
роде, и она зна
и смотрит на не
качиваясь из ст
что Милке уже
открывает отяж
дочки, прочерчи
сами. Потом он
яркими искрам
становится легч
своей худенькой
торяется снова...
Андрей Иван
делю, скрывая
больной. Заведу
врач на всю Ал
Селянинов, стар

приемы кладки кирпича, хотел, чтобы они научились не-
хитрому делу.

К вечеру плиту сложили, оставалось вывести наружу дымоход и поставить трубу.

За ужином Федя Бякин хвастался Хромову и своим товарищам:

— Править конем, братва, я уже научился! Могу даже расшнуровывать этого Буксира, а вот как зашнуровать его — не запомнил еще...

— Эх ты, Бяка! — рассмеялся Хромов. — Лошадь запрягают и распрягают, это тебе не ботинок, дурья голова!

Федька не обиделся. Откуда он мог знать мужицкие слова?.. Тут, оказывается, целая наука, а не тяп-ляп...

ГЛАВА ШЕСТАЯ

Лежит Милка в больничной палате, на железной койке, под серым казенным одеялом. Впалые щеки ее покрывает нездоровый румянец, неровными малиновыми пятнами выступает на обострившихся скулах, отчего мраморно-молочной лоб кажется мертвым, резко очерченным. Иногда она чувствует, как чья-то жесткая рука хватает ее за горло и душит. Милка хочет закричать, позвать на помощь, но вместо голоса из груди ее вырывается слабый хрип. В голубых глазах ее появляется испуг: в левом затененном углу палаты ей мерещится страшный человеческий скелет с острой косой в руках, точно такой, как на плакате, который она видела в городе, и она знает — это смерть! Стоит эта смерть в углу и смотрит на нее темными дырами вместо глаз и, раскачиваясь из стороны в сторону, ухмыляется, радуясь, что Милке уже не уйти от нее... Тогда Милка с трудом открывает отяжелевшие веки и видит две летящие звездочки, прочерчивающие темное небо оранжевыми полосами. Потом они неожиданно взрываются, рассыпаясь яркими искрами. Видение на минуту исчезает, Милке становится легче, она не ощущает жестких пальцев на своей худенькой шее, а через некоторое время все повторяется снова...

Андрей Иванович навещал Милку два-три раза в неделю, скрывая от колонистов ухудшающееся состояние больной. Заведующий больницей, он же единственный врач на всю Алексеевскую волость, Никита Данилович Селянинов, старик с толстыми прокуренными усами,

подстриженной клинышком бородкой, в высоком белом колпаке и с неизменной деревянной трубочкой-стетоскопом в кармане белого халата, в беседах с Рассветовым всякий раз повторял одно и то же: «Время — самый лучший лекарь, уважаемый Андрей Иванович, будем надеяться!» Но слова врача не утешали Рассветова: он видел — девочка тает на глазах. Понимая, что никакие усилия врача не помогают, Рассветов волновался и без боли в душе не мог смотреть на нее. Он видел войну и смерть, более двух лет проведя в окопах, и теперь никак не хотел мириться с мыслью о гибели девочки здесь, в больничной палате. По его мнению — это было так же нелепо и кощунственно, как несправедливо вынесенный приговор о смертной казни.

— Я выздоровлю, Андрей Иванович? — спрашивала с умоляющей надеждой Милка, глядя тревожным взглядом на Рассветова, сидящего у ее кровати. — Я не хочу помирать, Андрей Иванович! Я боюсь... Жалко Леню, маленький он еще...

— Выбрось эти мысли из головы! — начинал сердиться Рассветов, но вовремя спохватывался и менял тон. - Ты выздоровеешь, Мила. Ты обязательно должна поправиться, понимаешь?.. Обязательно! О братишке не беспокойся. Леня и все ребята работают, сыты, одеты, обуты, скоро начнут учиться в школе. Ты тоже будешь учиться, только поправляйся.

— Андрей Иванович, — тихо обратилась Милка, — скажите доктору, чтоб Леню пустил ко мне.

— Скажу. Сейчас же попрошу Никиту Даниловича! Ну-ну, ты что это?.. Плакать совсем ни к чему! Хуже тебе от этого делается, и меня расстраиваешь...

— Не буду больше, Андрей Иванович, — виновато сказала Милка, пытаясь улыбнуться. — Соне еще передайте, что я скучаю по ней...

— Соня собиралась к тебе, да дел сейчас очень много. Она обязательно придет, и ребята навестят, каждый день про тебя спрашивают.

Рассветов погладил Милку по голове, заставил себя улыбнуться, глядя в ее голубые и наивные глаза, и, сгорбившись, пошел из палаты, будто унося на сердце тяжелый камень и недоброе предчувствие.

— Кто это ходит к тебе? — спросила женщина, лежавшая в одной палате с Бредневой, когда за Рассветовым закрылась дверь. — Родственник, что ль?

— Родственник, — ответила Милка.

— Жалеет тебя, дай бог ему доброго здоровья, — сказала женщина. — А мать-то померла, что ли?

— Померла.

— Летошний год много народу померло, — сочувственно вздохнув, сказала женщина, не глядя на Милку, — больше от голоду, а еще от тифу.

Милка не ответила. Разговаривать ей было тяжело, да она и не хотела рассказывать посторонним людям, что у них с Ленькой нет ни отца, ни матери, ни родных. Они на себе испытали, что сироты не только чужим, но и родственникам не нужны. Милка хорошо помнила, как после смерти матери они с Ленькой пришли к родной тетке. Встретив племянников сердитым взглядом, тетка спросила:

— Вас кто звал сюда?

— Мы сами пришли, тетенька, — ответил Ленька.

— А дом на кого оставили? — повысила голос тетка.

— Что ж дом-то караулить? — возразила Милка. — У нас уж давно ничего нет.

— Мы, тетенька, три дня не емши, — сказал Ленька.

— Ты, Меланья, теперь уж девка, могла бы и заработать, — упрекнула тетка. — Тебе ведь, кажись, пятнадцатый год пошел?

— Не берут на работу-то, говорят, года не вышли, — ответила Милка.

— А ты не будь букой, а поласковей с людьми-то, тогда и возьмут, — посоветовала родственница.

Ленька подумал, что тетка поругает их для порядка за то, что дом они, не спросясь, оставили, но все же накормит их. Но расчеты эти не оправдались. Указав сначала на икону, стоявшую в киоте, а потом на дверь, тетка сказала:

— Вот вам бог, а вот порог, не обессудьте, родненькие, сами с голоду помираем. — И, притворно закатив глаза, перекрестилась. — Идите с богом.

Как очутились они за порогом теткиного дома, Милка не помнила. Остались в памяти полные слез глаза Леньки, готового разреветься от обиды и теткиного лицемерия. Братишка некоторое время дико смотрел на Милку, не в силах проронить ни единого слова, потом молча дернул ее за руку, и тетка заперла за ними дверь на крюк. Так они ушли из города. Зиму мыкались по селам и хуторам, а весной пришли в Алексеевку, пыта-

лись устроиться на работу в совхозе, но их не взяли: документа у них никакого не было, да и по виду малолетки еще. И пристали они к компании оборвышей, к таким же безродным и бездомным, как и они сами...

В коридоре Рассветов встретил санитарку и, спросив, у себя ли доктор, направился в кабинет Селянинова.

Заведующий больницей сидел за столом, заполнял истории болезней. Глянув на вошедшего, Никита Данилович отодвинул бумаги в сторону и, указав жестом руки на стул, спросил:

— Ну-с, что скажете, Андрей Иванович?

Рассветов, присаживаясь, ответил:

— Я хотел бы от вас услышать, уважаемый доктор, что вы скажете? Мне кажется, что вы что-то недоговариваете, точнее, не совсем откровенны со мной, а я хотел бы знать правду.

Глядя на взволнованное лицо Рассветова, Селянинов словно обдумывая, что и как сказать, медленно достал из коробки папиросу, постукал мундштуком о широкий ноготь, затем протолкнул в мундштук небольшой тампон из ваты и, чиркнув спичкой о коробок, закурил.

Рассветов внимательно наблюдал за доктором.

Выпустив в сторону от посетителя струю пахучего дыма, Никита Данилович сказал:

— Видите ли, уважаемый Андрей Иванович, пока есть хоть один шанс из тысячи на спасение больного врач обязан бороться за его жизнь до конца. Если я перестану верить в выздоровление своих больных, я потеряю моральное право лечить их.

— Я это прекрасно понимаю, доктор, — сказал Рассветов, вглядываясь в спокойное крестьянское лицо Селянинова. — Но вы поймите и мое положение: у девочки нет родителей! Кроме того, ее младший братишка у меня в колонии; я заверяю его, что сестренка скоро поправится, а больной, как я замечаю, день ото дня хуже. Может быть, ее надо отправить в специальную больницу? Не скрывайте от меня, скажите прямо.

— Больницы такие имеются, Андрей Иванович, но средства лечения везде одинаковы, вы уж поверьте старику на слово, — понимая, что Рассветов намекает на туберкулез легких, ответил доктор. — Кризис миновал, но воспалительный процесс продолжается, и, выражаясь медицинским языком, она нетранспортабельна. Проще

говоря, ее нельзя отправлять, она не перенесет дорогу и в двадцать верст.

— Значит, надежды на выздоровление нет? — прямо спросил Рассветов.

Селянинов осуждающе посмотрел на заведующего колонией.

— В таком случае позвольте спросить вас: в исправление воришек, ваших вконец испорченных подростков, вы верите?

— Это совершенно разные вещи, уважаемый Никита Данилович! По моему глубокому убеждению — неисправимых людей не бывает вообще, а неисправимых подростков тем более! Здесь же болезнь — усилия врача могут быть бесплодными.

— А я утверждаю: пока человек жив и есть малейшая надежда на спасение больного, за него надо бороться! А надежда такая всегда есть, ибо сам организм борется с болезнью! И я, как врач, буду бороться за жизнь этой девочки, за ее выздоровление, хотя состояние ее тяжелое.

— Я от души благодарен вам, Никита Данилович! Чем я могу помочь вам и нашей больной?

— Мне помощь не требуется, — резко ответил Селянинов, — а больной Меланье Бредневой необходимы жиры, белый хлеб, овощи, фрукты. В больнице, как вам известно, возможности весьма ограничены.

— Хорошо, — поднявшись со стула, сказал Рассветов. — Я постараюсь что-нибудь сделать. Можно ребятам навестить ее?

— Ни в коем случае, — категорически отказал доктор. — Братишка ее, кажется Леней звать, пусть придет.

ГЛАВА СЕДЬМАЯ

По скучному осеннему небу торопились на юг рваные дымчато-серые облака, и солнце за ними угадывалось неярким размытым пятном. Где-то далеко, по левую сторону Волги, глухими, видно, последними в этом году раскатами бухал гром. Над лесом висела темная туча, и, кажется, собиралась гроза.

Торопливо шагая в колонию, Рассветов попытался отвлечься от тяжелых мыслей, связанных с ухудшением состояния Милы Бредневой, но это ему не удавалось. На душе словно кошки скребли. «Завтра же надо отпра-

вить в больницу муку, сливочное масло, морковь и яблоки да сказать Лапшиновой или дать задание Матвею, чтоб купил меду у пасечника. Может быть, это поможет?.. Но, чует мое сердце, не зря старый доктор только Лене прийти разрешил к своей сестренке. Прямо сказать не хочет Никита Данилович!.. Что ж, возможно, это и гуманно по отношению к больной, а зачем скрывать от меня?..»

Выйдя на короткую прямую улицу, ведущую к мосту, Рассветов подумал: «На рыбалку, что ли, посхать?.. Дважды приглашал Кочергин, а я отпекиваюсь, неудобно получается... Успеть бы, перед грозой — самый жор! Но выйдя на деревянный мост, построенный через глубокий и широкий овраг, разделявший северную большую половину села от южной, меньшей части, прилегающей к совхозу, Рассветов увидел раскачивающиеся вершины осокорей и почувствовал порывистые удары ветра со стороны затона. Вспенившиеся волны гулко навалились на правый берег, швыряли из стороны в сторону прикованные к старым замшелым сваям лодки.

— Сорвалась рыбалка, — сказал вслух Андрей Иванович, глядя, как несколько лодок спешили причалить к мосткам, а около десятка рыбаков, приковав лодки, на ходу сушили весла, направляясь в село.

Свернув от моста налево, Рассветов поздоровался со встречными рыбаками, спросил:

— Сома, что ли, поймали?

— Сом не дурачок — не идет на крючок! — засмеялся кудлатый парень с засученными до колен мокрыми штанами. — Взбесилась, кормилица, не ровен час и потонуть можно.

— А ваши, Андрей Иванович, на коренной, чуть выше пристани, бредешком ловят, — сообщил чернобородый незнакомец. — В такую погоду бредень — милое дело, поймают.

— Вы ошиблись: у нас нет бредня, — с любопытством глядя на незнакомого мужчину, возразил Рассветов. — Память на лица у меня хорошая, и могу сказать точно: мы с вами не встречались.

— Не беда, что вы не знаете меня. А вот вам, товарищ Рассветов, большое человеческое спасибо. Пропали бы тут ребятишки-то без вас. Все лето они тут мыкались, а теперь холода настали — труба дело!

— Спасибо не мне, а Советской власти. С кем имею честь?

— Звездин, Трофим Титыч, бывший актер драмтеатров, теперь списанный как ненужный хлам. Вот и бороду запустил по случаю траура об угасшей славе на подмостках, — пошутил бывший актер.

— Что случилось, если не секрет, конечно? — заинтересовался Рассветов.

— Обычный рядовой случай: трагедия бесталанного актера! Понял, что Качаловым не стану, божьего дара не хватает, а меньшего не желаю!

Звездин снял весла с плеча и, поставив их на землю, крикнул рыбакам, поджидавшим его в сторонке:

— Идите, я сейчас буду!

— А чем же вы занимаетесь в Алексеевке?

— Пока рыбку ловлю, — грустно улыбнулся Звездин.

— И только?

— А что, мало?

— Не много, — ответил Рассветов, вглядываясь в лицо Звездина. — Образование имеете?

— Учился в университете, но, окончив два курса, бросил, ушел в театр, по велению души. И ошибся: способности были, а таланта не оказалось. Пришлось похоронить свои мечты.

— Жалеете?

— Нет, не жалею: лучше быть хорошим бухгалтером, чем плохим актером. К сожалению, терпеть не могу канцелярщины!

— Что скажете, если я предложу вам место учителя литературы в нашей колонии?

— Не знаю, надо подумать. Забыл грамматику, придется учиться сначала самому, а потом уж учить ребят.

— Вот и отлично! — воскликнул Рассветов. — Сразу убиваем двух зайцев: учится и растет учитель, учатся и растут его ученики! Это же чудесно! Если бы вы сказали, что сейчас уже готовы к педагогической деятельности, я не поверил бы вам. Буду рад, Трофим Титыч, вашему согласию. Приходите в колонию, потолкуем. Обязательно приходите.

Рассветов дружески пожал руку Звездину, направился к пристани.

— Андрей Иванович! — окликнул Звездин, видимо вспомнив о рыбаках-колонистах. — У пристани — точно

ваши! Кочергин там, Матвей Хохлов, ребята с ними на подводе.

— Где же они бредень взяли? — недоумевая, спросил Рассветов. — Потонут еще!.. Видите, как разыгралась, красавица!

— Мотька черта из-под земли достанет, не то что бредень! — рассмеялся Трофим Титыч.

— Жду вас! — еще раз пригласил Рассветов.

— Как-нибудь загляну! — пообещал Звездин.

Выйдя на берег коренной Волги, Рассветов увидел, как зеленоватые валы, накатываясь на галечный берег, далеко выбрасывали пенные космы гребней и, отступая, оставляли на камнях раковины моллюсков, обессилевших раков, полуживую рыбешку и мусор. Левый берег Волги занавесили косые, длинные струи дождя.

Рассветов заметил своих рыбаков и запряженного в повозку огненно-рыжего коня Трояна недалеко от пристани. Сплошной широкой стеной шел дождь, захватывая и будто отрезая Волгу от правого берега. Андрей Иванович торопился. Крупные капли дождя уже зачастили по отмели, дробно ударили по камням. Ветер как-то сразу обессилел, притих, но мутные волны по-прежнему накатывались на галечный берег.

Кочергин шел с бреднем от глуби, Хохлов от берега. Преодолевая напор воли, Петр Гаврилович нет-нет да и уходил под гребень с головой. Выплевывая воду, он дико вращал белками темных глаз, напрягал последние силы, чтоб удержаться на ногах, но бредня все-таки не бросал.

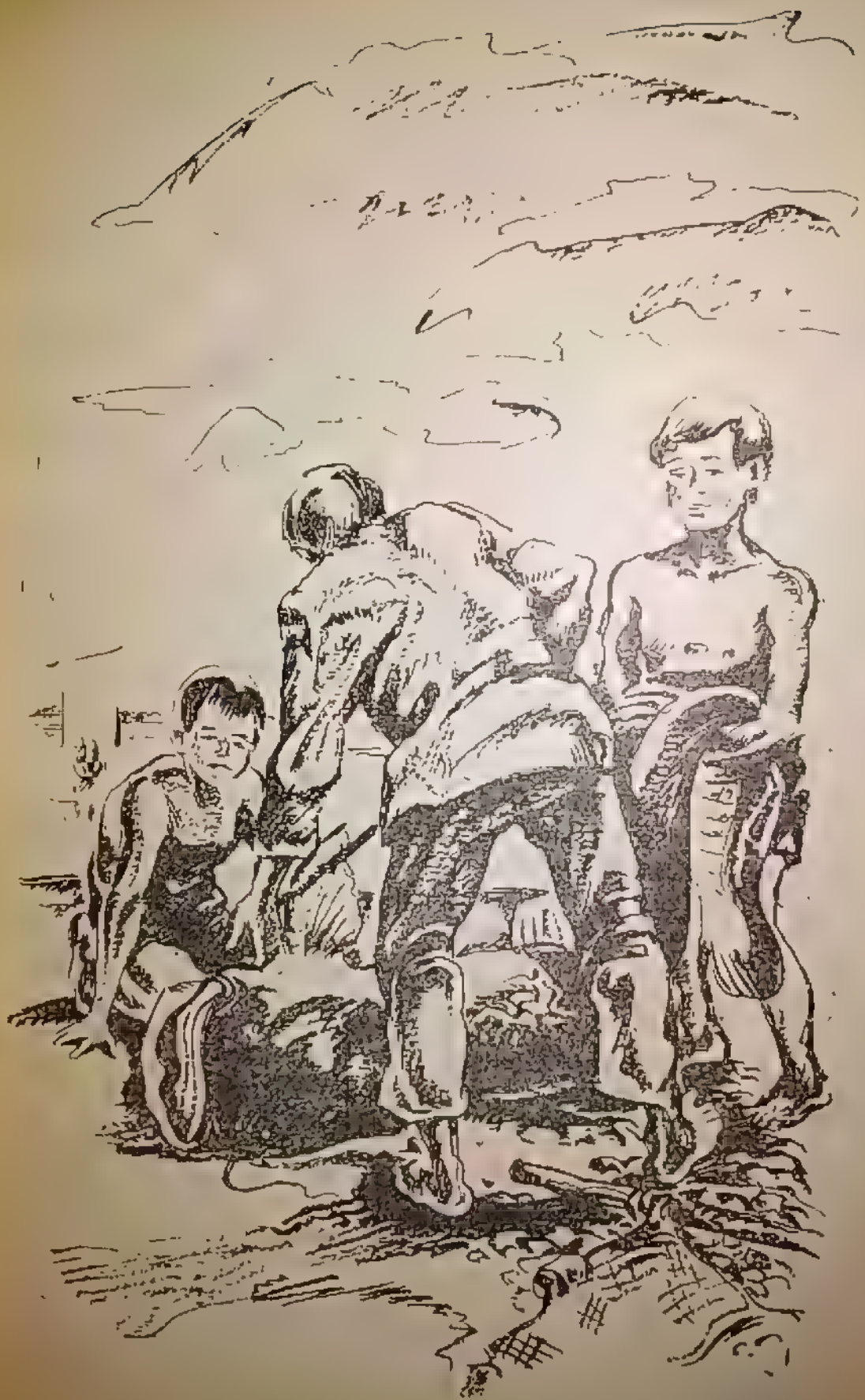
Ребята встретили Рассветова восторженно. В колоде, куда заглянул Андрей Иванович, трепыхались окуни, язи, лещи, налимы и щуки. Леня Бреднев с истинно детским восторгом продемонстрировал Андрею Ивановичу самых крупных.

— А ну-ка, я попробую, на счастье! Давно с бреднем не ходил. — И Рассветов быстро начал раздеваться.

— Шибко волна бьет, не удержитесь, Андрей Иванович, — сказал Бякин, сидевший в повозке за ездового.

— Какой же волгарь воды боится, Федя! — весело сказал Рассветов, озорно подмигнув Леньке.

В этот момент, вспоров свинцовую тучу, разяще сверкнула молния. Раздался оглушительный треск, и небо словно раскололось надвое. Перепуганный Мотька, остановившись, начал креститься.



— Держи!.. Чего рот раззявил, черта тебе в боро-ду! — прохрипел Кочергин.

Рассветов бросился к Матвею, ухватился за бредень и, широко расставив ноги, уперся им в дно реки.

— Отходи помаленьку назад, Андрей Иванович, — сказал Кочергин. — Видать, черт с усами попался... Не упустить бы, бредень новый, выдержит.

Счетовод быстро начал заводить свой край к берегу.

— Сом, сом!.. — закричали на берегу Бякин и Хмырь.

Грязно-зеленое чудовище показало огромнейшую пасть. Глотнув воздуха, сом на минуту очумел и, потеряв ориентир, метнулся к берегу.

Кочергин и Рассветов тут же накрыли его сетью и с помощью Матвея и ребят общими усилиями вытащили на берег.

Несмотря на дождь, с пристани к рыбакам бежали люди. Да... посмотреть стоило. Редко кому приходилось видеть такого гиганта! Зубастая пасть хищника изредка раскрывалась, заглатывая воздух. Зеленоватые бусинки глаз, вкрапленные сзади и несколько выше длинных усов, смотрели на мир холодно и отчужденно. Двухметровое темно-серое тело, с прозеленью, с более светлой оторочкой по брюху, иногда вздрагивало.

Гроза вскоре прекратилась, гром, затихая, где-то еще гремел, но очень далеко. Люди на берегу промокли до последней нитки. Счастливые рыбаки весело посмеивались. Ребята восхищались Кочергиным, подтрунивали над Матвеем, перепугавшимся грома и едва не упустившим добычу.

— Вот это зверюга! — восхищенно сказал кто-то из толпы. — Такой и человека запросто проглотит.

— А он только дураков глотает, умных не трогает! — сострил мужчина в брезентовом плаще.

Толпа дружно рассмеялась: острое словцо волжане умели ценить.

— Грузим трофей и поехали, — сказал Рассветов, одевшись. — Федя, давай подводу.

Шесть пар рук подняли сома и аккуратно положили в колоду. На всякий случай сверху на него накинули бредень, и Федя с Леней, положив поперек колоды доску, бесстрашно сели над головой речного чудовища.

У кладовой восторженно встретил рыбаков новый кладовщик. На эту должность Рассветов принял на днях дядю Яшу с чудной фамилией Канали, за которым за-

крепилось тайное прозвище Каналья. Впрочем, человек он был добрейший, а получил он это нелепое прозвище от колонистов по созвучию своей греческой фамилии с русским словцом «каналья». Небольшого роста, худощавый и уже не молодой, с седеющей головой и с такими же седеющими бакенбардами, дядя Яша всегда казался припудренным мукой. Разговаривал он только в крайних случаях, когда без слов обойтись было нельзя, но и тогда фразы его были предельно короткими. Позднее Рассветов не раз говорил колонистам, вызванным на беседу: «Учитесь говорить кратко и ясно, как дядя Яша».

— Ну, Яков Демосфенович, принимай улов! — с гордостью произнес Кочергин.

Дядя Яша молча кивнул, открыл дверь кладовой.

— Да ты посмотри, что мы привезли тебе! — не выдержал счетовод. — Немногие кладовщики такое добро принимают.

Кладовщик поглядел на сома и, ничего не сказав, отступил от повозки. Рассветов с интересом наблюдал за ним, ждал, что тот скажет. Но Яков Демосфенович так ничего и не сказал. Он подготовил весы и, когда колонисты попытались взвесить сома целиком, предложил:

— Рубите на три части.

К удивлению всех присутствующих, в желудке сома обнаружили серого гусака с медным кольцом на ноге, видимо проглоченного хищником не раньше чем сегодня утром.

— Андрей Иванович! Надо бы пригласить старика Лупина, Сысоя Семеновича, гусак этот, должно, его, — сказал Кочергин. — За пропажу в затоне своей птицы он на колонистов грешит. Распустил по соседям слух, что наши ребята шалят!

— Позовите, — согласился Рассветов. — Если признает гусака — поклеп с нас долой. Так что давайте сюда деда Лупина!

— Володя! — позвал Кочергин Хромова. — Знаешь, где старик Лупин живет?

— На юру, недалеко от деревянного моста, — ответил Хромов.

— Садись на Сороку, позови к нам Сысоя Семеновича. Заведующий, мол, приглашает, по неотложному делу.

— В два счета доставлю! — пообещал Володька, весело посмотрев на ребят.

— Ты, Владимир, повежливей с ним, не перепугай старика, — предупредил Петр Гаврилович. — Он страсть как начальства боится.

— Старорежимный старик, из кулугуров, — сказал Хромов. — Вредный, хуже некуда.

Пока выпотрошили сома, взвесили, разрубили на куски, чтобы засолить, пока перенесли в кладовую остальную мелочь и начали чистить рыбу на уху, прибыл Хромов с дедом Лупиным.

— Доброго здоровья честной компании! — сползая с лошади и сдернув с белой головы картуз, сказал старик.

— Здравствуйте, Сысой Семенович, — поздоровались Рассветов и Кочергин.

— Признавайтесь, что у вас пропало сегодня? — спросил Кочергин.

— Птица пропадает, Петр Гаврилович! Сегодня в обед опять гусака недосчитался, — сокрушаясь, сказал дед Лупин. — Не знаю на кого думать и на кого грешить, наказанье какое-то?..

— Наказанье-то господь бог за грехи посылает! Так я понимаю, Сысой Семенович? — сказал Рассветов.

— Так, так, Андрей Иванович! — согласился дед. — Все мы великие грешники.

— Все или не все — этого сказать я не могу, каждый о своих грехах знает, а речь вот о чем: посмотрите-ка сюда! — Рассветов подошел к двери кладовой и указал на лежащего у порога гусака. — Ваша пропажа?

Лупин взял птицу, внимательно осмотрел кольцо, сказал:

— Гусак мой. Откуда он у вас?

— Вор пойман. Сюда, пожалуйста!

— Сом?! — воскликнул дед.

— Он самый. Только сейчас выловлен, а в желудке у него обнаружена ваша пропажа. Вот и свидетели подтвердят.

Старик растерялся. Теперь он понял, зачем пригласили его в колонию и даже на лошади подвезли. Моргая подслеповатыми глазами, старик виновато смотрел на присутствующих, не зная, к кому обратиться и что сказать.

— Прошу всех сюда, — обратился к сотрудникам и колонистам Рассветов. — Лупин Сысой Семенович гусака своего признал. Как поступим с ним за клевету на колонистов?

— Пусть дед
позорил он нас за
че в суд подадим на
— Все согласны
Рассветов, удовле
Хромова.
— Согласны!.. —
— Простите ста
каюсь! — Сысой Се
светову в ноги.
— Поднимись,
чувствуя, как всем
хорошо! Теперь не
ся. — Рассветов пом
вой: — Несознатель
Сысой Семенови
бами, силясь что-то
гивала мелкой, част
— Забирайте св
Кочергин.
— Бог с ним и
махнулся старый С
— Соседям пока
птицу крадет. Тебя м
— Коли велите,
мал взять за гусака
кричи, а оно, вишь,
во слово! Господь на
Старик Лупин п
трусцой засеменил
из колонистов не ул
чему-то было грустн

ГЛАВА ВОСЬМАЯ

Павел Поликарп
весности женской г
зисток Тараканус,
ским отделом народ
Тихий, тщедушный
кую высоту, о котор
Оставаясь приве
правил, приемов и
Скукин не понимал

— Пусть дед Сысой расскажет своим соседям, что позорил он нас за пропажу своих гусей напрасно. Иначе в суд подадим на него! — строго сказал Хромов.

— Все согласны с таким предложением? — спросил Рассветов, удовлетворенный дельным предложением Хромова.

— Согласны!.. — хором ответили ребята.

— Простите старика, бога ради! Зря хулил ребят, каюсь! — Сысой Семенович неожиданно повалился Рассветову в ноги.

— Поднимись, дед! Ты что?! — сказал Рассветов, чувствуя, как всем стало неловко от этой сцены. — Не хорошо! Теперь не старый режим, чтоб в ногах валяться. — Рассветов помог деду подняться, покачал головой: — Несознательный ты, дед!

Сысой Семенович беззвучно пожевал старческими губами, силясь что-то сказать, белая бороденка его вздрагивала мелкой, частой дрожью.

— Забирайте своего гусака и можете идти, — сказал Кочергин.

— Бог с ним и с гусаком, Петр Гаврилович, — отмахнулся старый Сысой. — Теперя он никуда не гожий.

— Соседям покажите. Пусть и они убедятся, кто их птицу крадет. Тебя мы прощаем.

— Коли велите, что ж, пущай поглядят. Деньги думал взять за гусака-то, нужда в хозяйстве такая — хошь кричи, а оно, вишь, как дело-то обернулось?.. Беда, право слово! Господь наказал за глупость нашу.

Старик Лупин подхватил гусака за ногу и жалкой трусцой засеменил к Сокоркам. Глядя ему вслед, никто из колонистов не улыбался и не обсуждал деда, всем почему-то было грустно и неловко, все молчали...

ГЛАВА ВОСЬМАЯ

Павел Поликарпович Скукин, бывший учитель словесности женской гимназии, с метким прозвищем гимназисток Тараканиус, занял кресло заведующего Хвалынским отделом народного образования по недоразумению. Тихий, тщедушный человек был вознесен судьбой на такую высоту, о которой он и не мечтал.

Оставаясь приверженцем раз и навсегда усвоенных правил, приемов и методов апробированной педагогики, Скукин не понимал ни происходящей ломки в народном

образовании, ни конкретных задач, стоящих перед учреждением, которое он возглавил, а по этим причинам не видел и ближайшей перспективы, предпочитая тактику невмешательства.

Но наробраз продолжал существовать, Скукин аккуратно являлся на службу, отбывая положенные часы...

Как только Рассветов переступил порог кабинета, Павел Поликарпович замахал на него обеими руками и, топорща усы, вместо приветствия произнес такую фразу, после которой начинать деловой разговор не имело смысла:

— Мы вас, уважаемый, не субсидируем, у вас свой счет, свои штаты, учителей безработных у меня нет, берите меня за шиворот, жалуйтесь, но помочь ничем не могу, голубок!

— Жаловаться на вас не собираюсь, уважаемый, за шиворот вас брать не имеет смысла — все равно то, что мне надо, не вытрясу, но, к сожалению, обойтись без наробраза пока не могу — в этом вся беда, голубок! — с нескрываемой иронией ответил Рассветов, явно не собираясь уходить и без приглашения садясь на стул. — К вам на прием стоят в очереди два учителя. Давайте договоримся, Павел Поликарпович, вы пригласите их, а я с ними буду разговаривать.

— Понимаете, товарищ Рассветов, — несколько смягчился Скукин, — хоть матушку-репку пой, а в колонию идти не хотят! А вы считаете, что я не желаю помочь вам.

— Не может быть, чтоб в учительской среде не было сознательных людей. В любом трудном деле сподвижники всегда были и будут!

— Разговаривайте, а я посмотрю, что у вас получится. Сулите хоть златые горы, но меня в это дело не впутывайте! Чтоб жалоб потом не строчили эти люди.

— Ах вот в чем дело? — улыбнулся Рассветов, вставая со стула, снимая шинель и вешая ее на вешалку. — Не от хорошей жизни я околачиваю пороги наробраза, Павел Поликарпович! Завтра прибывают из Саратова более сорока беспризорников, а в колонии ни одного учителя, ни одного воспитателя нет, я — один! Понимаете: о д и н! Вот, ознакомьтесь, — Рассветов положил на стол Скукина полученную вчера телеграмму. — Прикажете ребят не принимать?

— Приказывать вам не имею права, я не из чека, —

связил Скукин
сил: — Учителя ест
— Есть, — пос
— Заходите.
Вошла худень
ными светло-корич
у кого и никогда ра
но вполне приличн
ные высокие ботин
пол шает глаз, шар
сые волосы. Несмо
модную женскую су
принадлежность да
лом Скукина и в у
складывалось впеча
ца, а наивная гимна
— Садитесь, пож
ложил Андрей Иван
— Я хотела бы
рода, — сказала пос
прямо в глаза.
Чистота ее светл
ность взгляда поразн
— Документ об
Иванович, пытаясь у
нув поданное ему
Елена Николаевна,
Понятно. Семейное п
— Незамужняя,
ясь этого слова, отве
порт, пожалуйста. М
здесь кваритиру.
«Очень уж молод
мал Рассветов о Щ
нет от моих ученичк
такие мысли, он уже
— А мама ваша
Иванович.
— Нет, она старе
— Я сочувствую
жалению, места учи
города нет. Учебная
чался.
— Что же мы

съязвил Скукин и, полуоткрыв дверь кабинета, спро-
сил: — Учителя есть на прием?

— Есть, — послышался женский голос.

— Заходите.

Вошла худенькая молодая женщина с выразитель-
ными светло-коричневыми глазами, каких Рассветов ни
у кого и никогда раньше не видел. На ней было не новое,
но вполне приличное демисезонное пальто, шнурован-
ные высокие ботинки, на шее светло-коричневый, будто
под цвет глаз, шарфик, шляпка прикрывала густые ру-
сые волосы. Несмотря на то что в руках она держала
модную женскую сумочку, являвшую собой непременную
принадлежность дам, у Рассветова, сидевшего за сто-
лом Скукина и в упор смотревшего на посетительницу,
складывалось впечатление, что перед ним не учительни-
ца, а наивная гимназистка.

— Садитесь, пожалуйста, — указывая на стул, пред-
ложил Андрей Иванович. — Слушаю вас.

— Я хотела бы получить работу в одной из школ го-
рода, — сказала посетительница, посмотрев Рассветову
прямо в глаза.

Чистота ее светло-коричневых глаз и проникновен-
ность взгляда поразили его.

— Документ об образовании? — спросил Андрей
Иванович, пытаясь угадать, что она окончила. И, разверн-
нув поданное ему свидетельство, прочитал: «Щеглова
Елена Николаевна, окончила учительскую семинарию...»
Понятно. Семейное положение?

— Незамужняя, — опустив ресницы и словно смуща-
ясь этого слова, ответила Елена Николаевна. — Вот пас-
порт, пожалуйста. Мы живем вдвоем с мамой, сняли
здесь квартиру.

«Очень уж молоденькая и какая-то хрупкая, — поду-
мал Рассветов о Щегловой. — Плакать, пожалуй, ста-
нет от моих ученичков?..» Но хотя и появились у него
такие мысли, он уже знал, что возьмет ее.

— А мама ваша работает? — осведомился Андрей
Иванович.

— Нет, она старенькая и больная.

— Я сочувствую вам, Елена Николаевна, но, к со-
жалению, места учительницы первой ступени в школах
города нет. Учебный год, как вам известно, давно на-
чался.

— Что же мне делать? — растерянно спросила она. —

У нас с мамой почти нет никаких средств, и мне надо обязательно работать.

— Не отчаивайтесь, — ободряюще сказал Рассветов.— Поедете в детскую трудовую колонию?

— Где эта колония?

— Рядом с городом. На берегу Волги. Красивейшее место! Расположена в бывшем имении графа Воронцова-Дашкова. Бесплатная квартира, освещение, отопление, паек. О таких условиях сейчас только мечтать можно! Вам просто повезло, завтра места уже не будет.

Скукин в это время стоял у окна и, слушая беседу, иронически улыбался. Рассветов метнул быстрый взгляд в его сторону и сказал:

— Павел Поликарпович! Пишите назначение Щегловой Елене Николаевне в Алексеевскую трудовую колонию.

— Обождите, пожалуйста,— растерялась Щеглова.— Мне надо подумать. .

— Думайте, но на размышление две минуты, Елена Николаевна, в очереди стоят другие учителя.

— Дело в том, что в колонии я никогда не работала, — все еще колеблясь, дать согласие или отказаться, сказала Щеглова.

— Я тоже не работал, а теперь вот работаю, — пряча документы Щегловой в полевую сумку, сказал Рассветов. — По крайней мере, поле педагогической деятельности не истоптано, творите, создавайте новую педагогику о воспитании и перевоспитании трудных подростков, ищите новые методы обучения! Кто-то же должен быть первооткрывателем?

— Вы заведующий колонией? — красивые глаза Щегловой удивленно смотрели прямо на собеседника.

— Да, а фамилия моя Рассветов, Андрей Иванович,— представился заведующий, считая вопрос о назначении Щегловой решенным.

— Ну как, уважаемая, поедете? — подойдя к столу, спросил Скукин, с сожалением посмотрев на учительницу.

— Поеду, — твердо сказала она. — Скажите, Андрей Иванович, они очень ужасные, ваши воспитанники? Страшно с ними? — простодушно и с какой-то детской непосредственностью спросила Щеглова.

— Вы слышите, Павел Поликарпович? — сказал Рассветов. — Кто распространяет такие слухи о колонии?..

— Надеюсь, Андрей Иванович, обвинять в этом из-

робраз вы не собираетесь? — с ухмылкой спросил Павел Поликарпович.

— Рановато еще, мы с вами всего второй раз встречаемся, дайте срок! — не остался в долгу Рассветов. — Они такие же ребята, как и все, Елена Николаевна, только обездоленные, а потому очень чувствительны к несправедливости! — говорил Андрей Иванович, провожая Щеглову до двери. — Что же касается трудностей, то лично я ориентировал бы молодых учителей так: ищешь легкой работы — выбрось диплом учителя и обходи школу стороной! Вы согласны со мной, Павел Поликарпович?

— Вполне согласен, Андрей Иванович, — ответил Скукин, встав из-за стола, чтобы передать бумажку секретарю-машинистке о назначении Щегловой в колонию. — Особенно трудно первооткрывателям, но зато история их не забудет!

Рассветова передернуло от злой и неуместной иронии Скукина, но он сдержался. Договорившись с Еленой Николаевной об отъезде из Хвалынска, Андрей Иванович пригласил в кабинет очередного учителя.

— Извеков Сергей Александрович, учитель физики и математики, беспартийный, Маркса не читал, но Советскую власть и революцию принимаю, — представился и пространно объяснился вошедший.

— Вот и поезжайте с товарищем Рассветовым в колонию и начинайте там революцию в педагогике: сейчас это очень модно! Но предупреждаю: ежели вам придется позорно бежать оттуда, с вашей новой методой и педагогикой, я умываю руки! — Усы Скукина встали торчком, в это время он, пожалуй, больше всего и походил на большого таракана, а значит, Павел Поликарпович сильно волновался.

— Вот мои документы, — сказал Извеков, передавая бумаги в руки Рассветова. — А это вот — документы моей жены, учительницы географии. Мы здесь проездом, но я решил: дай попробую?! Жена сейчас находится у знакомых. Обещаю вам добросовестно отработать до конца учебного года, а там видно будет.

— Очень хорошо! — воскликнул Рассветов, не ожидавший такой удачи. — Не хочу от вас скрывать, Сергей Александрович, трудностей много, колония в стадии организации и хозяйство не ахти какое, но мы начинаем заново, а это уже хорошо: нет старых традиций, которые,

возможно, пришлось бы ломать, и все зависит от нас самих! Квартиры для учителей имеются, не сомневайтесь. Документы ваши я забираю и направления на обоих возьму. До встречи на пристани. Пароход в семнадцать тридцать, не опаздывайте.

Других учителей на прием к Скукину не было, и Рассветов начал одеваться.

— А вы говорите — не идут, — засмеялся Андрей Иванович, надевая шинель. — Агитировать не умеете, товарищ Скукин!

— Так напирать, как вы, я действительно не умею, — садясь в кресло, ответил Павел Поликарпович. — Но я буду свидетелем, как эти учителя побегут от вас!

— Не дождетесь, товарищ Скукин, не доживете!

— Я вовсе не держусь за это кресло, товарищ Рассветов! — по-своему понял Павел Поликарпович. — Можете хоть сейчас садиться на мое место.

— Ай-ай-ай, Павел Поликарпович, Павел Поликарпович! Я думал о вас гораздо лучше, честное слово!

Скукин, поднявшись с места, что-то хотел сказать, но Рассветов пошел к двери. Повернувшись у порога, заведующий колонией счел нужным пригласить завнаробразом:

— Если заинтересуетесь колонией, милости прошу, можете без предупреждения...

Наскоро пообедав в столовой Дома крестьянина, Рассветов побывал в конторе потребкооперации, в сельхозснабе, потом довольно долго ждал приема к секретарю укома, в кабинете которого шло какое-то совещание.

Как только совещание закончилось, Рассветов протиснулся в кабинет.

— Здравствуйте, Григорий Родионович! Вы можете принять меня и выслушать?

— Здравствуйте, Андрей Иванович! — повернувшись на голос Рассветова, сказал секретарь. — Не могу, но надо принимать, не то скажешь, что Страдымов такой-сякой, обюрократился и зазнался. Так ведь?..

— Не скажу, не имею пока оснований, — ответил Рассветов, чувствуя, что Страдымов или подшучивает над ним, или разыгрывает простачка.

— Вот именно «пока»! Устал я чертовски, — пожаловался секретарь. — Присаживайся давай, по ненадолго. Выкладывай главное: хлеб, жилье, одежда, кадры?

— Мука на первый случай имеется, мельница выру-

част, — начал перечислять Рассветов, глядя на Страды-
мова. — Молоко, масло имеем от своих коров, а вот с
сахаром потребкооперация нам отказывает, ссылаясь на
то, что мы у них не зарегистрированы. Интернат к прие-
му ребят подготовлен, столовая отремонтирована, полу-
чил разрешение на заготовку трехсот кубометров дров.
— Да ты, оказывается, буржуй! — хитро прищурив-
шись, воскликнул секретарь. — Не боишься, что кое-что
экспроприируем у тебя?..
— Не боюсь, — в тон Страдымову шуткой ответил
Рассветов, — поэтому и просить еще пришел.
— С просьбой погоди. Сначала ответь мне: сколько
воспитанников можешь принять сейчас?
— Не больше восьмидесяти. Плохо с одеждой и
обувью. Кое-что я привез из Саратова, но этого мало.
— Вот что, товарищ Рассветов, — записывая что-то в
блокнот, сказал Страдымов. — У нас тут, в Черемшанах,
прошлый год была организована детская коммуна име-
ни Джона Рида. Автора первой книги о Великой проле-
тарской революции в России. Читал, нет? — Страдымов
выдвинул ящик стола, достал книгу в красном перепле-
те. — Вот, пожалуйста: «Десять дней, которые потрясли
мир». Очень толковая книжка! Прочитай сам и воспитан-
никам своим почитаешь. Коммунаров в этой коммуне ма-
ло, но есть кой-какое хозяйство. Руководит там агроном
Заботин, а супруга его учительницей. Возьми-ка ты этих
коммунаров к себе, иначе они вовсе разбегутся.
— По-моему, об этой коммуне говорил мне товарищ
Батраков?
— Да, именно о ней, — подтвердил Страдымов. —
Но в связи с открытием колонии в Алексеевке коммуна
ликвидируется. Решение губисполкома об этом находит-
ся у заворга, получи его. Имя коммуны мы решили сох-
ранить, пусть ваша колония так и называется: «Сель-
скохозяйственная колония имени Джона Рида для детей
беспризорных». Думаю, со временем вы дорастете и до
коммуны, но сейчас рановато. Кровати и постельную
принадлежность получил?
— На шестьдесят человек имеется, но матрасы и по-
душки набиваем соломой.
— На перине-то сейчас только хвалынская попадья
спит, — от души рассмеялся Страдымов. — Я лично пред-
почитаю соломенный матрас, и тебе советую. Какие же
мы будем революционеры, ежели на перинах нежиться

начием? — вполне серьезно сказал он. — Не мне рассказывать и не тебе слушать об этом, полагаю, ты и сам прекрасно понимаешь. Я не могу похвастаться знанием педагогики, но считаю, что спартанское воспитание, дополненное нашей революционной практикой, — это то, что нам сейчас надо взять на вооружение.

— Трех «спартанцев» я сегодня видел на базаре, — сказал Рассветов, посмотрев смеющимися глазами на Страдымова. — Доморощенные, видно?

— Какие спартанцы? — не понял Страдымов, встав из-за стола, показывая посетителю, что прием окончен.

— Оборванные, чумазые и голодные, двумя пальцами чужие карманы проверяют, — резко ответил Рассветов, поднявшись с места.

— Зачем же иронизировать? Я серьезно.

— И я серьезно. Но почему этими подростками никто не интересуется — этого я не понимаю? Неужели Скукин не видел их?..

— Я и сам видел, да некуда девать их было. Скажу чекистам, чтоб выловили и к тебе направили. В отношении сахара я записал тут себе, а что касается учителей — обращайся в наробраз.

ГЛАВА ДЕВЯТАЯ

Интернат колонии имени Джона Рида, куда вселились первые колонисты и прибывшие из Черемшан коммунары, стоит на краю оврага.

Широкий и глубокий овраг, по дну которого, тихо журча, сбегает в мельничный пруд вода, зарос тростником, осокой, пушицей, цветущим до поздней осени бакульником. На другой его стороне, напротив интернатских окон, высоко в небо поднял свой богатырский шлем могучий дуб-великан. Около него — ни деревца! Далеко видит вокруг бессменный часовой села, встречает и провожает всех, кто пройдет и проедет по большой дороге. Много пережил и перевидел он за свою долгую службу! Сколько бурь, ураганов и губительных ливней обрушивалось на него, десятки раз опален он был огненными стрелами молний, но по-прежнему крепок и могуч исполин. И кто знает, сколько еще проживет он на белом свете, принося людям радость своей волшебной, неувядаемой красотой!

При лунном свете дуб кажется совсем черным, чудовищно огромным и лохматым. Тень от него падает на несколько десятков метров. В тихой ночной дремоте он суров и задумчив.

Колька Хмырь смотрит из интерната через открытое окно, не поворачивая головы и не обращаясь ни к кому в отдельности, спрашивает:

— А правда, что дуб этот посадил Степан Разин, который княжну утопил в Волге?

— Кто это свистнул тебе? — хмыкнул Залетаев, лежа в своей кровати и натягивая на голые плечи одеяло.

— Кочерга рассказывал, когда мы печку клали на кухне, — ответил Хмырь, любуясь дубом.

— Счетовод? — не поверил Сенька.

— Ну да.

— Брешет. Я читал про Степана Разина, его в Москве казнили, скоро двести пятьдесят лет тому будет.

— Ты, Залетка, читал книгу, а видел фигу, — вмешался в разговор Хромов. — Кочергин правильно толковал. Степан Разин как раз в здешних местах гулял: от Астрахани до Симбирска, а когда был разбит, снова ушел на Дон. Там его и продали, дешевки! И дуб этот точно он посадил, — как всегда, искренне начинал верить собственной фантазии Володька Хромов. — Потому и вымахал он таким, что Степан Тимофеевич силу свою ему передал на веки вечные! А еще я слыхал от деда одного: положил Степан Тимофеевич Разин под корень этого дуба все золото, что у купцов отнял. А клад тот заговоренный — без тайного слова никому в руки не попадет. А слово то знал всего один человек, и умер он, никому не передав его. Только сказал он, что через триста лет и тридцать три года после казни Степана Тимофеевича Разина клад тот сам откроется людям и зажируют здешние бедняки богато, как никто и никогда не жил до этого.

Сенька Залетаев свистнул и громко рассмеялся.

— Чего свистишь, Залетка? Чего?! — обиделся Хромов.

— Пригнись, Хмырь, брехня летит! — вновь засмеялся Залетаев.

— А ну вас, — упал Володька на подушку, закрываясь одеялом. — Давайте спать: завтра утром на пристань надо, пойдем встречать пацанов, да и черемшанские коммунары спят уже.

— Они как оттопали двадцать верст с гаком — хоть из пушки пали — и не разбудишь, — сказал Залетаев.

— Эх, если бы слово то узнать?.. — мечтательно произнес Колька. — Открыл бы я клад, забрал золото и всем по новым прохарям со скрипом купил! А сам я в Америку бы подался, поглядел бы, где там Джон Рид жил, о котором коммунары седня рассказывали. Он, говорят, на стороне индейцев дрался, за справедливость! Я тоже бы...

— В Америке и без тебя жуликов навалом, бросишь в собаку, а попадешь в вора. Там для таких, как ты, кухрослепый, колоний не устраивают, сразу за решетку и не выпускают до тех пор, пока борода не вырастет до пупа, как у Мотьки Хохла. А сапоги мы купим и без твоего клада, разживемся и купим, дай срок. Ложись давай, кладоискатель, и окно закрой, сколько говорить можно?! — строго предупредил Хромов.

— Ну и черт с вами! — сказал Хмырь, закрывая окно. — Не хотите новые сапоги иметь — шлепайте в чем мама родила! — И, рассмеявшись, плюхнулся на койку.

Все колонисты давно спали, но Колька Хмырь никак не мог заснуть. Вперив глаза в потолок, он долго лежал недвижимо, мечтая о кладе, о новых сапогах, о далекой богатой стране Америке...

— Не спишь? — неожиданно тронул за плечо Кольку лежавший рядом Федька Бякин.

— А ты? — спросил шепотом Хмырь.

— Я спал, — тихо заговорил Федька, — да проснулся, от страха. Снилось мне, будто обокрал я толстую бабу, деньги у нее из-под юбки вытащил... Хочу бежать, а ноги не идут, как не мои все одно. Схватили меня какие-то бородачи за руки, держат, падлы, а один, гад, пинкаря мне кованым сапогом даст. Упал я, а он, сволочь, лежачего пинает, и все в морду норовит заехать. Откуда у меня в руке финка оказалась — понятия не имею, только размахнулся я, вдарил этого паразита, а когда разглядел — Андрея Ивановича, заведующего нашего, писанул! Он и не охнул даже, как повалился. Схватил я его за плечо, хочу поднять с земли, хочу сказать, что не его я хотел ударить, а он и говорит мне: «За что же ты, Федя, убил меня? Чем провинился я перед тобой?.. Эх, Федя, Федя!..» А меня слезы душат, слова вымолвить не могу, понапрасну человека загубил... В таком страхе и проснулся. К чему бы это?..

— Кровь видел? — спросил Колька.

— Видал. Все руки в крови были запачканы.

— По сну выходит так: кто-то из твоих кровных к тебе прибьется, не позднее трех дней, вот увидишь.

— Да у меня никого нет, чудик! — ответил Бякин. — Я из детдома сбежал. Никого не знаю: ни отца, ни матери, ни дядек с тетками, никого! Один, без роду и племени, будто из воды выпырнул... Страшно, Коля, одному на свете остаться! Не боится тот, кто не испытал, а я знаю...

Помолчали, прислушиваясь к сонно всхрапывающей тишине, а потом заговорил Колька Хмырь:

— А у меня дядька есть в Камышине, да разве он примет? Если б нужен был, сразу бы взял, а то, выходит, не нужен. Я даже чуть-чуть помню его: здоровый такой мужик, на моего отца, говорили, похожий по обличью. Может, и дядька помер теперь?..

— Может, и помер, — согласился Федька. — А Милку с Леньчиком родная тетка прогнала, знаешь? Голодных даже выгнала.

— Леньчик рассказывал. Выздоровеет Милка, как ты думаешь?

— Не знаю. Андрей Иванович бывает у ее, а других доктор не велит к ней пускать... Ох и надоело мне тут!.. — тяжело вздохнул Федька. — Смоюсь я отсюда, только денег достать на первый случай. Мутит меня от такой житухи: свиньи, коровы, навоз, тьфу! Мотька-борода только командует, Малютка посменвается да подгоняет, а мы целый день навоз от конюшни возим на огород, а потом разбрасывать это дерьмо заставят и запахивать. Понял?.. Это чтоб баланду не даром хлебал. Скучно!..

— Жрать хочешь? — спросил Колька.

— А что?

— Кусок жареной сомины у меня есть, дать?

— С кухни увел или сам сжарил?

— А тебе не все одно? Хочешь — дам.

— Нет, не хочу. Давай спать.

— Давай.

Рано утром в интернат пришли Рассветов, Кочергин и новый агроном колонии Заботин. Это был тучный, с одышкой человек, с тугими, будто налитыми свекольным соком, щеками, прозванный черемшанскими коммунарами Буряком. Хромов уже поднялся, но ребята еще спали.

— Товарищ Хромов, — позвал Рассветов. — Вот наш агроном и заведующий хозяйством товарищ Заботин. Теперь все назначения колонистов на работу с ним решайте. Федор Алексеевич человек опытный, надеюсь, что вы поладите.

— Поживем — увидим, Андрей Иванович, а не поладим, так разбежимся в разные стороны — и вся любовь! — с улыбкой глядя на Заботина, сказал Хромов.

— Бегать мне уже возраст не позволяет, одышка задавила, — сказал агроном. — Так что давай настраивайся на дружбу.

— Другой разговор, Федор Алексеевич! А то у нас есть тут один, который пошуметь любит, а пацаны такой народ, что терпеть этого шума не могут и собираются бороду ему опалить! Так что учтите.

— Мне такое не грозит, товарищ Хромов, — понимая, что в любой шутке есть доля правды, ответил Заботин. — Во-первых, я бороды не ношу, а во-вторых, шума не люблю.

Рассветов посмотрел на часы, сказал:

— Пора, Володя! Разбуди Залетаева, Бякина и еще человека три на твое усмотрение, и пошли встречать гостей.

Встречающие пришли на пристань вовремя: тридцать шесть оборванных мальчишек и восемь девочек только что сошли с парохода на пристань в сопровождении трех сотрудников чека.

Среди однородно чумазой нестриженой массы подростков сразу же привлекли к себе внимание пятеро почти взрослых и вполне прилично одетых парней, которым вся эта затея с колонией казалась глупейшим недоразумением в их жизни или забавным приключением, не больше. Перебрасываясь словечками из воровского жаргона, они делали вид, что никакого отношения к партии конвоируемых чекистами не имеют.

— Почему в этом городе я не вижу извозчиков? — нарочито громко возмущался один из них. — Эй, извозчик!

— Извозчик!.. — хором повторяли четверо.

Хромов стоял в толпе, наблюдая за разыгрываемой комедией. Из этой пятерки он знал троих: Ваську Шмы-

гу, известного в ворон
Зюзю, или Мопса, полу
из мастерское подража
по фамилии Мымрин.
— Извозчики в рас
счастливый взгляд, ска
лять вашими изнеженны
встать в строй, вот сюд
требуются?
— Вы, ихний началь
ный блондин, глядя дерз
В это время Мопс в
вперед нижнюю челюст
мастерски заурчал и гро
дя на Мопса, начала хох
развязка разыгрываемой
Хромов повелительным т
— Мопс, ко мне!
Только что веселивш
Этот приказ произвел в
рела.
— Малютка, ты?! —
ресницами Мопс, подним
Ты как здесь?!
— А тебе не кажетс
вопросов задаешь? — оки
са, спросил Хромов.
— Я понял, Малютка
— Шныга и Мымрин
в затылок, замыкающим
смотрел на двух молоды
— Вам бы в ликбез
— Парашники вы, а
ли, а не вещи! — гордо з
Малютка. — Сегодня я
Марш в строй!
— Симочка! Когда г
кизьк! — укоризненно пр
лютка разговаривает, а
— Давно бы так и с
Серафим Хвостиков.
Колонна сошла с пр
катыся по крутому взг
— Вот это по

гу, известного в воровском мире под кличкой Дворянин, Зюзю, или Мопса, получившего неблагозвучное прозвище за мастерское подражание собачьему лаю, и Карзубого, по фамилии Мымрин.

— Извозчики в расходе, господа! — прищурив насмешливый взгляд, сказал Рассветов.— Придется топать вашими изнеженными ножками. Будьте любезны встать в строй, вот сюда. Дополнительные разъяснения требуются?

— Вы ихний начальник? — задал вопрос бледнолицый блондин, глядя дерзко и нахально.

В это время Мопс встал на четвереньки, выдвинул вперед нижнюю челюсть, уставившись на Рассветова, мастерски заурчал и громко залаял. Группа пацанов, глядя на Мопса, начала хохотать. Но неожиданно наступила развязка разыгрываемой комедии. Выпырнув из толпы, Хромов повелительным тоном подал команду:

— Мопс, ко мне!

Только что веселившаяся компания сразу притихла. Этот приказ произвел впечатление неожиданного выстрела.

— Малютка, ты?! — растерянно заморгал рыжими ресницами Мопс, поднимаясь с четвереньек на ноги. — Ты как здесь?!

— А тебе не кажется, Зюзя, что ты слишком много вопросов задаешь? — окинув недовольным взглядом Мопса, спросил Хромов.

— Я понял, Малютка, и умолкаю.

— Шмыга и Мымрин! Команду слышали?! В строй и в затылок, замыкающими! А это что?.. — Хромов в упор смотрел на двух молодых людей, сидящих на канатах.

— Вам бы в ликбез надо, начальник! «Что»? Мы люди, а не вещи! — гордо заявил один из них.

— Парашники вы, а не люди! — рассмеялся Хромов-Малютка. — Сегодня я пощупаю тебя, какой ты люд?.. Марш в строй!

— Симочка! Когда говорят старшие, слушаться надо, милок! — укоризненно произнес Мопс. — С тобой сам Малютка разговаривает, а не Буй и не Дворянин. Понял?

— Давно бы так и сказал, — ответил Симочка, он же Серафим Хвостиков.

Колонна сошла с пристани на берег и начала подниматься по крутому взвозу.

— Вот это номер, чтоб я помер! — обескураженный

происшедшим, сказал Зюзя. — Кажется, не в ту степь мы приплыли, сударики?

— Именно в ту самую, Мопс! Я даже обрадовался, — сказал Хромов, похлопав бывшего своего приятеля по плечу. — Должок привез?..

— Я искал тебя, Малютка, честно говорю, но ты как-то неожиданно исчез... Не думай, что я залысить хотел. Вскоре, после нашей с тобой игры...

— Цыц! — коротко приказал Хромов. — Ты зачем лапшу мне на уши вешаешь?..

Преодолев крутой подъем, колонна остановилась, и чекисты в который раз пересчитали конвоируемых.

— Двое ушли, товарищ Рассветов, — сообщил старший наряда. — Разве за ними уследишь? В Вольске полсуток стояли под погрузкой! Видно, с кормы нырнули и ушли в город.

— В следующий раз привезете, — сказал Рассветов.— Шагом марш.

Колонна тронулась. Впереди шли колонисты Залетаев, Кострюков, Бухонин и один из сопровождающих чека. Сзади шагали Хромов, Бякин в окружении «дружков-приятелей» по прошлым темным делам.

— Уж кого-кого, а тебя-то, Малютка, я никак не ожидал тут встретить, — говорил Зюзя — Как это понимать честному вору?.. Не верю, чтоб ты в легавые подался?

— И не верь, Мопс! Чутье у тебя собачье, не зря ты кликуху имеешь! В легавые такую сволочь, как мы с тобой, не принимают! А за то, что я честно завязал, кто с меня спросит? Я дал слово человеку, освободившему меня из-под вышака, что с прошлым счеты у меня короткие, да сразу выпутаться не сумел, а теперь пришло время.

— Совесть, что ли, появилась? — съязвил Мымрин-Карзубый.

— Слово Малютки, Карзубый! Я когда-нибудь слово свое замазал?.. Ну, а коль так, отпущения грехов просить не собираюсь. Нет их у меня, понял? А если что имеешь ко мне, предъявляй сейчас.

— Нет, я лично ничего не имею, — струсил Карзубый.

— Нам теперь что ж, задний ход давать? Или гуманем малость? — настороженно спросил Мопс.

— Закон мой ты знаешь: где я живу — гадить там я не позволяю никому! Уходите оба — и ты, Мопс, и ты, Карзубый, не светит вам тут, иначе порежу я вас, сявки!

— Спасибо за откровенность, Малютка, — сказал Карзубый, чувствуя, как промеж лопаток побежали мурашки.

— А долг мой как же? — растерянно спросил Зюзя. — У меня сейчас ничего нет. Честно, Малютка! Мы в облаву попали и наговорили незнакомому легавому, что сбежали из трудовой колонии, а тут как раз партию пацанов собрали на отправку, мы и попросились.

— Сегодня вечером отыграешь. А не отыграешь, так отлежишь, тебе не привыкать, — усмехнулся Хромов, брезгливо глянув на Мопса.

— Лады, — согласился Мопс.

Оба они — и Зюзя и Мымрин — хорошо понимали, что легче уйти от чекистов, чем вступить в прямой конфликт с Малюткой, не знающим ни пощады, ни жалости к своим врагам.

Рассветов, несколько отстав от колонны, спрашивал старшего наряда губчека:

— Зачем привезли этих пятерых?

— Кого вы имеете в виду? — делая вид, что не понял, о ком идет речь, спросил старший.

— Бандюг этих великовозрастных! — сердито сказал Рассветов. — Я не приму их. Наша колония для подростков, а эти?.. Вы же видели!

— Они сами попросились. Обещали начальству, что будут работать.

— Вы что, первую неделю в чека? Не поняли, с кем имеете дело?.. Увезите их обратно в тюрьму, ни за что не приму! Скуки ради они решили по Волге прокатиться на казенный счет. И передайте вашему начальству, что у меня здесь сельскохозяйственная колония, ни заборов, ни колючей проволоки, ни карцеров нет и не будет!

— Мне что: записали их в список и сказали — вези да гляди в оба. Я и сам вижу: бандиты они!

Обогнув кирпичный завод, колонна проследовала через дамбу мельничного пруда и, минуя паровую мельницу и конюшню, из дверей которой выглядывали дежурные колонисты, а впереди, опираясь на вилы и ухмыляясь в рыжую бородищу, стоял Матвей Хохлов, направилась к учебному корпусу.

Из старенькой совхозной бани, что стояла на обрывистом берегу затона, вышла кастелянша Гульбина, сообщила Рассветову, что обмундирование для прибывших

получено и баня готова. Остановившись на минуту, Андрей Иванович спросил:

— Парикмахера нашли?

— Так у нас же свой есть, — ответила Феня, сверкнув веселыми черными глазами. — Сатаной его зовут колонисты, по свинарнику сейчас дежурит.

— Сотонкин, что ль? — удивился Рассветов.

— Так он же, — простодушно улыбалась Феня. — И струмент у него, с Черемшан привезенный. Нынче все к Матвею приставал, чтоб бороду тому побрить.

— Хорошо, — сказал Рассветов. — Скажите Матвею Анисимовичу, чтоб освободил его от работы на конюшне, берите парикмахером.

— Девочек тоже стричь под машинку? — озабоченно спросила Феня.

— Ни в коем случае! Будьте к ним повнимательнее, Феня. Очень прошу вас!

ГЛАВА ДЕСЯТАЯ

Леня Бреднев и Соня Касаткина встречать новичков на пристань не ходили, а с разрешения Рассветова отправились в больницу к Милке. Лапшинова испекла для больной рыбный пирог и румяных пирожков с яблоками. Передачу несла Сонька. Настроение у нее, как думалось Леньке, было не в меру веселое, и она всю дорогу от колонии и до самой больницы беспричинно почему-то улыбалась, Ленька, напротив, молчал и злился на Соньку.

— Чего ты задаешься? — сердито сказал он.

— Я?.. Я ничего, так...

— А чего ты смеешься?

— Не над тобой же, вот чудик!

Сонька перестала улыбаться, посерьезнела и, помолчав, сказала:

— Я была у нее вчера вечером, только не разговаривала, спала она. А тетка, которая с ней лежит, сказала мне через форточку, чтоб отец пришел.

— Какой отец? — Ленька удивленно приподнял подзолоченные солнцем брови. — Зачем обманываешь?

— Очень надо мне обманывать тебя, — сказала Сонька. — Милка похвасталась той тетке, что Андрей Иванович отец ее. Понимаешь?

Ленька ничего не ответил на это и, как показалось Соньке, еще больше насупился.

— Да ты не серд
уже не улыбаюсь.
не смеются, потому
не совсем дура.

Ленька открыл
ничный двор, зарос
темно-зелеными лоп
ная тишина осенне
прогнали. а кресть
з кто в лес. По жн
серые кучевые обл
умытых ночным до
жия которой робко
залась высокой и
только рядом с бо
чиналось сельское
от времени дубовы
усопшим никого и
лись мрачными и в
времена года.

Глядя на клад
сты машут ему св
руками и зовут к
тогда ему сделало
сзади и совсем ряд
и задушить...

— Пойдем ско
Ленька закрывав
— Взял бы да
Сонька,— тоже мн
Они взошли на
ки, остановились у
— Ты постой т
ка — На, держи п
Она сунула ем
ми, скрылась за д
чтобы не очень бо
глядеть и начал п
Милке, о которой
хотелось в этом п
Не успел Лень
лась дверь и на п
худая женщина в
— Ты кто?

— Да ты не сердись, — ласково сказала она. — Я ведь уже не улыбаюсь. В больнице, конечно, не улыбаются и не смеются, потому что там болеют, это я тоже понимаю, не совсем дура.

Ленька открыл калитку. Они зашли на широкий больничный двор, заросший забуревшим подорожником и темно-зелеными лопухами у забора. Вокруг стояла грустная тишина осеннего деревенского утра, когда стада уже прогнали, а крестьяне выехали: кто в поле, кто в сады, а кто в лес. По жидко-голубому небу неторопливо плыли серые кучевые облака, воздух был пропитан запахами умытых ночным дождем трав, Маяшина гора, у подножия которой робко приютилась сельская больничка, казалась высокой и помолодевшей от ожившей зелени. И только рядом с больничной оградой, на взгорке, где начиналось сельское кладбище, угрюмо стояли побуревшие от времени дубовые кресты. Эти деревянные памятники усопшим никого и никогда не радовали, они всегда казались мрачными и в пасмурные, и в солнечные дни, во все времена года.

Глядя на кладбище, Леньке померещилось, что кресты машут ему своими черными, словно обгоревшими, руками и зовут к себе. Ленька оробел и отвернулся. Но тогда ему сделалось еще страшнее, они теперь махали сзади и совсем рядом, могли дотянуться, схватить за шею и задушить...

— Пойдем скорее! Чего ты копаешься? — поторопил Ленька закрывавшую за собой калитку Соньку.

— Взял бы да сам закрыл, а то убежал, — упрекнула Сонька,— тоже мне кавалер.

Они взошли на ветхое деревянное крылечко больнички, остановились у наружной двери.

— Ты постой тут, а я пойду спрошу, — сказала Сонька. — На, держи передачку.

Она сунула ему в руки глиняную чашку с пирогами, скрылась за дверью. Ленька остался дожидаться, а чтобы не очень бояться крестов, старался на кладбище не глядеть и начал придумывать слова, какие надо сказать Милке, о которой он очень и очень соскучился, хотя и не хотелось в этом признаваться даже самому себе.

Не успел Ленька как следует все продумать — открылась дверь и на пороге появилась санитарка, пожилая худая женщина в сером халате.

— Ты кто? — тревожным голосом спросила она.

— Я — Лепька, — почему-то сразу оробел перед этой женщиной Бредиев, глядя на бледное ее лицо и на испуганные глаза.

— Иди скорее, милый, сестренка-то твоя помирает, — сказала санитарка и заплакала.

Выпала из Лепькиных рук чашка с пирогами, развалилась на части. Вместо того чтобы идти в палату, Лепька, сам не зная зачем, начал подбирать с полу черепки и складывать их в тряпицу.

— Господи! — всплеснула руками санитарка. — Иди быстрее, зовет она тебя. Уберу я тут.

На Лепькины плечи кто-то набросил халат, повел его по коридору, а потом открыл дверь в палату и слегка подтолкнул в спину.

Около Милкиной койки стоял усатый доктор Никита Данилович, медицинская сестра, Соня Касаткина и женщина, лежавшая в этой палате.

Милка дышала прерывисто, хватая открытым ртом воздух. Медсестра, обняв Леньку за плечи, подвела его к кровати. Узнав его, Милка хотела что-то сказать, но у нее не хватило сил. По ее бледным и худым щекам тихо сползли две слезинки и застыли на тоненькой шее.

— Не умирай, Мила! Не умирай... — заплакал Лепька. — Зачем умираешь? Как же я-то?.. Сестреночка моя милая... Милочка!..

Она вдруг уставилась на Леньку потускневшими невидящими глазами, беззвучно пошевелила синеющими губами и затихла. Может, это только показалось так Леньке, может быть, Милка что-то и сказала ему, но он не расслышал...

— Милка! — сорвавшимся, не своим голосом крикнул Лепька, бросившись к ней, и начал трясти ее за голову. — Милочка моя, Мила!..

— Умерла, — тихо сказал доктор, взяв ее безжизненную руку. — Уведите мальчика в прихожую.

Когда заплаканная Сонька вышла из палаты, Леньки в коридоре не оказалось. Санитарку, пытавшуюся утешить его, он оттолкнул и убежал.

Через час Касаткина пришла в колонию, вызвала Андрея Ивановича Рассветова из кабинета в коридор, сообщила ему о смерти Бредиевой и о том, что Лепька куда-то исчез.

Как ни готовил себя Андрей Иванович к этому тяжелому моменту, видя, что Мила Бредиева за последние

дни стала совсем
его.

По-отечески по
попросил ее о сме
говорить. Соня, ш
сом, кивнула голо
Возвратившись
дела вновь прибы
кривоногий Зюзя,
сторону недобрый
— Значит, раб
— Мне бы на
дет, — кривляясь,
силенок маловато
— Жаль, что
удовольствием пе
Рассветов. — Пог
такими типами, к
— Ничего и д
лю! — глядя нах
— А трудову
что ль? — спроси
— Тюрьма не
ство есть, — не з
климат тут у вас
— Ты что же
слов нахватался
— Где я тол
одно смоюсь.
— Ну и убир
вежда ты, вот т
варивать, болту
ла. — Да и по в
перерос давно.
му. Можете про
— Э, нет, —
голубчиков, обс
мне ответ держ
— Забирайт
ше, если сейчас
даже с пристяж
— Да нику
было канючить
люди!..

дни стала совсем плоха, известие о ее смерти потрясло его.

По-отечески положив руку на голову Сони, Рассветов попросил ее о смерти Милы Бредневой пока никому не говорить. Соня, шмыгнув распухшим и покрасневшим носом, кивнула головой и, повернувшись, пошла в пекарню.

Возвратившись за стол, где комиссия рассматривала дела вновь прибывших и около которого все еще стоял кривоногий Зюзя, он же Монс, Рассветов метнул в его сторону недобрый взгляд, спросил:

— Значит, работать не желаешь?

— Мне бы начальником, вроде вас, тогда можно будет, — кривляясь, ответил Зюзя. — А ковырять землю силенок маловато, начальник!

— Жаль, что тебя не назначат на мое место, а то я с удовольствием передал бы тебе эту должность, — сказал Рассветов. — Поглядел бы я, как и что сделал бы ты с такими типами, как сам и твой дружок Мымрин?

— Ничего и делать не надо. Я отпустил бы их на волю! — глядя пахально на Рассветова, ответил Зюзя.

— А трудовую колонию ты считаешь тюрьмой? Так, что ль? — спросил Рассветов.

— Тюрьма не тюрьма, а все же не воля, коль начальство есть, — не задумываясь, резал напрямки Зюзя. — И климат тут у вас неважнецкий.

— Ты что же, в банде анархистов был? Откуда таких слов нахватался?

— Где я только не был, начальник! Отпускай, все одно смоюсь.

— Ну и убирайся к чертовой матери, «климат»! Невежда ты, вот ты кто! Только разговоры научился разговаривать, болтун! — вспылил Рассветов, встав из-за стола. — Да и по возрасту не годишься для нашей колонии, перерос давно. Дружка твоего, Мымрина, тоже не приму. Можете проваливать на все четыре!

— Э, нет, — сказал старший наряда губчека. — Я их, голубчиков, обоих сейчас под арест! За них, паразитов, мне ответ держать, ежели убегут.

— Забирайте их и содержите где хотите, а еще лучше, если сейчас же увезете в Хвалынск, подводу я дам, даже с пристяжной.

— Да никуда мы не побежим, начальник! — начал было канючить Карзубый. — Хоть бы пожрать дали, люди!..

— Прекратить разговоры!— строго сказал старший наряда. — Пошли!

— Зайдите к нам в столовую, — сказал чекистам Рассветов, — сами поешьте и этих гастролеров накормите. Вот, товарищ Хромов, все устроит. До свидания.

Закончив прием новых колонистов, Рассветов позвал Семена и, объяснив ему, при каких обстоятельствах исчез из колонии Леня Бреднев, попросил разыскать мальчика. Залетаев и Бесфамильный тут же отправились на поиски.

После парикмахерской и бани, сбросив с себя грязные лохмотья и переодевшись в новые костюмчики, причесанные и разрумянившиеся, с сияющими от восторга глазами, бывшие беспризорники собрались у крыльца учебного корпуса. Девочки окружили учительниц, с ребятами разговаривали машинист Ломако, агроном Заботин, учитель Извеков. Не было среди прибывших Зюзи и Мымрина, они только что проследовали мимо собравшихся в сопровождении чекистов. Впрочем, никто о них не жалел, а многие пацаны, узнав, что Мопса и Карзубого в колонию не приняли, облегченно вздохнули.

Подошли Рассветов и Кочергин. Глядя на преобразившихся до неузнаваемости ребят, Андрей Иванович сказал:

— Какие вы все красивые, честное слово! С учителями вашими, как я вижу, уже познакомились?.. Сейчас пойдете в столовую, а после завтрака Петр Гаврилович, наш заведующий интернатом, каждому укажет место, где он будет спать, и тумбочку, одну на двоих. На две недели в колонии вводится карантин, выход в село запрещается. Вопросы есть?

— Скажи честно, заведующий, куда легавые увели Мопса и Карзубого?— стрельнув по сторонам беспокойным взглядом, спросил Хвостиков, один из той пятерки, которая на пристани не в меру веселилась.

— Не легавые, а чекисты увели, колонист Хвостиков, — сделал строгое замечание Рассветов. — И коль уж ты теперь колонист, забудь свой блатной жаргон навсегда! Зюзю и Мымрина в колонию мы не приняли: они совершеннолетние парни и пусть ими занимается чека в другом месте. Жалеете, Хвостиков, что с дружками вас разлучили?

— Есть о чем жалеть! — усмехаясь, ответил Хвостиков. — В то заведение я еще успею.

— Зачем же спрашиваешь?.. Не надеешься на себя?

— Не знаю, в колонии пока не был. Вроде бы ничтяк тут, если кормить будут.

— Время сейчас трудное — кормим по норме, но у нас, в отличие от городских колоний, есть свое хозяйство, и мы имеем возможность к этой норме кое-что добавлять. Но чтобы вести хозяйство, надо работать, об этом знает каждый из вас. Другие вопросы есть?..

— Нету, чего тут балаиду травить? — за всех ответил Шмыга, он же Васька Дворянин, которого Рассветов решился взять, как и его друг[illegible] Степана Трапезева, по кличке Буй.

— Володя, уехали гости? — обратился Рассветов к только что вернувшемуся Хромову.

— Нет, они позавтракали и пошли на пристань. Сверху товарно-пассажирский должен быть. Матвей сказал.

— Очень хорошо! Ведите всех на завтрак.

— Лучше такой команды не бывает! — весело сказал Хромов.— На завтрак, за мной!

Владимир Хромов, окруженный [illegible]пой ребят, шагающих в столовую, шутит:

— Порядок, братва, такой: кто приходит первый — тому полагается самая большая ложка, кто последний — самая маленькая! Кто выгадывает?

— У кого большая ложка! — [illegible] хором.

— Нет, не угадали, братцы-ролики! — смеется Хромов.— Выгадывает тот, у кого большая миска!

Все ребята хохочут.

Проводив новое пополнение, Андрей Иванович, забыв, что он тоже не завтракал, велел запрягать Сороку, чтобы ехать в больницу.

Из дневника Елены Щегловой

16 октября, понедельник.

Один мой учитель утверждал: «У каждого человека должно быть любимое дело и увлечение». Человек без увлечения, по его мнению, не в состоянии познать самого себя, а поэтому бессилен проявить способности и в настоящем деле. Он умышленно лишает себя радости творчества, приходящей только в результате поисков и пытливости ума. «В том, что каждый человек обладает определенным талантом, — говорил учитель, — в этом я никогда не сомневался и готов доказать, что бесталан-

ных людей не рождается!» Эти выводы он сделал, проработав в школе более пятидесяти лет! Талант, внушал он нам, это — увлеченность, настойчивость и каждодневный труд!.. Да не просто какой-нибудь, скуки ради, а упорный, с затратой физических и духовных сил до изнеможения! Пример тому Микеланджело. А у меня, к сожалению, не хватает воли, чтобы заставить себя регулярно вести свой дневник, не говоря уж о поисках какой-то высокой цели в жизни.

В чем мое призвание?.. Не знаю. Я учительница, а удовлетворения от своей работы не получаю. Может быть, радость труда придет со временем?.. А если не придет, значит, я занимаю чужое место?.. Мужайся, бедная моя мамочка, ненадежная я для тебя опора под старость! Что же будет?.. Сумею ли я продержаться в колонии хотя бы несколько недель, чтобы заработать немного денег на дорогу?..

18 октября, среда.

Сегодня на сельском кладбище состоялись похороны Милы Бредневой. Из колонистов присутствовали только ее друзья. А Леня, ее братишка, так и не нашелся.

Во время похорон я крепилась изо всех сил и, стараясь не показать ребятам свою слабость, украдкой вытирала слезы. Соня Касаткина и Феня Гульбина горько плакали. Всем присутствующим было не по себе. Установив на могиле деревянную пирамиду с красной звездой, Андрей Иванович сказал короткую речь. Волевой, сильный мужчина, видевший (на фронте) десятки, а может быть, и сотни смертей, при похоронах девочки-подростка настолько разволновался, что и на лице его, и на лбу выступили крупные капли холодного пота...

21 октября, суббота.

По заданию заведующего колонией мы несколько дней занимались изучением дел и составлением характеристик на наших воспитанников. Документов в наличии оказалось очень немного. С теми ребятами, сведений о которых не было вовсе, нам пришлось беседовать лично и заполнять карточку со слов. Даже изучив биографию воспитанника, написать на него объективную характеристику очень и очень сложно. Это понимает каждый из нас,

но без представле
опыте, характере,
чивать ни воспита
излишних подозре
пристрастной оцен
меня за это строго
ших мальчиках и д

Елена

По документам
два года, впервые
рн, отравившейся

Проживая в Са
ную жизнь, привод
вовала с ними, а
После смерти мат
дом, но вскоре из

Задержана раб
где сидела за сто
в чека партнер ее
что двое сотрудни

Заключение с
«Характер невыно
ная, когда выгодн
кой. Приобрела о
чин. Знакомясь, р
именами, преимущ
нов, а по существу
ставшая слишком

Варя Жарков

Лет пятнадцать
ла Красная Армия
порвавшиеся в их
и мать у девочки
го командира-боль
жили соломой и п
соседский парень
ком состоянии. Ос
ря кое-как добрал
родная тетка. Ад
бы не умереть, с

но без представления о подростке — о его жизненном опыте, характере, наклонностях, поведении — нельзя начинать ни воспитания, ни обучения!.. Но как избежать излишних подозрений, слишком личной, а может быть, и пристрастной оценки?.. Пусть же мои коллеги не осудят меня за это строго. Вот что я написала о некоторых наших мальчиках и девочках.

Елена Шадрина, она же Краля

По документам ей шестнадцать лет, беспризорничает два года, впервые появилась на улице после смерти матери, отравившейся уксусом.

Проживая в Саратове, мать Шадриной вела разгульную жизнь, приводила к себе случайных мужчин, пьянствовала с ними, а потом стала приучать к вину и дочь. После смерти матери Лена была отправлена в детский дом, но вскоре из него бежала.

Задержана работниками чека в ресторане «Астория», где сидела за столиком с каким-то хлыщом. По дороге в чека партнер ее сбежал, она же настолько была пьяна, что двое сотрудников вели ее под руки.

Заключение следователя, проводившего дознание: «Характер невыносимый, капризная и очень решительная, когда выгодно, умеет прикинуться наивной девочкой. Приобрела опыт обращать на себя внимание мужчин. Знакомясь, рекомендуется различными женскими именами, преимущественно героинь бульварных романов, а по существу — несчастная, беззащитная девчонка, ставшая слишком рано взрослой».

Варя Жаркова, других имен и кличек не имеет

Лет пятнадцать, не больше. Родом из Балашова. Когда Красная Армия отступила и город заняли деникинцы, ворвавшиеся в их дом белоказаки зверски убили ее отца и мать у девочки на глазах за то, что они спасли раненого командира-большевика. Дом Жарковых казаки облили соломой и подожгли. Одиннадцатилетнюю девочку соседский парень вынес из огня на руках в бесчувственном состоянии. Оставшись без родителей и без крова, Варя кое-как добралась до Саратова, где проживала ее родная тетка. Адреса родственницы она не знала и, чтобы не умереть с голоду, стала ходить по домам мыть по-

лы, стирать белье, носить из колонок воду. Случайно встретив на улице Лену Шадрину, Варя познакомилась с ней и из-за куска хлеба попала в зависимость. Но, в отличие от Шадриной, Варя никогда не пила и не курила. Неброская внешне, хрупкая и, кажется, перепуганная зверством белобандитов на всю жизнь, она старается угодить всем и каждому. Попав в колонию, Варя считает, что на этот раз ей очень повезло. Мечтает стать портнихой, и, если у нас будет швейная мастерская, из нее, может, выйдет хорошая швея!

Василий Шмыга, он же Васька-Дворянин

Худощавый, синеглазый блондин. Лицо с тонкими красивыми чертами, нервное и одухотворенное. Дерзкий, бесшабашный парень, впадающий иногда в тяжелое уныние, граничащее с отчаянием. Отца своего не помнит, но бабушка внушила ему, что родом он из дворянской семьи. Мать — актриса провинциального театра, выехала за границу и не вернулась, оставив сына на попечение свекрови. Бабушка вскоре померла, и мальчишка оказался на улице, объявив босякам, что он дворянин. Ему не поверили и на первый раз страшно избили. Но Шмыга упрямо стоял на своем, его били снова, но в конце концов поверили, приняли в свою компанию.

Посмотрев на его длинные и тонкие пальцы музыканта, главарь саратовских карманников Зюзя сразу определил «специальность» новичка — прирожденный «щипач»! И, после труднейшего «ученичества», Дворянин сделался карманником. Хотя ни с Зюзей, ни с Мымриным соперничать по карманной части Шмыга не мог, но вызывал и восхищение и уважение воровской братии, обладая незаурядными способностями гитариста и певца.

Парень этот, по моему впечатлению и некоторым другим характеристикам, с очень сложной и тонкой психикой. Хватит ли у него характера покончить с прошлым и стать полезным современному обществу человеком?.. Кто знает?.. Ему сможет помочь только тот, кто поймет его характер, заветную мечту и мятущуюся душу!

Степан Транцеев, по кличке Буй

Ему семнадцать лет. Имел несколько приводов в милицию, причастность к ограблению граждан не подтвердилась. В Саратов прибыл к деду, а до этого работал на

рыбных промыслах в Астрахани, что следователем было проверено и установлено. Дед Трапцеева, дождавшись внука, пожил недолго, а Степан, продав небогатое дедовское наследство, составлявшее сапожный инструмент и фартук, вскоре остался без денег. На Сенном базаре Трапцеев встретился с Васькой-Дворянином, а тот свел его с Зюзей. Посмотрев на новичка и узнав, что перед ним специалист по постановке рыбацких сетей, Зюзя тут же прилепил ему кличку Буй, что означает сигнальный поплавок для обозначения места сети.

Степан — парень физически сильный, уравновешенный, малоразговорчивый, а когда отвечает на вопросы, обдумывает каждое свое слово, будто взвешивает, подозревая в вопросах собеседника подвох и боясь проговориться. Где он прошел такую школу, сказать трудно, возможно у Зюзи, а может — природный дар! Держится независимо, предан Шмыге беззаветно! Можно сказать: в колонии удержится, станет добросовестным рабочим, но ему надо приобрести хорошую специальность.

ГЛАВА ОДИННАДЦАТАЯ

Стоял солнечный тихий полдень, и белые паутины неторопливо плыли над желтой стерней убранных полей, цепляясь за жнивье, за обронившую семена побуревшую лебеду, висли на кустах козьей ивы, на оголившемся орешнике и всюду встречающемся по канавам и притененным местам шиповнике.

Колька Хмырь, вместо того чтобы после обеда соблюдать тихий час, спать в своей кровати или просто лежать с закрытыми глазами, как того требовал распорядок дня, обманув дежурного, вылез из интерната через окно, бездумно брел по большой дороге, ловя палкой длинные, плывущие по воздуху паутины. Он только что перешел Каменный мост, намереваясь подняться в гору, чтобы посмотреть оттуда на Волгу, золотом сверкающие на солнце кресты и купола церквей Балакова. В это время с горы бешеной рысью скатился богатый фаэтон, запряженный тройкой серых в яблоках коней.

Подвыпивший кучер-бородач, с красной физиономией, натягивая ременные вожжи коренной и сдерживая левую пристяжную, уверенно правил взмыленными лошадьми, укрощая неровистый бег тройки настолько, чтобы не перевернуться на поворотах.

Сидевшие в фаэтоне хвалынский прасол Муравьев и господин в золотом пенсне, представитель иностранной фирмы, делающий в голодающей Советской России свой баснословный бизнес, оба любили настоящую русскую езду, с лихим посвистом и удалым кучерским выкриком «Эй вы, залетные!..», да так, чтобы колеса до земли не доставали.

Колька Хмырь, едва не угодив под ноги левой пристяжной, с испугу шарахнулся с дороги в сторону и, растянувшись в канаве, до крови ободрал о колючки руки и ноги.

Коляска, попав задним колесом на придорожный камень, наполовину вросший в землю, высоко подпрыгнула, седоки, резко подавшись вперед, едва не сбили кучера с козел и каким-то чудом не вывалились на дорогу. Тут же что-то мелькнуло в воздухе, полетело в поросшую бурьяном котловину, откуда колонисты брали глину для кладки печей. Лихая тройка, проскочив через Каменный мост, скрылась из виду.

— Вот гады! — выругался перепуганный Хмырь, погрозив вслед кулаком. — Могли и задавить, сволочи!

Вспомнив, как из коляски что-то выпало, Колька ради любопытства пошел к повороту. На дороге ничего не оказалось, кроме поцарапанного железным ободом песчаника. Но когда Колька глянул в котловину, то сразу же увидел желтый кожаный портфель с двумя блестящими застежками.

Хмырь тут же прыгнул в яму. Портфель оказался тяжелым. Потрогав запертые замки и опасаясь быть кем-нибудь замеченным, Колька не стал зря тратить время. Быстро спустившись в овраг, он прошел под мостом и, скрываясь в зарослях камыша, вскоре поднялся по балке к дубу-великану. Глубокая сухая балка густо заросла колючим кустарником, и Хмырь мог не беспокоиться, что кто-то увидит его здесь. Без особого труда он открыл замки всегда имеющимися в его карманах отмычками и, к величайшему его изумлению, увидел новенькие пачки советских червонцев, заполнившие портфель почти доверху.

Колька зажмурился, потряс головой, чтобы убедиться, что червонцы не снятся ему и не мерещатся от назойливой мысли разбогатеть и бежать в сказочную Америку, но, открыв глаза, он увидел их снова: червонцы лежали ровно и спокойно в портфеле, глядели на него

красновато-золотистыми узорами цифр и красивых завитушек. Дрожащими от волнения руками Хмырь сорвал одну обвертку с пачки, вторую, третью... Перед ним рассыпались настоящие советские деньги, куча денег, может, несколько десятков тысяч! В этот момент считать их Колька не мог: сердце так сильно колотилось, что готово было выскочить из груди, руки дрожали, в ушах звенело, и вдруг, ни с того ни с сего, его начала бить лихорадка. Да и зачем считать, когда он, Колька Хмырь, единственный и полноправный хозяин этого богатства! Так, по крайней мере, ему казалось в эти минуты. Денег этих хватит не только чтобы добраться до Америки, их будет достаточно, чтобы объехать весь мир!.. А внутренний голос шептал ему: на кой черт сдалась тебе какая-то Америка, когда можно и здесь — в Саратове, в Астрахани, в Баку или в любом другом городе — завести вполне приличную «малину», подкармливать босяков, таких же несчастных, каким до недавнего времени, всего час назад, был он сам, шкет Хмырь. А теперь по его желанию, даже по его капризу станут твориться такие чудеса, какие устраивал граф Монте-Кристо, о котором ночи напролет рассказывал им Сенька Залетка. Дальше этого Колькина фантазия не работала, но зато он теперь твердо знал: в Америку он не поедет, здесь на Волге хоть и голодновато, но с такими деньгами везде можно жить, плевать в потолок, ничего не делать, быть сытым и курить не какой-то там самосад или махру, а папиросы «Пушку»! Чокнуться можно от таких денег, лучше и не думать!.. Чувствуя внутренний жар, Колька испуганно огляделся по сторонам, не увидел ли его кто-нибудь, быстро собрал разбросанные по жухлой траве червонцы, засовал их в портфель, щелкнул замками.

Отыскав в балке то ли нору, то ли промоину, Хмырь сунул в нее портфель, сгреб на него опавшие листья, присыпал сверху землей, притоптал ногами и, убедившись, что тайник получился вполне надежный, пометил его собранными камнями.

По той же балке Колька сполз на брюхе в овраг, перешел через журчащий ручей, а через несколько минут смешался с общей массой колонистов, строящихся на линейку.

Рассветов, Кочергин и Заботин стояли в сторонке и, наблюдая за построением, говорили о необходимости временного устава колонии.

После нескольких дней неразберихи и анархии жизнь натолкнула Рассветова на мысль об организации самоуправления. «Пусть выбирают себе бригадиров и подчиняются им, — думал Андрей Иванович, — но махновщину надо пресечь! Всякий проступок не должен оставаться без разбора и без наказания виновного. За бригаду пусть отвечает бригадир, за звено старший звена, а за весь порядок в колонии и за работу бригад — совет бригадиров. Должность руководителя совета бригадиров, видимо, обязан занять помощник агронома по организации труда колонистов...»

Организация самоуправления в самых общих чертах, кажется, вырисовывалась, но многое оставалось неясным, требующим проверки на практике.

Решили создать пять бригад по три звена в каждой. Звенья из пяти-шести человек, по мнению агронома Заботина удобны тем, что их можно направлять целиком на любой участок работы во главе с звеньевым.

Еще вчера Заботин, Кочергин и Хромов долго ломали головы над кандидатурами бригадиров, которых можно было бы рекомендовать собранию колонистов. Написали большой список, а после детального обсуждения кандидатов оставили: Семена Залетаева, Степана Трапцеева, Александра Кострюкова, Павла Лаврухина, Андрея Скоробогатова. Когда же вызвали на совет машиниста Ломако, тот запротестовал против перевода от него Залетаева, утверждая, что без Семена на мельнице не обойтись, а через каких-нибудь три-четыре месяца парень станет самостоятельным машинистом. Больше того, уверял Иван Ломако, Залетаев так пристрастился к машине, что отрывать его от дизеля было бы несправедливо! С машинистом согласились и вместо Залетаева выдвинули Алексея Горячева.

Как только агроном Заботин зачитал перед строем колонистов список бригад и назвал фамилии бригадиров, правый фланг, возглавляемый Шмыгой и Хвостиковым, загудел: «У-у-у-!..» А колонист Козлушкин, присев за спиной Шмыги, пронзительно свистнул.

Владимир Хромов, стоявший перед строем, побагровел.

— Кто свистнул? — недобро прозвучал его голос. — Я вас спрашиваю, дешевки: это протест или согласие?

Строй притих и затаил дыхание.

— Володя, — сказал Рассветов, обращаясь к Хромо-

ву, — пусть воют и свистят, если эта глупость доставляет кому-то удовольствие.

— Да я этим сявкам ноги повыдергиваю, начиная с Дворянина и кончая Козлом! Я знаю, кто свистнул.

— Не я свистел, Малютка! Ты чего на меня? — глядя через головы пацанов и нахально ухмыляясь, начал балагурить Шмыга.

— Разговоры!.. — строго предупредил Рассветов. — Хочешь сказать — подними руку! Может быть, Василия Шмыгу будем рекомендовать бригадиром?.. Подойдет?

— Нет,— возразил Хромов. — Он же Дворянин и о свинарнике по свиной отбивной судит, пусть сначала понюхает, чем эта котлета свинарям пахнет, тогда можно будет! Понял, Васек?

— А как же! Когда ехал сюда, всю дорогу мечтал: как бы меня в свинячьи начальники просунули?..

Окружающие Шмыгу дружки весело хихикнули.

—Знаешь что, Василий Шмыга, — Рассветов поднял руку, чтобы поддерживающие Шмыгу весельчаки успокоились. — Вы же все правдолюбы?.. Вот и давайте по-честному, а не укать и не свистеть тут. Не нравится — скажи, чтоб все знали: почему тот или иной колонист не достоин быть бригадиром? Мы предлагаем вам, а не навязываем! Но махновщины в колонии мы не потерпим. Будешь говорить, Василий Шмыга?.. Не хочешь. Ну и хорошо, значит, не совсем без понятия!.. У других колонистов есть возражения против названных кандидатур?..

— Андрей Иванович! — подняв руку, обратилась Соня Касаткина. — Можно мне сказать?

— Конечно можно! — сказал Рассветов. — Говори, Соня!

— Девочек записали в разные бригады, а мы хотим работать вместе, и чтоб нашим бригадиром была Лена Шадрина! Все девочки просят!

— Мы думали, что вам с ребятами легче работать,— пытался объяснить Андрей Иванович, но, сразу поняв, что допущена ошибка, решил исправить ее на ходу. — Как вы думаете, Федор Алексеевич? Просьбу девочек, видимо, надо удовлетворить?..

— Я согласен, Андрей Иванович, — ответил агроном. — Для бригады девочек работа всегда найдется.

— Ваше предложение, девочки, принимается! Поддерживаем и кандидатуру вашего бригадира. Кто за то, чтобы утвердить названных бригадиров общим собра-

нием колонистов, прошу поднять руку. Против? Нет. Утверждаются. А сейчас строиться по бригадам и на работу! Командуйте, товарищ Хромов. Звенья создаются по желанию, кто с кем хочет работать, а звеньевых выберут члены звена.

Екнуло сердце у Кольки Хмыря, когда он увидел, как тройка серых рысаков пропылила по большой дороге и, резко осаженная кучером, вздыбила у того самого камня, где фаэтон час назад едва не перевернулся.

— О выполнении задания и о том, кто как работал, бригады доложат на вечерней линейке, — сказал Хромов. — Пошли!

Бригады тронулись, и Колька Хмырь облегченно вздохнул. А если бы хозяева портфеля завернули в колонию и подняли шум?.. Но, кажется, пронесло. Да если бы и допрашивали, все равно Колька не сказал бы; с портфелем никто его не видел, а деньги спрятаны надежно, попробуй найди! Хмырь шел и беспокойно поворачивался в сторону большой дороги, но, увидев, что тройка там уже нет, успокоился.

Алексей Горячев, в бригаде которого числился Хмырь, привел ребят на огород. Получив у Матвея вилы и грабли, бригадир объяснил, что задание бригаде на сегодня — собрать по всему огороду картофельную ботву и сорняки и все это сжечь. Работа предстояла нетрудная и даже интересная: костер любили все.

Как только задымили костры, Хмырь, улучив момент, метнулся на конюшню к Бякину.

— Слушай, Бяка, дело есть! — таинственно произнес Хмырь.

— Толкуй, какое дело? — опираясь на вилы, без особой охоты отозвался Федька. Он только что поругался с Матвеем, и настроение у него было плохое.

— Выйдем, — предложил Колька.

— Говори тут, чего тянешь? — недовольным тоном сказал Бякин. — Работы у меня навалом, помог бы лучше.

— Да плюнь ты на эту работу и на колонию! — возбужденно выпалил Хмырь. — Пошли отсель, у стен, знаешь, уши бывают. Зря я не пришел бы к тебе в такое время!

— Пошли, коль
гляя на товарища.
Выскочив из конюш
корпус «Шквала».
— Денег надо? — б
сил Федька, подозрите
— Откуда бы ни за
— Одну косую! — Р
— Могу одолжить,
Разбогатеешь — отдаш
— Ты что, шутки пр
бякин. — Дам в ухо —
Или клад Степана Ра
— Ты подожди, Бя
колонии? — в упор гл
— Конечно, если б
Надоела мне вся эта м
Сейчас побежал жало
работать не хочу.
— Ну, так слушай.
И Колька начал ра
пялся в лице, по дрох
понял, что Хмырь не
— Надо уходить от
Колька. — Эти деньги
— Сколько денег
Федька.
— Тысячи! Полон
зал, — ответил Хмыр
На лбу у Федьки
и дело шмыгал носом
горьковатый от поли
— Надо Залетке
С такими деньгами у
что ищут их уже. С
все знакомо там, а
— Лады, — сказа
покажусь на огороде
ду к вам. Сбор в су
— Знаю.
— От амбаров ов
— Кого учи

— Пошли, коль так, — согласился Федька, удивленно глядя на товарища.

Выскочив из кошюшни, спустились к затону, сели за корпус «Шквала».

— Денег надо? — без обиняков начал Хмырь.

— От сырости завелись у тебя? — насмешливо спросил Федька, подозрительно оглядев Кольку.

— Откуда бы ни завелись... Сколько тебе?

— Одну косую! — рассмеялся Федька.

— Могу одолжить, — бледнея, прошептал Колька. — Разбогатеешь — отдашь.

— Ты что, шутки пришел шутить сюда? — рассердился Бякин. — Дам в ухо — будешь знать! Помешался, что ль? Или клад Степана Разина приснился?

— Ты подожди, Бяка! Скажи: смываться думаешь из колонии? — в упор глядя на Федьку, спросил Хмырь.

— Конечно, если б денег достать на первый случай. Надоела мне вся эта музыка! Борода, гад, житья не дает! Сейчас побежал жаловаться на меня агроному, будто я работать не хочу.

— Ну, так слушай...

И Колька начал рассказывать... И по тому, как он менялся в лице, по дрожащему голосу и волнению, Федька понял, что Хмырь не врет.

— Надо уходить отсель сейчас же, — закончил рассказ Колька. — Эти деньги уже ищут. Понял?

— Сколько денег-то? — еще раз решил спросить Федька.

— Тысячи! Полон портфель одних червонцев, не считал, — ответил Хмырь.

На лбу у Федьки выступил пот, глаза сузились, он то и дело шмыгал носом, хватал вздрагивающими ноздрями горьковатый от полыни воздух.

— Надо Залетке стукнуть, — предложил Федька. — С такими деньгами уходить — голову надо иметь! Плохо, что ищут их уже. С Сенькой можно в Баку махнуть, ему все знакомо там, а не то и в Москву. Согласен?

— Лады, — сказал Хмырь. — Дуй на мельницу, а я покажусь на огороде, чтоб подозрений не было, и подойду к вам. Сбор в сухой балке: знаешь, супротив дуба?

— Знаю.

— От амбаров оврагом иди, чтоб не заметили. Понял?

— Кого учишь, дура!

— Знаю, ворон ловить не станешь, а все же остерегайся и Сеньке скажи.

Когда Хмырь исчез, у мельницы вскоре появился Федька Бякин. Он шел прихрамывая, опираясь на увесистую дубинку.

— Ты что, приболел, что ли? — спросил Залетаев, увидев Федьку с дрыном. — Заходи, Иван Тимофеевич наверх пошел.

Бякин зашел в машинное отделение.

— Нет, это я для маскараду, будто ногу повредил, — осклабился Федька. — Дело до тебя есть.

— Какое?

— Гудит у тебя тут, кричать, что ли?

— Это без привычки, говори нормально, я слышу.

Оглянувшись по сторонам, Федька начал пересказывать то, что услышал от Хмыря. Залетаев слушал с недоверием и без особого интереса.

— Приду, — сказал Сенька. — А если насвистел Хмырь, пусть тогда на себя обижается.

— Я эту дубину специально прихватил, — зло сказал Бякин, — и, если он, курослепый, разыграть нас надумал, убью!

— Хмырь разыгрывать не умеет, — возразил Сенька, — чокнулся он, вот что. Может, в желтый дом надо его, чуешь?.. Посмотрим там...

Красноватые лучи заходящего солнца скользили по медным листьям старого дуба, золотили толстую кору, а тень от него, перешагнув через балку, медленно ползла по дымчатой щетке степной полыни.

Ничто не нарушало безмолвия уходящего дня, и только внезапно налетевший с большой дороги ветерок, тронув красноватую мель листвы, сорвал с дуба десяток слабых, едва державшихся на ветках ржавых листьев и, убедившись, что основная масса держится крепко, успокоился.

Колька Хмырь спустился в овраг и, перейдя ручей, ужом прополз в сухую балку, где поджидали его Бякин и Залетаев.

— Погодите, я сейчас, — сказал Хмырь, как-то болезненно и жалко улыбнувшись и дико посмотрев на своих приятелей.

Он проворно пополз на животе вверх по балке, скрылся за кустами и вскоре, буквально в считанные минуты, вернулся с желтым кожаным портфелем.

— Вот, — щелкнув блестящими замками, сказал Колька, — глядите!

Федька Бякин ахнул от изумления, глаза его округлились, а горло будто веревкой перехватило, да так, что дышать стало трудно. Дрожащими руками Федька вытащил одну пачку червонцев, вторую, потом показались пачки зеленоватых четвертных, уложенные рядами, выбросил какие-то бумаги с печатями и, словно боясь, что несметное богатство может улететь от него, лег на выброшенные из портфеля деньги голым животом. Лежа так на деньгах, Федька как-то странно начал хихикать и мычать, а глаза его готовы были выскочить из орбит.

Заметив, что с Федькой творится что-то неладное, Залетаев тронул его за плечо, предложил:

— Пересчитаем?..

Быстро рассортировали на две кучи: двадцать пачек по тысяче рублей и десять пачек по две тысячи пятьсот в каждой. Россыпью лежали рубли, трояки, пятерки.

— По пятнадцать косых на рыло! — быстро сообразил Бякин. — А эту мелочовку сверх пятнадцати Хмырю, за находку. Портфель прячем здесь, деньги каждому за пазуху, даем бакенщику червонец — и на левый берег. За ночь доберемся до Балакова, а там решим...

— Я вот наволочку с подушки снял, — сказал Хмырь. — Деньги лучше в наволочку, вроде как горбушки хлеба несем. Складываем и давайте быстрее драпать! Чую я, засыплемся мы, братцы!.. Шум может начаться...

Хмырь начал бросать пачки денег в серую подушечную наволочку.

Залетаеву драпать не хотелось никуда. Ему нравилось в колонии, нравился дизель, на котором он работал с машинистом Ломако, любил он смотреть: как крутится огромный маховик и с быстротой юлы вращается шкив, на который надет широкий ремень, приводящий в движение тяжеленные жернова. А мука из рукава течет теплая, мягкая, будто живая! Из размолотого Сенькой зерна люди пекут вкусный-превкусный хлеб, запах которого не сравним ни с какими другими запахами! Нет, нет, зачем же сызнова начинать бродячую жизнь, когда еще немного — и Сенька станет машинистом, таким же, как Иван Ломако, да и сейчас хлеб из Сенькиной муки шкеты за обе щеки уплетают...

— Не успеем дойти до города, как нас накроют, — сказал Залетаев. И ему очень захотелось, чтобы накрыли

их сейчас же со всеми этими тысячами, лишь бы никуда отсюда не уходить. Но, как нарочно, никого рядом не было: ни Рассветова, ни Хромова, ни Кочергина.

— Куда же тогда? — спросил Хмырь, завязывая наволочку с деньгами.

— Никуда! — решительно сказал Залетаев.

— Как?.. — испуганно посмотрели на Залетаева Хмырь и Бякин.

— Так, никуда, — спокойно повторил Сенька. — Вы как хотите, а я из колонии не уйду. Надоело, братва, под лодками дрожать и в подвалах вшей кормить. Деньги размотаем, а потом что?.. Потом опять воровать, опять тюрьма, параша вонючая, а на тюремной баланде кишка кишке дулю кажет! Мутит даже, как вспомню, — не хочу! Предлагаю отнести деньги в канцелярию, а то прямо на квартиру Рассветову. Он на эти денежки всех пацанов оденет и обует, даже праздничные костюмы купит, а для столовки нашей сахару мешков десять, чтобы круглый год компот сладкий варили, вот и житуха полегчает! И потом: нам поверили и приняли нас как людей! Рассветов и Ломако последний кусок хлеба делили с нами, а мы... бежать?.. Не свиньи же мы?! Не согласен я! Дружбу за деньги не купишь!

— Ты что же, предать решил нас, гад?! — прошипел Бякин, и глаза его сверкнули страшным гневом. — Ты зачем шел сюда?.. За что бил меня на острове?!

— За то, что в глазах человека свиньями нас надумал выставить! — зло ответил Залетаев. — Вот, мол, погляди-те на этих гаденышей — они же без понятия; при них я увел ваш чемодан, а им хоть плюй в глаза!.. Давай соберем всех шкетов и потолкуем. Понял?.. А если нет — уходите без меня. Только завтра же или самое большее через неделю обоих вас доставят сюда под конвоем. Как только хватятся, что нет вас, тут же все меры примут, но поймают!

— Фраер ты, — с сожалением посмотрев на Залетаева, сказал Хмырь. — Мы думали — честный вор ты, а ты оказывается, пришел в пионеры нас агитировать?.. Поровну же деньги делим! Ты столько за всю свою жизнь не заработаешь!

— Честным захотел стать, падло?! — в бешенстве выкрикнул Федька. — С Сонькой любовь закрутил и откололся?..

Бякин и Хмырь вскочили на ноги, но Залетаев сидел

на земле, не шевелясь и не поднимая головы. Он решил твердо: из колонии он не уйдет и на прошлой своей жизни ставит крест! Сенька был спокоен еще и потому, что считал: Хмырь никуда без него не пойдет, а один Бякин — бесплен! Но Сенька ошибался. Деньги вскружили головы обоим. Хмырь и Бякин решили испытать «сладкую жизнь», наивно полагая, что достаточно иметь кучу денег, как перед ними раскроются все ее прелести.

Бякин подал знак Хмырю. Тот сел на корточки перед Залетаевым, сказал, щуря подслеповатые глаза:

— Брось, Залетка, дурака валять! Пойми: если мы отдадим эти деньги Рассветову, он вернет их нэпманам, нам ни копейки не достанется. Спрашиваем последний раз: пойдешь с нами или дружба врозь?

Залетаев молчал, обдумывая, как отговорить приятелей от глупого побега?..

— Не тяни резину, нас могут застукать тут! Говори начистоту: да или нет?

Семен не обратил внимания, что Бякин стоял за его спиной, опираясь на ту самую дубинку, с которой заходил к нему в машинное отделение. Губы у Федьки дергались, а лицо то бледнело, то вновь покрывалось розовыми пятнами...

— Нет, — решительно сказал Залетаев, — не пойду!

В ту же секунду, рассекая воздух, просвистела дубинка, Залетаев не успел закрыть голову руками, как Бякин ударил его сзади в затылок. Хмырь отчетливо слышал хруст пробитого черепа, а из раны цевкой брызнула кровь. Семен даже не охнул, повалившись на дно балки. Потускневшие глаза его остановились, зрачки расширились, голова, залитая кровью, свесилась над углублением промоины.

— Бей еще раз, — побелевшими губами прошептал Бякин и бросил дубинку в ноги Хмыря.

— Зачем? Он готов уже, не шевельнулся даже. Бежим!

Второпях похватали рассыпанные по земле деньги, которые Бякин определил Хмырю сверх пятнадцати тысяч за находку портфеля, рассовали их по карманам и, оставив портфель с документами рядом с неподвижным телом Семена Залетаева, бросились наутек.

Страшась совершенного преступления, они бежали по дну сухой балки, разрывая на себе одежду, царапая и раня руки и лицо о шиповник, ломая кусты лоха и ракит-

ника, бежали, не оглядываясь и не соображая, куда она ведет их, лишь бы поскорее и подальше уйти от страшного места.

Где-то далеко за Волгой погромыхивал припоздниашийся и, видно, последний этой осенью гром. Солнце не успело еще соскользнуть за гребень багряного леса, как небо над Волгой затянуло темно-лиловыми тучами, ветер крепчал, а с севера по прибрежному Заволжью надвигалась пыльная буря.

Через четверть часа Хмырь и Бякин вышли к широкому урочищу с корявыми дубами и старыми липами, с глубоченной котловиной, по дну которой проходила старая заброшенная дорога в ближайшее село на Волге Меровка.

Свернув влево, беглецы вскоре увидели одиноко стоявший на крутом берегу домик бакенщика. Осторожно заглянув в окно, Бякин в упор увидел жилистую шею, крутой затылок и мокрую на спине рубаху старика. Промокший до нитки бакенщик переодевался. Он только что вернулся с Волги. Волна била с такой силой, что даже самую тяжелую и устойчивую его лодку наверняка кидало, словно щепку.

Беглецы без стука вошли в избушку.

— А ну, старик, переправь нас на тот берег, — обратился Федька, — червонец дам.

— Ты что, мил человек, в своем уме? — ответил бакенщик, подозрительно оглядев вошедших. — Вишь, как штормит? — кивнул он лохматой головой в сторону окна, из которого была видна часть Волги. — В эдаку пору я и за четвертную не повезу. Волга, сынок, шутить не любит.

— А за сотню повезешь? — спросил Хмырь.

— Нет, — замотал черной с проседью бородой бакенщик. — Что вас приспичило? Обождите часок-другой, стихнет малость — тогда можно будет и переправить.

— Нам сейчас надо, дед! Давай лодку, мы сами переправимся.

— Утопните, кто за вас в ответе будет?

— Не твоя печаль, старик! — зло глянул на бакенщика Федька. — Сколь твоя лодка стоит?

— Сто целковых, — безбожно преувеличил цену бакенщик. — Десять червонцев, сынки.

— Получи! — бросил на стол деньги Федька. — Весла давай.

— Берите, вон в углу стоят, — сказал старик, пересчи-

тав деньги. — Вот и ключ вам. Возьмите крайнюю спра-
ва, лодка надежная.

— Только уговор, старик, ты нас не видел! Понял?.. За это ты и деньги с нас взял, а лодку свою на том бере-гу найдешь.

— Как хотите, — сказал бакенщик, — мне что... Не доберетесь, боюсь, — глядя в окно, предупредил он еще раз. — Шквал разыгрался! Перед ним удаль свою не по-казывай, умней будь.

— Утонем — свечку за нас поставь, дед! — засмеялся Федька. — Прощай.

— Прощевайте, — буркнул старик, закрывая за неж-данными гостями дверь. — И откуда у них такие деньги, у шаромыжек?.. — вынимая из кармана новенькие чер-вонцы, удивлялся он. — Надо же такие деньжищи ки-дать, а?..

Шквал разыгрался не на шутку. Волга ревела. Небо словно затянуло сплошь летящим серым войлоком, и вскоре обрушился ливень. Он шел полосой, захватив весь левый берег и стеной обрываясь на середине Волги.

Бакенщик, запрятав в тайник нечистые, как он пола-гал, деньги, шельмовато огляделся, словно опасаясь, не подглядел ли кто за ним, и, не выдержав, выскочил из лачуги, побежал к лодкам.

Зрение у старика было еще острое. Вглядываясь в седую пучину воли, он заметил, как на середине реки мотало из стороны в сторону одинокую лодчонку.

— Э-ге-ге-гей!.. — закричал изо всей мочи старик, не зная сам для чего. — Держи встречь волны!..

Старик видел лодку еще некоторое время, а потом на нее обрушился ливень. Косая стена дождя достигла правого берега и ушла к Меровке.

Бакенщик почему-то не торопился в свою избушку. Выйдя на кручу, откуда река просматривалась теперь довольно хорошо, мечущейся лодки на середине Волги он не увидел.

По оврагу широкого урочища мутная вода тащила в Волгу опавшие листья, щепу и разный мусор. Бакенщик постоял, прислушиваясь к шуму воды, поглядел на вол-ны, продолжавшие с силой обрушиваться на правый бе-рег, и, перекрестясь, сказал:

— Все под одним богом ходим... Кому на роду напи-сано утонуть, тот на печи не помрет, — философски за-

ключил старый волгарь, думая о ребятах, и, повернувшись широкой спиной к Волге, не торопясь пошел к своей избушке.

ГЛАВА ДВЕНАДЦАТАЯ

Приоткрыл Сенька Залетаев тяжелые, отекшие веки, ощутил резкую боль в затылке — понял, что жив.

С темного осеннего неба холодные звезды глядели прямо в лицо. Виделись они совсем рядом: подними руку и достанешь... Но рука не поднималась, силу, казалось, втянула в себя сырая от дождя земля.

Ураган, прошедший по Заволжью, захватил пеширокой полосой правый берег. Кое-где сорвал соломенные крыши домов и сараев, повалил стога сена и скирды соломы, сбил в садах остатки яблок, накатал в овраги жухлой листвы, на опушках леса вывернул с корнем слабо схватившиеся за землю молодые сосны и, разразившись над Волгой коротким ливнем, успокоился.

— Становись!.. — долетает до слуха Залетаева команда.

Через минуту все стихает, потом шум вновь усиливается, Семен слышит голоса, но, о чем говорят там, не разобрать. Он начинает соображать: «Пойдут искать беглецов... Сколько же прошло время?.. Не найдут сегодня, далеко ушли. Но что это? Лай овчарки? Откуда она?»

Идет ищейка оврагом по следу Хмыря, натягивая поводок и взвизгивая от нетерпения. «Сейчас найдут,— думает Залетаев. — Уже по балке идут...» Надо бы ему голос подать, а во рту пересохло, язык одубел, губы слиплись, запеклись кровью. Вместо слов Семен издает слабый хрип, болью отдающийся в голове.

Овчарка сначала беспокойно зарычала, потом залаяла, бросившись в кусты. Пучок света от карманного фонарика шарит по кустам и по дну балки, падает на землисто-серое окровавленное лицо Семена.

— Вот он, — прозвучал незнакомый Семену голос.— Берите!

Залетаев безразлично посмотрел на незнакомого чекиста в кожанке, закрыл глаза.

— Андрей Иванович!.. — сделав из ладоней рупор около рта, крикнул через овраг Хромов. — Залетаева нашли, весь в крови!..

Торопливо шлепают по воде босые ноги, шуршат по склону оврага комья обваливающейся глины, плюхаются в воду.

— А-а-а!.. — истерически кричит и всхлипывает Сонька Касаткина, повалившись на грудь Залетаеву.

— Чего воешь, дура?! — говорит Васька Шмыга. — Живой он, видишь, дышит.

Залетаев с трудом открывает глаза, смотрит на окруживших его людей. Сонька вцепилась в него руками, продолжает выть.

— Кто тебя, Залетка? — опустившись около Семена на колени, спрашивает Хромов.

— Хмырь с Бякиным, — хрипит Сенька. — Даже убить не сумели, гады...

— Из-за денег? — наклонившись к Залетаеву, спросил Рассветов.

— Нет. За то, что не пошел с ними из колонии.

— Куда направились они?

— Точно не знаю... Уговаривались переехать на левый берег, а потом идти в Балаково.

— Догоним, далеко уйти за это время не могли, если даже на ту сторону переправились,— говорит человек в кожаной куртке.— А портфель с бумагами все же сообразили не взять. Пускай Музгара по следу.

Собака берет след, ведет чекистов по дну балки, а потом через поле в урочище, петляет между деревьями и наконец приводит к домику бакенщика.

Залетаева несут на руках в интернат, и через четверть часа Рассветов и Хромов увозят его в сельскую больницу.

Врач Никита Данилович, вызванный с квартиры ночью, выстриг на затылке пострадавшего волосы, обработал рану, наложил швы и, бинтуя голову, спросил:

— Кто же тебя угостил так, парень?

— Приятели, — нехотя отозвался Залетаев.

— За что же?

— За девку, — соврал Сенька.

— Любовь, значит? — потрогал прокуренные усы Никита Данилович, насмешливо глядя на пострадавшего.

— Ага.

— Крепкая любовь, — улыбается врач.

— Крепче некуда, — качая головой, говорит сидящий здесь Рассветов.

— Вот так-то и меня в молодости, знаете, вздули за

барышню одну, но до такого зверства не дошло. А это что же, убить ведь могли!

— Постеснялись, видать? — в тон врачу сказал Хромов.

— Не очень далеко шагнули мы от дикарей-то, — сказал врач.

— Как чувствуешь себя, Сеня? — озабоченно спросил Андрей Иванович, глядя на забинтованную голову и бледное лицо Залетаева.

— Знобит что-то... немножко, — храбрится Сенька, хотя чувствует себя отвратительно.

— Ничего, молодой человек, сейчас согреешься, — говорит доктор. — Сделаем укол, а потом горячего чаю попьешь и полегчает. Но недельки две, а то и побольше, пожалуй, погостишь у нас. Хорошо, если воспаление не прицепится. Держись, жених!.. Серафима Николаевна, — обратился доктор к медсестре, — давайте противостолбнячный укол, крепкого чаю молодому человеку и потеплее укрыть. А чтоб хорошо пропотел, порошок аспирину и малинового варенья. Верное средство от простуды. Забирайте в палату.

Рассветов и Хромов извиняются перед доктором за беспокойство, благодарят за все и уезжают.

Убедившись, что в интернате спокойно и колонисты спят, Рассветов отправляется к себе на квартиру и по пути заглядывает в конюшню, где Хромов распрягает Сороку. Подойдя к двери, спрашивает:

— Кто дежурит?

— Я, Трапцеев, — держа в руке фонарь, вышел дежурный.

— Ты почему ночью работаешь, бригадир?

— Да я... подменил одного, Андрей Иванович, — замялся Трапцеев. — Ночью спать хотят пацаны, а я ничего, могу и не спать...

— Врать не умеешь, Степан, спать ночью хотят все. Кого подменил?

— Дружка подменил, Ваську Шмыгу, — пряча от Рассветова глаза, отвечает бригадир Трапцеев.

— Значит, Шмыга спать хочет, а Трапцеев не хочет? Понятно. Но чтобы это было последний раз. Пусть Шмыга свой хлеб сам зарабатывает, а не у Трапцеева на шее сидит! Уяснил, товарищ бригадир?

— Понял я, Андрей Иванович!

— А второй кто?

— Козел! — нахально ухмыляясь, выступил из темноты на свет второй дежурный.

— Какой же ты козел без бороды? — сдерживая раздражение, сказал Рассветов. — Козлушкин, насколько я помню?

— Гы-гы-гы!.. Он самый, гражданин начальник.

— Эх ты, «гражданин начальник»! — с горечью в душе произнес Рассветов, покачав головой. — Какой же я тебе начальник?.. Вожусь с вами, черт вас возьми, ночи караулю, чтоб друг другу головы не пробивали. И вот — не укараулил! Людьми себя не чувствуете, не уважаете ни себя, ни других! «Козел»! Не имя, а кличка поганая! Вроде козла отпущения служишь?.. Нехорошо, колонист Козлушкин! Человек же ты!

— Да это я так, Андрей Иванович, в шутку, — скалил зубы колонист.

— Время для шуток не совсем подходящее выбрал! Слышал, что произошло сегодня?

— Краем уха слыхал.

— Видишь, как жить с вами?.. Бросить бы все и уехать от вас к чертовой матери!.. Ты, наверное, думаешь, что я для себя стараюсь, жалованье большое получаю? А я рубля на папиросы не имею. Некоторые чудаком меня считают: зачем, говорят, тебе морока такая?.. Вот ты дежуришь сегодня, а навоз, скажем, не уберешь, животных не накормишь и не напоишь, они болеть начнут, а то и подыхать. Кто виноват?.. Завелующий, конечно! Не сумел организовать, не проверил, как колонисты Козлушкин и Траицеев дежурство несут и прочее, — судить его надо! Вот тебе и «начальник»!..

— Вы не думайте, Андрей Иванович, все будет в ажуре, как надо! — не выдержал Траицеев, метнув строгий взгляд в сторону напарника. — А ну, извинись, Козел!

Но Рассветов махнул рукой:

— Извинений мне не надо, я не барышня. Хочу, чтоб вы поняли: порядок в своем доме вы обязаны наводить сами! У меня и без ваших фокусов голова болит. Одежду и обувь получили, а через считанные дни ботинки у некоторых уже уплыли! Куда?.. На папиросы, на табачок, на сладости. Обертки от «Раковых шеек» я даже в коровнике видел! Пятая годовщина Советской власти приближается, а в чем я ребят на митинг поведу? Разутых, что ли?

— А шкетам не привыкать, Андрей Иванович, они

могут и так, в маминых штиблетах! — сказал Трапцеев, полагая, что поддерживает заведующего.

— Ну, это ты брось, «в маминых». Митинг, понимаешь, событие важное! — сердито возразил Рассветов. — Смотри, товарищ Трапцеев, чтоб было все в полном порядке, я надеюсь на тебя. Спокойной ночи,— попрощался он.

Рассветов и Хромов молча дошли до конца изгороди, откуда прямая дорога вела к учебному корпусу, где угловую комнату занимал Андрей Иванович. Остановившись, Рассветов спросил:

— Как ты думаешь, Владимир, Козлушкин искренний человек?

— Какой он человек, Андрей Иванович! — рассмеялся Хромов. — Козел — шестерка у Васьки-Дворянина! А то, что он говорил, будто у самих себя только крысы тащат, так это для отвода глаз.

— Какие еще крысы? — не понял Рассветов.

— Воришек, которые крадут в своем доме или у своих же товарищей, крысами называют,— пояснил Хромов.

— О «честных ворах», «шестерках», а теперь вот о «крысах» я здесь не первый раз слышу.

— Так промеж себя воры толкуют.

— Это, знаешь, самая низкопробная философия «дна»! А я вот видел в Москве пьесу, где шулер рассуждает о жизни с большим смыслом. «Сделай так, — говорит он,— чтобы работа была мне приятной, я, может быть, буду работать...» Понимаешь?.. Работа должна доставлять радость человеку! Вот мы и сделали: работай на себя, жизнь строй, какую тебе надо, чего еще приятнее?! Ан нет, такие, как Зюзя, Мымрин, Бякин, Хмырь, они и на себя работать не хотят, бродягами думают век прожить, на воровстве! И воровство это считают специальностью и не стыдятся!.. Видишь, как получается?.. Степану Трапцеву, по-твоему, можно верить?

— Трапцеев умеет слово держать, но зажал их всех Васька Шмыга. Дворянин только мигнет, как они на задних лапках перед ним, как собачки. Сегодня не захотел Васька в ночь идти — бригадир пошел.

— Странно! Трапцеев же здоровый парень!

— Здоровый, но духу не имеет, а Васька — духарик,— на воровском жаргоне объяснил Хромов.— Шмыга — парень с головой!

—И музыкант, и на вид приличный парень, но... кто ботинки крадет.

—Никто.

—Как?.. Пропадают же?

—Пацаны барыгам сбывают, а деньги у них Васька-Дворянин приходует.

—Какие еще барыги?

—Есть такие людишки в совхозе — скупщики барахла! Ботинки пять рублей стоят, а барыге они за полтинник достаются.

—Понятно. Пойдем отдыхать, Володя. Хоть бы успеть с часок. Спокойной ночи тебе.

После бури наконец-то наступило затишье. Луна запуталась и затерялась где-то в толще серых туч, только иногда вырвется, блеснет свет одинокой звезды над Волгой — и опять темь. Величественно дремлют черные тополя, спит затон, темной громадой стоит «Шквал», напоминая мертвое чудовище.

Уставший, опустив голову, Андрей Иванович шагает в свою холостяцкую комнатушку. Заходит в квартиру и, не раздеваясь, валится на диван. Усталость такая, что, кажется, он уже не в состоянии подняться. Думать ни о чем не хочется, но от назойливых мыслей никуда не денешься... Закрыв глаза, Рассветов отчетливо видит ухмыляющегося, оскаляющегося кривозубого Бякина, тощего Хмыря, а потом забинтованную голову Семена Залетаева. Потом ему начинает мерещиться пристань: с парохода скатывается ватага оборванных пацанов и впереди всех, приседая на коротенькие ножки и становясь на четвереньки, лает и рычит Зюзя...

Сколько так проходит времени, Рассветов не знает, сон одолевает его. Уже сквозь дрему он слышит шаркание ног за окном и приглушенный разговор. Шаги приближаются к двери, а открыть глаза он не может.

Осторожный стук в дверь...

—Кто?

—Решетилов.

—Открыто, заходите.

Рассветов тяжело поднимается, зажигает керосиновую лампу.

Двое уставших, выпачканных в грязи сотрудников уголовного розыска заходят в комнату, овчарка ложится

у порога. Хозяин наливает воду в умывальник, прикрепленный на деревянной стойке в углу, приглашает гостей мыть руки и садиться к столу, предлагает хлеб, молоко, сливочное масло, остывшую картошку в мундире.

Решетилов кладет желтый портфель на диван, садится за стол. Собаковод Потехин что-то достает из своей кожаной сумки, готовит еду Музгару. Стула в комнате два, хозяин садится на кровать.

— Да брось ты с собачьей слой возиться, садись кушать, — зовет собаковода Решетилов.

— Не могу есть, товарищ начальник, когда собака смотрит голодными глазами, — отвечает Потехин.

— Все правильно, — одобряет Рассветов, — иначе какой же он собаковод...

— Нарушили мы ваш сон, Андрей Иванович, — говорит Решетилов.

— Хорошо, что разбудили, — разливая молоко по стаканам, отвечает Рассветов, — кошмары какие-то снились.

— Плохие вести, Андрей Иванович. Бакенщик утверждает, что два подростка самовольно угнали у него лодку во время штурма и, пытаясь переправиться на левый берег, видимо, утонули: исчезли под водой у него на глазах! Примерно такие же показания дали служащие пристани. Трое подтвердили, что бакенщик кричал и грозил им, но они не послушались. Деньги из этого портфеля, в сумме пятьдесят тысяч рублей, беглецы унесли с собой.

— Деньги эти у пиманов не последние, ребят жалко! — встал с места и начал ходить по комнате Рассветов. — Пацаны ведь...

— Пацаны, а совершили такое преступление! В шестнадцать лет — это уже не пацаны, товарищ Рассветов. Напрасно так переживаете, не долго бы они у вас продержались, даже не будь этого случая с деньгами, — сердито сказал Решетилов.

— А все же мы с вами несем за них прямую ответственность! — возразил Рассветов.

— Эх, дорогой Андрей Иванович, слишком чувствительный вы человек! Меня ваши малолетки в гроб вгонят! То, что они творят, взрослому и во сне не приснится! — сказал Решетилов, запивая хлеб молоком. — Как чувствует себя Залетаев?

— Храбрится, но, видать, плохо ему. Сочинил для доктора легенду, что ударили его за девчонку.

—Неглупый парень, видать? Когда можно допросить его?

—Повременить бы надо, может быть, что-то о беглецах узнаем?..

—Нет, ждать мы не можем. Хотя деньги и нэпмановские, а искать их надо. Может быть, утром доктор разрешит допросить Залетаева.

Подсевший к столу Потехин принялся за свой ужин.

—Утром так утром, — согласился Рассветов. — Вы кушайте, товарищ Потехин, а мы будем устраиваться на ночлег.

—Мне какую-нибудь дерюжку да одеяло, если имеется, я на полу, — сказал собаковод.

—Дерюжек не держим, считаем ниже своего достоинства, — пошутил хозяин квартиры, пытаясь развеять грустные мысли. — Вот вам два одеяла и простыни, а вашему начальству отдаем диван: люди мы военные и обязаны соблюдать субординацию.

—А мы ее и соблюдаем, Андрей Иванович, — поддержал шутку Решетилов. — Учитывая, что вы все-таки комиссар полка, мы даже кровать с соломенным матрасом не отняли у вас! С секретаря укома Страдымова пример берете, товарищ заведующий колонией? — хохотнул Решетилов.

—Нет, я не сторонник спартанского воспитания, но по моей холостяцкой жизни и соломенный матрац сойдет, — ответил Рассветов.

Потехин, устроившись на полу, сказал:

—Дверь на ключ не закрывайте, Андрей Иванович, сторож надежный. Музгар, охранять!

Овчарка, аккуратно положив голову на передние лапы, навострила уши.

Рассветов, потушив лампу, долго лежал с закрытыми глазами, пытаясь уснуть, но прерванный сон не шел. Он думал о совершенном Бякиным и Хмырем преступлении, ожесточаясь против них, но никак не хотел верить, что они погибли. Тревожило его и загадочное исчезновение из колонии Лени Бреднева, он опасался, что пацан пропадет совсем. Где он сейчас, бедолага?.. А вся эта компания Шмыги, Хвостиков и доморощенный парикмахер Сотонкин на что способны?.. Они не верят, что Владимир Хромов оставил воровской мир навсегда, надеются войти с ним в сговор и завести в колонии свои неписаные порядки. Не сорвется ли Хромов?.. Ясно пока

одно, что ушел он после долгой и мучительной борьбы с самим собой. На мелочи не разменивается, и это, пожалуй, гарантия, что будет держаться. Но Хромов один, а их сколько?.. «Шмыга знал Хромова по Саратову как знаменитого вора с кличкой Малютка, а я оставил его в колонии на должности заместителя заведующего хозяйством по трудовому использованию колонистов! Парадокс?! Да, разумеется, и какой же! Рассказать об этом факте ученым-педологам — придут в замешательство или сочтут меня сумасшедшим! А я верю ему! Интуиция подсказывает: назад хода у него нет!.. А другого такого помощника не найдешь...»

С этими тревожными мыслями Рассветов и засыпает.

ГЛАВА ТРИНАДЦАТАЯ

В канцелярии колонии сидел человек и разговаривал со счетоводом Кочергиным. Стрелки стенных часов, оставшихся еще от управляющего имением, показывали девять. Рассветов, проходя за свой стол, поздоровался с незнакомцем.

— Андрей Иванович, к вам товарищ, — сказал счетовод.

— Я слушаю вас.

— Андрей Иванович! — воскликнул посетитель, поднимаясь с дивана. — Не узнаете?

— Извините, но что-то не припомню? — ответил Рассветов, вглядываясь в красивое лицо посетителя.

По ладно сидящему на нем серому костюму, по хорошо завязанному галстуку, по модным туфлям и по манере непринужденно и с достоинством держаться Рассветов тут же определил, что человек этот нездешний и, видимо, прибыл в Алексеевку по делам.

— А мы с вами встречались, — улыбаясь, сказал посетитель. — Звездин, Трофим Титыч!

— Ну, знаете ли?! — развел руками Рассветов, вставая из-за стола и подходя к Звездину. — Бывает метаморфоза, но не до такой степени! Да вы, оказывается, совсем молодой человек, Трофим Титыч!

— Морщины не в счет, лишь бы душой не стареть, — сказал Звездин.

— Вот, оказывается, как изменяет внешность борода! Оттого и не узнал вас! Вы же сказали, что вам сорок с хвостиком, а сейчас, глядя на вас, и тридцати не

дашь, — улыбаясь, говорил Рассветов, жестом приглашая Звездина садиться. — Пришли вы очень кстати! Дайте согласие на работу у нас?

— Долго раздумывал и вот решился навестить вас...

Звездин протянул Рассветову зачетную книжку.

— Окончили два курса филологического факультета? — спросил Рассветов.

— Почти три. А окончить университет глупость помешала!

— Что вы имеете в виду?

— Любовь! — сказал Звездин, широко улыбаясь и показывая красивые зубы.

— Очень верное определение, — оторвавшись от бумаг, сказал счетовод Кочергин. — Когда влюбляется даже умный мужчина, сразу глупеет, а иногда и совсем теряет голову! Удивительное дело: взрослый человек — и вдруг начинает молоть всякий вздор, как мальчишка!..

В канцелярию вошли супруги Заботины, Извековы и Щеглова, поздоровались. Рассветов встал со стула и, обращаясь к вошедшим, сказал:

— Разрешите представить: наш учитель языка и литературы Трофим Титович Звездин, знакомьтесь.

Рассветов назвал Звездину всех учителей, предложил садиться.

— Я надеюсь, — продолжал Андрей Иванович, — за эти дни вы достаточно осмотрелись, и какое же ваше впечатление?

— Мне здесь нравится, — ответила первой Щеглова, взмахнув длинными подчерненными ресницами.

— Очень рад, — сказал Андрей Иванович. — Значит, я не обманул ваших надежд. Помните разговор в кабинете Скукина?

— Да. Я поняла, что он не очень хорошо относится к колонии.

— Не хотите сказать прямо? — улыбнулся Рассветов. — Колония для Скукина — бельмо на глазу, хотя никаких забот о нас он не проявляет. И если учителя побегут из колонии, то Павел Поликарпович будет доволен своим пророчеством. Надеюсь, такого удовольствия мы ему не доставим. А? Вы что скажете, Прасковья Ивановна? — обратился Рассветов к Заботиной.

— Мы с Федором Алексеевичем не убежим, Андрей Иванович, — ответила Заботина. — Я привыкла к Черемшанам, но здесь не хуже.

— Спасибо, — удовлетворенно кивнув головой, сказал Рассветов.

А Извекова вскинула тонкие брови и, улыбнувшись ярко очерченным ртом, заметила:

— Даже Швейцария покажется некрасивой, если сойдутся скучные люди.

Рассветов сразу понял, о какой «скуке» намекнула Извекова, и, прибегнув к такой же нехитрой дипломатии, он сказал:

— Уверяю вас, никому из присутствующих здесь скука не угрожает! Народ у нас настолько веселый, что ежедневно приходится ломать голову, как бы поубавить эту веселость?.. А вы были в Швейцарии?

— Была. Мой родной дядя, заменивший мне покойного отца, дал за мной приличное приданое, и мы с моим супругом, Сергеем Александровичем, отправились в эту изумительную страну в свадебное путешествие. Мы довольно долго не могли оттуда выехать, и, надо признаться, это были самые лучшие годы в моей жизни!

Извеков поморщился от столь пространного и неуместного объяснения жены, но, как всегда, сохраняя приличие, промолчал.

— С тех пор, видимо, у вас и зародилась страсть к географии? — улыбчиво спросил Рассветов.

— Да, пожалуй. Но до этого я занималась картографией.

— Алексеевка по своим красотам, конечно, не Швейцария, но Россию, Волгу-матушку русский человек ни на какие Швейцарии не променяет. Помните, как у Некрасова?

— Этого нельзя не помнить, Андрей Иванович! — ответил Звездин, тряхнув пышной шевелюрой темных, слегка подсеребренных на висках волос, решивший, что вопрос адресован именно ему, как литератору. — Разрешите? — Трофим Титыч приподнялся с места.

— Пожалуйста, Трофим Титыч! — несколько удивился такой непринужденности Андрей Иванович, видимо позабыв, что перед ним все-таки актер, а не школьный учитель.

Звездин встал сбоку дивана и, сделав широкий театральный жест рукой, вдохновенно начал:

О Волга!.. Колыбель моя!
Любил ли кто тебя, как я?

Трофим Титыч улыбнулся красивой улыбкой и замолчал, глядя на Елену Николаевну, определив в ней самого благодарного слушателя.

— Прочтите, пожалуйста, все стихотворение, — попросила Щеглова, вспыхнув лицом и опуская глаза.

— Если хотите, с удовольствием, — ответил Звездин, улыбаясь и глядя на учительницу.

— Просим, просим! — поддержали просьбу Щегловой Ирина Васильевна и Прасковья Ивановна.

Звездин, одернув полы пиджака и глядя через окно куда-то вдаль, начал читать. Учителя приятно были удивлены, с каким незаурядным мастерством Трофим Титыч умел выделить отдельное слово или целую строку стиха, вкладывая в них столько душевного волнения и теплоты, что у Леночки Щегловой, наивной и чувствительной слушательницы, на глазах показались слезы. Она уже не смотрела на Звездина и только слушала его чарующий голос. Стояла такая тишина, что Леночка услышала удары собственного сердца, и ей показалось, что все осуждающе смотрят на нее, а Трофим Титыч снисходительно улыбается.

Чтение Звездина взволновало не только Щеглову, но и Рассветова. Будто наяву увидел он и бородатые изнуренные и измученные лица бурлаков, и просоленную, слинявшую от пота и солнца их одежду, и потертые лямки, врезавшиеся в полуголые изможденные тела, натянутую бечеву и огромную баржу с пьяной рожей хозяина-погонщика...

— Удивительно! — на выдохе произнес Рассветов, нарушив напряженную тишину кабинета-канцелярии. — Простите мое невежество, но я никогда не подозревал, что стихи способны вызвать столько чувств и трепета души! Спасибо, Трофим Титыч! Вы меня растрогали.

— Прекрасно, прекрасно! — захлопала в ладоши Ирина Васильевна, восторженно глядя на Звездина. — Вы — настоящий артист!

— Благодарю за комплимент, — с печальной улыбкой ответил Звездин.

— Прочитано с чувством, — благосклонно отнесся к чтению Извеков.

— А я бы сказала — талантливо! — высказалась Заботина. — Ты что молчишь, Федор Алексеевич? — обратилась она к мужу. — Голоса, что ль, лишен?

— Да что я? — вытаскивая из кармана пиджака клет-

чатый платок и прикладывая его к вспотевшей розовой лысине, отвечал агроном Заботин. — В театрах я не бывал, не слышал, как артисты декламируют, а спеца сразу видать! Одобряю, Трофим Титыч!

— Вселяете надежду, Федор Алексеевич, спасибо, — сказал Звездин.

Минуту-другую все молчали.

Рассветов, внимательно глядя на своих коллег и собравшись с мыслями, спросил:

— Вы обратили внимание: вчера речники начали капитальный ремонт буксирного парохода «Шквал»?

— Да-да, конечно! — первым отозвался Извеков. — И как только такую громаду на стапель подняли?.. Понимаю, что с помощью блоков, но... уму непостижимо!

— Вот с этого и нам надо начинать — с капитального ремонта! — сказал Рассветов. — Но наша задача гораздо сложнее, чем у судоремонтников. Пароход — сооружение сложное, но бездушное, и отремонтируют они его за несколько месяцев. Нам же на капитальный ремонт душ наших воспитанников потребуется не один год! Многие из них трудные, с испорченными характерами, но не безнадежные! Вот и давайте начнем поиск в этих душах крупиц добра... А крупицы такие есть у каждого. Я не сомневаюсь. В этом, к сожалению, мое главное разногласие с нашим наробразом и его заведующим Скукиным. Они огульно считают всех наших воспитанников дефективными, а проще говоря, неполноценными. Обиднее всего то, что, не утруждая себя видеть их, наблюдать и знакомиться с этими ребятами, они официально сообщают в губнаробраз: дефективных столько-то! Ну, знаете ли, это уж ни в какие ворота не лезет!.. Я возмущен!

В этот момент, распахнув дверь кабинета-канцелярии, появился Владимир Хромов и прямо с порога объявил:

— Андрей Иванович, шкеты прибыли на экзекуцию!

Заметив на себе недоуменные взгляды учителей, Володька попытался побыстрее ускользнуть за дверь, но Рассветов остановил его:

— Постой, постой, заходи!

Тот, прикрыв дверь, остановился.

— Кто и куда прибыл? — сдерживая смех, весело спросил заведующий. — Что-то я не совсем понял тебя, Владимир?

— Все шкеты, кроме дежурных, прибыли на экзеку-

цию, Андрей Иванович! — ничуть не смутившись, повторил Хромов. — Вы же велели...

Учительницы, не выдержав, рассмеялись. Хромов, глядя на них, заулыбался.

— Мы же договорились, товарищ Хромов, шкетов больше нет, а есть воспитанники детской сельскохозяйственной колонии имени Джона Рида! Это, во-первых. Во-вторых, ты знаешь, что такое экзекуция?

— А что, разве не так? — удивился Володька.

Тут уж не выдержал и Рассветов.

— Конечно не так, — сквозь смех ответил он. — Экзамен и экзекуция — совершенно разные вещи. Кто подбросил тебе такое словечко?

— Васька-Дворянин, Шмыга то есть, — неожиданно покраснел Хромов, догадавшись, что Шмыга сыграл с ним злую шутку.

— Запомни сам и Шмыге объясни: экзекуция — это телесное наказание, а экзамен — определение знаний. Разница?.. Выстраивай ребят, сейчас мы идем.

— Ну, держись, Дворянин, я сейчас растолкую ему, дешевка! — рассмеялся Хромов, исчезая за дверью.

— Списки по классам подготовлены, Петр Гаврилович? — обратился Рассветов к счетоводу.

— Общими усилиями составили, но, как сами понимаете, сведения, кто сколько классов окончил, записали со слов, — ответил Кочергин.

— Это ничего, месяца за два классы определятся сами по себе, — сказал Андрей Иванович. — Основы сельского хозяйства вводим как обязательный предмет во всех классах. Так, Федор Алексеевич? — обратился он к Заботину.

— Конечно, возраст у ребят приблизительно одинаковый, всем им придется работать в поле, в саду, на огороде, кормить и ухаживать за животными. Везде нужны знания. Колония наша сельскохозяйственная, а у большинства ребят о сельском хозяйстве понятия совершенно невежественные.

— Против изучения основ сельского хозяйства нет возражений?

— Думаю, что это правильно, — сказал Извеков, назначенный Рассветовым заместителем по учебной работе. — Тем более что со временем мы, видимо, будем готовить агротехников?.. Если, разумеется, утвердят нам эти программы. А если не утвердят?..

— Мы исходим из нашей необходимости, надо все обосновать! — ответил Рассветов. — Составляйте программу, Федор Алексеевич, рассмотрим и утвердим ее на педсовете. У вас что, Петр Гаврилович?

— Да вот о знакомстве колонистов с бухгалтерским учетом? Надо ли?

— Надо, уважаемый Петр Гаврилович, очень даже необходимо! В хорошем крестьянском хозяйстве и то учет ведется, а нам без этого никак нельзя! Готовы к преподаванию этого предмета?

— Ну что ж, попробую, — согласился Кочергин.

— Так. Теперь о проверке знаний воспитанников. Вам слово, Сергей Александрович.

— На сегодня я подготовил проверочные работы по арифметике для второго, третьего и четвертого классов. Посмотрите, не очень трудные?

— Примеры хорошие, — просмотрев свой листок, сказал Рассветов, — а задача для четвертого класса, пожалуй, трудноватая.

— Возможно. Для ориентировки же, Андрей Иванович? — сказал Извеков.

— Да, конечно! Других замечаний нет?..

Кочергин выдал учителям бумагу, карандаши, вручил списки колонистов по классам.

В каждый класс пошли два учителя: экзаменатор и помощник.

— Да благословен будет этот день и час! — ободряюще сказал Рассветов. — С началом первого учебного года, товарищи! Успехов вам!

Из дневника Елены Щегловой

1 ноября, среда.

Первого класса в колонии нет, и мне поручили самый младший — второй; но я все равно боюсь! А вдруг они не захотят слушать меня?.. И вот что я придумала: на первом уроке я прочитаю им сказку про сына орла, отвергнутого людьми, про Ларру. После чтения попробую вовлечь ребят в беседу. Интересно, как они объяснят: почему Ларра стал несчастным человеком? За что он был отвергнут племенем людей? Есть ли такие люди, как Ларра, в наше время?..

2 ноября, четверг.

Когда я рассказал
ных мною вчера уро
готом сказал: «Мол
вшим ученикам. Эт
нравился. Поздравля
на такую незаслужен
было выпрыгнуть от
гей Иванович, вы вс
стараться, чтобы не
все поняли!

4 ноября, суббота

Состоялся обме
в школе. На собств
редь, конечно, под
шей Рассветова ре
граммы обучения кол
белы в знаниях мат
чие от других шко
предметов по сель
это решение педсо
в губнаробразе, ку
вечером на пароход

После педсовета
пойти с ним в боль
стью согласилась.
долог для разгово
Почему взбрело м
По пути в больниц
ках в нашем сам
командуем, чем р
ность бригадиров
ущемляя самолюб
Андрея Иванович
В этот момент ме
«А понимать друг
надо учиться?..» Н
быть, как женщи
я вижу, что прав
объяснения со мы
эту тему. Не мог
навязаться сама?
моя мамочка!..

2 ноября, четверг.

Когда я рассказала Андрею Ивановичу о проведенных мною вчера уроках, он, слушая меня, улыбался, а потом сказал: «Молодец! Я знал, что вы понравитесь вашим ученикам. Это очень важно, чтобы учитель понравился. Поздравляю вас!» Не помню, что я ответила на такую незаслуженную похвалу, но сердце мое готово было выпрыгнуть от радости! Спасибо вам, милый Андрей Иванович, вы вселяете в меня уверенность, и я буду стараться, чтобы не огорчать вас. А ребята — молодцы: все поняли!

4 ноября, суббота.

Состоялся обмен мнениями о первых днях занятий в школе. На собственный риск и страх, а в первую очередь, конечно, под ответственность заведующего колонией Рассветова решили составить специальные программы обучения колонистов, учитывая значительные пробелы в знаниях математики и русского языка, и, в отличие от других школ, ввести преподавание специальных предметов по сельскому хозяйству и счетоводству. Но это решение педсовета Рассветову предстоит отстоять в губнаробразе, куда он намеревается выехать завтра вечером на пароходе.

После педсовета Андрей Иванович предложил мне пойти с ним в больницу навестить Залетаева. Я с радостью согласилась. Мне показалось, что он нашел предлог для разговора со мной наедине, но я ошиблась. Почему взбрело мне это в голову, я и сама не знаю?.. По пути в больницу мы говорили об уроках, о недостатках в нашем самоуправлении, о том, что мы больше командуем, чем руководим, и что направлять деятельность бригадиров и звеньевых надо очень тактично, не ущемляя самолюбия ребят. Этому такту, по мнению Андрея Ивановича, всем нам необходимо учиться! В этот момент меня буквально подмывало спросить: «А понимать друг друга взрослым молодым людям тоже надо учиться?..» Но я не решилась, струсила! Может быть, как женщина, я не интересую его?.. Нет, нет, я вижу, что нравлюсь ему. Что же сдерживает его от объяснения со мной?.. Он даже не пытается говорить на эту тему. Не могу же, в конце концов, пойти к нему и навязаться сама?.. Не дай бог, чтоб прочла эти строчки моя мамочка!.. «Ай-ай-ай! — в ужасе воскликнула бы

она, схватившись за голову. — Какие у тебя гадкие мысли!..» А почему гадкие? Самые житейские, человеческие! Мне Андрей Иванович очень нравится, но, к сожалению, этого недостаточно, моя дорогая мамочка, чтобы быть счастливой!

Сеня Залетаев обрадовался нашему приходу. Он произвел на меня хорошее впечатление: лицо одухотворенное, в темных и живых глазах горят огоньки, держится по-мужски. Часто навещает его машинист Ломако, так что Сеня в курсе всех событий жизни колонии. А выпишут его из больницы не скоро: прицепился, как говорит доктор Никита Данилович, бронхит, дающий повышенную температуру. К счастью, рана на голове зажила, швы сняли. Держись, Сеня!

5 ноября, воскресенье.

Сегодня, в шесть часов вечера, я и Трофим Титыч Звездин проводили Андрея Ивановича в Саратов. Билет у него первого класса, с верхней палубы он и помахал нам рукой.

Выводить колонистов на демонстрацию в честь пятой годовщины Октября нам не разрешили. Алексеевский волисполком сказал Расветову: «Пока воздержимся! Покажете себя с хорошей стороны — на Первое мая будет видно, подумаем». Уехал он расстроенным.

ГЛАВА ЧЕТЫРНАДЦАТАЯ

Вот оно короткое человеческое счастье: один сын виснет на коленке, второй обхватил ручонками шею отца, заглядывает светлыми глазенками в родное лицо, стараясь поймать теплый и тревожный отцовский взгляд, и, перебивая друг дружку, они хотят выложить ему все сразу, но все сразу почему-то не скажешь, и отец не знает, кого из них слушать. Он отвечает им что-то невпопад, волнуется, гладит их по непослушным вихрам огрубевшими ладонями, смеется вместе с ними, рассказывая совсем не смешные истории из военной жизни, которым раньше, может, не придавал никакого значения, и рассказывает он их только потому, что от радостного волнения ничего другое не пришло на память. Но Мишке и Илюшке все интересно, все кажется необыкновенным и героическим, как и он сам — их отец, вернувшийся с войны.

Вся семья рада его возвращению. Ничего им сейчас не надо, лишь бы он, родной, самый близкий им человек, сидел вот так на лавке, рассказывал, как рубился с беляками, как слушал великого вождя Ленина. И эти минуты нежданной встречи с отцом, минуты короткой радости и счастья остаются в памяти на всю жизнь и повторяются потом в снах...

С пылающим и необыкновенно счастливым лицом стоит у печки мать, бесцельно теребя рушник, а ноги ее не могут сдвинуться с места, будто одубели. Темно-синие глаза, вспыхнувшие сегодня яркими искорками, заигравшие каким-то внутренним светом, глядят на мужа с нерастраченной любовью, и кажется, что она вот-вот разрыдается от переполнивших душу чувств, непередаваемой радости и материнского счастья видеть, как липнут к отцу сыновья и как он большими сильными руками прижимает их к себе, любовно треплет по спинам...

— Ну, как вы тут, родные мои, без меня-то? Как жили? — спрашивает Фома, виновато глядя на жену и на ребятишек.

— Хорошо жили, — отвечает за всех старший сын Мишка. — В голодный год мы с дедом рыбу ловили, а когда он помер, лебеду толкли на лепешки, а рыбу я уже один ловил.

— Гордись, мать, настоящий мужчина растет! — похвалил отец, а самого будто ножом по сердцу полоснули. — Это не барчук какой-нибудь, а Копырин!

— А Илюшка нынешней зимой чуть было в проруби не утоп, да его дядя Евдоким хромой вытащил, а не то совсем бы под лед ушел.

— А вот и не ушел бы под лед, — возражает Илюшка. — Я изо всех сил держался.

— Это ты, сынок, правильно поступил: за жизнь надо изо всех сил держаться, иначе пропадешь! Только вот в прорубь попадать не надо.

— Будет вам на отце-то виснуть, — несердито говорит мать. — Устал он с дороги-то. Давайте ужинать, пока светло да пока народ не набежал с расспросами разными.

Она стелет на стол льняную скатерть, словно специально припасенную для такого случая, ставит большую чашку затирухи, приготовленную на молоке, кладет каждому по ломтику ржаного хлеба, суетится, волнуется.

Мишка с Илюшкой не отходят от отца ни на шаг,

садятся за стол, как заправские мужики, вооружаются деревянными ложками, намереваются хлебать затируху из одной чашки с ним, но мать хочет налить им отдельно.

— Пусть со мной едят, — говорит Фома, сажая Илюшку к себе на колено. — Садись и ты, мать, будя тебе суетиться-то: ноги-то, вижу, не слушаются?

— Будто не мои, как нарочно, — признается Анна, непрошеная слеза набегает на ресницы и долго дрожит, словно боясь упасть и разбиться о выскобленный дожелта пол.

Анна садится на лавку и, подперев подбородок рукой, смотрит на Фому. Тот дует в деревянную ложку, остужая затируху, кормит Илюшку, словно совсем маленького, хотя ему уже четвертый год.

— Балуешь ты его, отец, — говорит Анна, но в словах ее нет и тени упрека. — Чай, он теперь большой, сам кушает.

Старший сын ест степенно, не торопясь: ложку отец, ложку Мишка. Прожует, как и полагается, и глядит: как только отец зачерпнет ложку затирухи, следом за ним и Мишка зачерпнет, никак не раньше.

После ужина Фома вынимает из мешка свертки, бережно разворачивает их.

— Это тебе, Аннота. Не знаю, угодил али нет, на свой вкус брал: вот шаль, отрез шерстяной на платье и обувка. — Вместе со всеми вещами Фома передает жене высокие светло-коричневые ботинки со шнурками. — В таких теперь только московские щеголихи ходят.

— Спасибо, Фома Ефимыч, — говорит Анна, принимая дорогие для ее сердца подарки от мужа. — Дай бог тебе доброго здоровья.

— А это тебе, Миша, обмундировка, как будущему бойцу Красной Армии: сапоги с подковками, брюки, гимнастерка, ремень.

— Спасибо, тятя! — Глаза сына сияют радостью.

— Ты, мать, иди принарядись, а мы тут с Илюшей оденемся, — говорит Фома. — Давай-ка, сынок, ногу, ботинки будем мерить...

Анна уходит в горницу.

Походив в новом обмундировании по комнате, Мишка незаметно шмыгнул за дверь и, сверкая медными подковками каблуков, пулей полетел на берег Волги, где на крутом обрыве собирается под вечер ватага ребят.

Навстречу Ми
сосед Костин, по-ул
широкоплеч. Повст
ется остановить его
Евдоким идет к от
всей мочи:
— Тятя приехал
Войдя в избу, С
поздоровался:
— Здорово, слу
мыч, а тебя, Анна
— Здравствуй,
одними глазами и
— Как погляжу
дешь, ежели не х
тать?
— Оплошал. По
— То-то же...
Костин подходи
вались.
— Садись, госте
— Мне только
прибыл! Да сразу
Бросил работу — и
ся? Как воевал? К
— Новостей м
чер всего не перес
про завод. Кто упр
— Ты не повер
сделался Сидорка
— Буржуйский
Фома. — Куда же
жету! Ну и дела!..
— В партию
словно он, Костин
управляющего ма
перь Сидорку гол
что пиявка. И сам
олжимный цех ма
мужа не в ответе,
да товарищи из у
Ленин указал, что
власть желают ра
ности. А как его

Навстречу Мишке, смешно подпрыгивая, хромает сосед Костин, по-уличному Овдонька. Он коренаст и широкоплеч. Повстречавшись с Мишкой, Костин пытается остановить его, но тот догадывается сам, что дядя Евдоким идет к отцу, и, не останавливаясь, кричит изо всей мочи:

— Тятя приехал, дома!

Войдя в избу, Овдонька стянул замасленный картуз, поздоровался:

— Здорово, служивый! С прибытием тебя, Фома Ефимыч, а тебя, Анна Степановна, с дорогим гостем!

— Здравствуй, хромой! — отвечает Фома, посменваясь одними глазами и не поднимаясь с лавки.

— Как погляжу я, теперича и ты под стать мне будешь, ежели не хуже. Костыли-то не догадался спрятать?

— Оплошал. Подвели, окаянные! — смеется Фома.

— То-то же...

Костин подходит к Фоме, друзья обнялись, расцеловались.

— Садись, гостем будешь! Ты первый.

— Мне только что сказали. Фома Копырин, кричат, прибыл! Да сразу на четырех ногах! Ну, думаю, раз... Бросил работу — и айда сюда. Рассказывай: где скитался? Как воевал? Какие новости в Москве?

— Новостей много, — говорит Фома, — за один вечер всего не перескажешь. Ты мне поначалу про себя и про завод. Кто управляющим сейчас?

— Ты не поверишь, Фома Ефимыч! Управляющим сделался Сидорка Чапанов! Так-то!..

— Буржуйский выкормыш?! — удивленно воскликнул Фома. — Куда же вы тут глядите?.. Своих ребят, что ль, нету! Ну и дела!..

— В партию вписался, — оправдывается Овдонька, словно он, Костин, повинен в назначении на должность управляющего маслозаводом Сидора Чапанова. — Теперь Сидорку голыми руками не возьмешь, присосался что пиявка. И сам пролез, и жену бандита Храпычева в отжимный цех мастером поставил! Дескать, жена за мужа не в ответе, а она спец. Поднимали этот вопрос, да товарищи из укома партии так объяснили: будто бы Ленин указал, что спецам старым, кои на Советскую власть желают работать, доверять и становить на должности. А как его угадаешь: за рабочих он или кирпич

за пазухой держит, ждет момента, когда вдарить сподручней?.. Рисковое дело — приглашать их на нашу сторону, я так разумею.

— Так ведь то — спецов! — горячо возразил Фома. — Ученых людей: врачей, учителей, инженеров разных, а Сидорка Чапанов что за птица?! Чудно! Как в партию могли принять его?.. Кто сейчас секретарь укома?

— Страдымов Григорий Родионович, — ответил Овдонька, почесывая затылок. — Прислали откуда-то, не нашенский, словом.

— Может, Страдымову не известно, что Сидорка Чапанов с беляками якшался, а вы-то знаете об этом! — упрекнул Фома своего друга. — О самом Колоярове, о старике, ничего не слыхать?

— Поговаривают — за границу сбежал, а сынок его где-то поблизости блукает. Наши хвалынцы будто в Царицыне видали его. Этот, видно, затаился и выжидает, когда свой завод обратно получит. Но сложа руки лавериняка не сидит он: прикидываю, что в банде Храпычева скрывается Николка Колояров!

— Коль на волчью жизнь перешел, мирно жить не станет — это понятно! И на печке сидеть нам с тобой, выходит, рановато. Вот так, дружок!..

На второй же день Фома Копырин побывал в укоме партии, и тут же заинтересовалась руководством маслозавода чека. По материалам расследования бюро укома исключило Сидора Чапанова из партии большевиков, освободив его и от должности директора маслозавода. Но арестовать Чапанова не успели: бывший участник белогвардейского мятежа в Заволжье скрылся. А в уезде появилась банда Храпычева, которая, люто расправляясь с активистами и их семьями, сеяла среди населения панику.

В неравной схватке с бандитами, отстреливаясь из нагана и пытаясь ускакать от верховых на тощей лошаденке, запряженной в бричку, геройски погиб Фома Ефимович Копырин. Он сдал вместе с женой в село Подлесное за сеном, чтобы как-то дотянуть до весны свою коровенку. Двоих бандитов Копырин застрелил наповал, одного ранил, а двое других шашками зарубили и его, и жену. Выяснилось: Анну Копырину убил предводитель банды Храпычев только за то, что она узнала его.

Не дрогнуло бандитское сердце от святой просьбы матери ради малолетних детей не убивать ее... Нет жа-

лости у бандита, и
ко подлая и трусли
Заботу об осир
ский исполком: Ми
скую коммуну, а И
При похоронах, на
поклялся найти и у
го бандита — уничт
замысла Мишке во
жке, зайти в дом
всех, кто попадет п
Копырин из комму
Ловкий и везуч
тером, подчинив себ
ка чувствовал себя
меньше. Правда, з
взялись за беспри
неприкаянных бося
ляют, а все еще мн
на пристанях, а по
домов собираются..

Сморил Мишк
но... Притулился о
лезнодорожного во
откуда взявшуюся
для отвода глаз ме
мешочника. Для с
накрыли, под лав
Леньке не спать и
Мишку в бок.

Долго крепился
дело себе придума
ье бородача. И ко
заветный «сидор»,
сил, а под утро
лага...

Спит и Мишка,
красоте крылатый
снежная до земли
вевается, из поздр
звездами сверкают
на таком коне, сл
яв его желание, к

лости у бандита, и не жди от него пощады, а есть только подлая и трусливая шкура, за которую он и дрожит.

Заботу об осиротевших детях взял на себя Хвалынский исполком: Мишу отправили в Черемшанскую детскую коммуну, а Илюшу определили в детский дом. При похоронах, на могиле своих родителей, старший сын поклялся найти и убить Храпычева, а не разыщет самого бандита — уничтожить его семью! Для осуществления замысла Мишке всего-навсего надо было достать оружие, зайти в дом Храпычевых и перестрелять в нем всех, кто попадет под руку! А поэтому и убежал Мишка Копырин из коммуны и вскоре появился в Саратове.

Ловкий и везучий, с твердым и решительным характером, подчинив себе целую ватагу беспризорников, Мишка чувствовал себя среди этой братии «королем», не меньше. Правда, за последнее время чекисты здорово взялись за беспризорников, каждый день вылавливают неприкаянных босяков и по трудовым колониям отправляют, а все еще много их и на базарах, и на вокзалах, и на пристанях, а по ночам почти все они в подвалах жилых домов собираются...

Сморил Мишку Копырина сон, свалил окончательно... Притулился он среди мешочников на скамейке железнодорожного вокзала, положил под голову невесть откуда взявшуюся душегрейку без рукавов, прикрылся для отвода глаз мешком, изображая деревенского парня-мешочника. Для страховки, чтоб чекисты внезапно не накрыли, под лавку залег Ленька Бредень. Приказано Леньке не спать и в случае облавы тут же толкнуть Мишку в бок.

Долго крепился Ленька, борясь с дремотой, даже дело себе придумал: проверить мешок у сидящего на лавке бородача. И когда тот захрапел, разрезал Ленька заветный «сидор», вытащил хлеб, сало, плотно подзакусил, а под утро все-таки не выдержал, заснул, бедолага...

Спит и Мишка. И снится ему удивительный по своей красоте крылатый кипенно-белый конь. Грива белоснежная до земли достает, хвост шлейфом по ветру развевается, из ноздрей горячий пар валит, а глаза синими звездами сверкают... Ох как хочется Мишке прокатиться на таком коне, слов нет, как хочется!.. И, словно почуяв его желание, конь радостно заржал и в один миг

оказался рядом. Вскочил на него Мишка Копырин, ухватился обеими руками за пышную гриву, и взвился конь на своих могучих крыльях в заоблачную высь, перепрыгивая с одной тучи на другую. Где ударит конь золотым копытом — искры огненные во все стороны сыплются, горы снеговые на глазах тают, несметные потоки воды на Землю устремляются, затопляя поля, дороги, строения... И вот тонут люди... Страшно становится Мишке, он устерпел этот потоп, вскочив на крылатого коня, а остановить его не может. Что делать?! Нет на коне уздечки, и Мишка не может управлять им!.. А там, на Земле, тонут и гибнут люди, пропадают звери, все скрывается под водой. Еще немного, и все умрет, и Илюшка — он тоже умрет, потому что и детский дом затопит вода. «Нет, нет, не хочу я, не хочу!. — кричит во сне Мишка. — Да лучше я сам умру за всех, я один, а они пусть живут!.. Но я не могу остановить коня!.. Помогите! » И вдруг слышит Мишка голос отца: «Ты не можешь остановить коня потому, сынок, что ты оторвался от людей. А человек так жить не может!.. У тебя есть единственный шанс вернуться на Землю, спасти людей от гибели, искупить свою вину перед ними — перестать бродяжничать и воровать, вернуться в коммуну, снова начать учиться и работать, как твои товарищи. Ведь я верил в тебя, сынок, надеялся, что ты станешь хорошим человеком!..» Спазмы перехватывают горло, и слезы начинают душить Мишку от горьких, но справедливых слов отца. «Я брошу воровство, тятя, вернусь в коммуну, сделаю все, как ты хочешь. Поверь и прости меня!» — «Ну и ладно, я верю тебе, сынок!.. Сейчас я помогу тебе, а потом уж ты на свои силы надейся, да про Илюшу не забудь, маленький он, но про тебя вспоминает и ждет!.. » Отец ударил три раза в ладоши, пронзительно свистнул, и конь сразу исчез, будто растаял, а Мишка, распластав свои руки-крылья, моментально спустился из-за облачных высот на Землю, очутившись на пороге родительского дома.

Обрадовался Мишка, что никакого потопа на земле нет, отец сидит на лавке и улыбается... Бросился к нему со всех ног Мишка, ткнулся головой в отцовские колени... Тормошит его за плечи отец, что-то говорит, а что — не понять...

— С добрым утром, Звездочет! Вот ты где, оказывается, замаскировался? — наконец-то ясно слышит

Мишка Копырин. —
Понял?! Всех твоих
Приподнявшись
потянулся, смотрит
глазами, улыбается
— Эй ты, легав
— Ничего, в ка
— В тюряге, зн
Все одно убегу.

ГЛАВА ПЯТНАДЦ

Прибыл Андрей
ко утром, когда го
достное чувство охв
лубы парохода виде
шегося вдоль берег
десятки километров
мельчайших подроб
тайные минуты он б
по которым когда-т
ко стучало сердце.

Когда же Рассв
поднялся по скрипу
лестницы на набере
перебой приглашал
ему некуда, никто
позади, как воспом

Рассветов не спе
тротуару к «Липка
засыпанной желто-
парка, остановился
рам играл духовой
сел на скамейку. П
ми заморозками, ис
печально отживала
ба астр.

Старик сторож,
-той, раскачивался
танцовывая, сметал

В этом парке А
невольные нахлыну
пожалуй, впервые
пожалел, что не су

Мишка Копырин. — А ну, вставай, и не вздумай бежать! Понял?! Всех твоих дружков мы уже собрали.

Приподнявшись и сев на скамейке, Мишка зевнул, потянулся, смотрит на чекиста выспавшимися лучистыми глазами, улыбается и незлобиво говорит:

— Эй ты, легавый! Какой сон не дал досмотреть!

— Ничего, в камере досмотришь. Пошли.

— В тюряге, значит?.. — переспрашивает Мишка. — Все одно убегу.

ГЛАВА ПЯТНАДЦАТАЯ

Прибыл Андрей Иванович Рассветов в Саратов рано утром, когда город только начал просыпаться. Радостное чувство охватывало его всегда, как только с палубы парохода видел он огни родного города, раскинувшегося вдоль берега Волги по холмам и буеракам на десятки километров. Все здесь было ему знакомо до мельчайших подробностей. От сознания, что через считанные минуты он будет шагать по улицам и переулкам, по которым когда-то бегал босоногим мальчишкой, гулко стучало сердце.

Когда же Рассветов сошел с парохода и торопливо поднялся по скрипучим ступенькам крутой деревянной лестницы на набережную, где бородачи извозчики наперебой приглашали пассажиров, он понял, что спешить ему некуда, никто в городе его не ждет, все осталось позади, как воспоминание о невозвратной молодости...

Рассветов не спеша поднялся по узкому деревянному тротуару к «Липкам», вошел в сад. Он прошел по густо засыпанной желто-багряной листвой дорожке к центру парка, остановился перед летней эстрадой, где по вечерам играл духовой оркестр и выступали артисты, присел на скамейку. Перед эстрадой, прихваченная осенними заморозками, искрясь замерзшими слезинками росы, печально отживала последние дни большая белая клумба астр.

Старик сторож, ритмично взмахивая широкой метлой, раскачивался из стороны в сторону и, словно приплясывая, сметал с дорожек опавшую листву.

В этом парке Андрей Рассветов бывал много раз, и невольные нахлынули воспоминания. Только сейчас и, пожалуй, впервые за все прошедшие с тех пор годы он пожалел, что не сумел жениться на очень хорошенькой

девушке, с которой встречался именно здесь, сидел с ней, слушая музыку, вот на этой самой скамейке. Потеряв всяческую надежду составить с ним семью, она вышла замуж за другого. Грустная усмешка тронула его губы... А ведь и семья, и дети у него давным-давно могли быть, и не был бы он, как сейчас, старым одиноким холостяком.

До открытия учреждений оставалось часа три, и Рассветов решил пока навестить старика Сапрыкина, поглядеть на свой дом и, кстати, узнать: не нашелся ли покупатель?.. А деньги — ох как нужны!.. С месяц назад послал он Савелию Петровичу доверенность на продажу дома: может быть, тот успел обернуться с этим нехитрым, но довольно тонким делом?..

Поднявшись с места, Рассветов взял свой неизменный походный чемоданчик, направился к выходу.

Дворники подметали улицы. Утреннее солнце золотило крыши и окна домов, толстые стекла витрин больших и богатых магазинов, за которыми выставлены напоказ всякие товары. На тротуарах появились первые прохожие. Совсем рядом по булыжной мостовой цокал сталью подков рысак, везущий пассажира, видимо, на пристань по Миллионной, прямой, как стрела, улице. Свернув направо, Рассветов пошел к мосту, перекинутому через Глебучев овраг, в поселок.

Здесь совсем тихо, только изредка очумело бросится спросонья к запертой калитке цепной кобель или выйдет, позевывая, хозяин дома посмотреть с крыльца на раннего прохожего и, отворив запертые ставни, скроется за дверью.

И вот он, дорогой, как память о прожитых здесь годах, старый отцовский дом. Но что это?.. Во дворе, в ночной сорочке и с распущенными волосами, молодая женщина по-хозяйски достает из колодца воду, легко вращая ворот с мокрой, играющей на солнце цепью, и, не обращая внимания на смотрящего через низкий забор мужчину в серой шинели, неторопливо идет к крыльцу. «Новые хозяева, — думает Рассветов, направляясь к дому Сапрыкина. — Молодец, Савелий Петрович! Быстро он это дело провернул, ничего не скажешь!.. Встал небось уже? Но долго засиживаться мне нельзя: последний день перед праздником, надо успеть все свои дела протолкнуть, иначе застрянешь на неделю тут».

Старик Сапрыкин действительно уже поднялся и, по-

ходив по двору, присел на ступеньку крыльца, свернул «козью ножку» и, хрипло закатываясь старческим кашлем, курил натощак.

Завидев Рассветова, Савелий Петрович обрадовался, поднялся, пошел навстречу.

— Ну, здорово, голубарь! Заходи, гостем будешь, коль хозяином не хотел быть. Дом-то твой — тю-тю!.. Кто ты теперь, ответь мне? А?.. Ни кола ни двора!

— А что, плохо разве? — улыбался Рассветов, пожимая сухую старческую руку Сапрыкина.

— Оно, может, и не плохо, голова меньше болит, — направляясь в избу и придерживая за рукав шинели Рассветова, отвечал Савелий Петрович, — только хозяином быть, по моему разумению, все же лучше, чем квартирантом.

— Почему? — весело глядя на бывшего соседа, спросил Рассветов, заходя следом за ним в избу.

— Весу у хозяина больше! Оно хоша и власть теперича наша, рабоче-крестьянская значит, а перед хозяином все одно шапку ломать приходится. Так-то, голубарь!

— Неужто и тебя нэпмановская ржавчина прихватила, бывший рабочий класс? — вроде как с упреком спросил Рассветов. — Напрасно! Нэпману все одно скоро крышка придет, учти!

— Какой с меня непа?! — засмеялся старик, дробно вздрагивая жиденькой бороденкой. — На редиске да на огурцах с моих трех соток капиталу не наживешь. Раздевайся давай.

— Хоть бы на табак себе сгоношил, а то всю избу самосадом провонял, печистый дух! — сказала Евдокия Мироновна, выходя к Рассветову. — Добро пожаловать, Андрей Иванович! С парохода?

— Здравствуйте, тетя Дуся, — приветствовал Рассветов хозяйку, поставив чемоданчик и снимая шинель. — Больше полсуток плюхал вниз по матушке по Волге. Ну, как вы, здоровы ли?

— Здорова покуда. Вы там как, на новом-то месте?

— Не жалуюсь. Работы много, но зато скучать некогда, — садясь на лавку, сказал Рассветов. — Как с домом, Савелий Петрович? С бумагами? За сколько продал?

— С домом твоим так, — хитровато прищурившись, усмехнулся старик. — Отец дьякон — деньги на кон! Пос-

ле реформы теперь и копейка в цене. Ты велел мне за семьсот — восемьсот рублей продать, а я его за полторы тысячи махнул! И то малость продешевил, а ежели бы не к спеху тебе, то сотню — полторы еще мог выторговать.

Сапрыкин отпер новый висячий замок на окованном железом сундуке, достал деньги, завязанные в узелок, и, садясь за стол, сказал:

— Вот тебе бумага, а вот денежки. Пересчитай, пожалуйста! Деньги любят счет, и чтоб я не сумлевался.

Евдокия Мироновна хотя и суетилась в это время у печки, но краем уха прислушивалась к мужскому разговору.

— Кушайте, Андрей Иванович, — сказала старуха, ставя на стол кислое молоко и горячие лепешки. — И ты, старый, завтракай давай, а то встанет ни свет ни заря и ходит кукикает да самосадом сам себя травит. Срам глядеть до чего тощий стал, штанам не на чем держаться! Хватило бы ему за труды красненькой, в шинок ведь снесет.

— И до чего вредная старуха,— пожаловался Рассветову Сапрыкин. — Деньги не ее и то жалеет! Да и какой там шинок, Андрей Иванович, разговор один. Куплю иной раз четок, а то и шкалик, ну и выпью, конечно, а толку с того?.. Сразу в сон меня клонит, ни песен, ни басен, скора мора, обидно даже, не в коня корм! А бывало — эх!.. Да что говорить, все отошло, одна маета на душе, а не веселье.

— Заботится о тебе, а ты говоришь «вредная». Да, хотел спросить тебя: парень тот, о котором ты рассказывал мне, Мишей звать, не объявлялся?

— Нет, не приходил и на нашем базаре не появлялся. Авдотья Мироновна приглядывается, но не видала. А чего спрашиваешь про него?

— Да говорил с одним учителем, сдается мне — из коммуны сбежал ваш Мишка. И мой один шпингалет тоже удрал, не здесь ли где мытарит?.. — пояснил Рассветов. — Жаль мальца, всего десять лет, пропадет!

— Не пропадет, — сказал Савелий Петрович. — Их теперича крепко поубавилось. И ты, от души тебе скажу, молодец, что взялся за это дело: ребят ведь спасаешь, а не кого-нибудь! По гроб жизни они не забудут тебя, когда в разум войдут, конечно. Глядишь, и людьми станут!

— В этом я ничуть не сомневаюсь, Савелий Петрович! — И, встав из-за стола, Рассветов поблагодарил хозяев за угощение.

Провожая гостя за калитку, Сапрыкин просил Рассветова писать и при случае заходить, не забывать стариков.

Направляясь в губнаробраз, Рассветов рассуждал: «Если даже губнаробраз откажет в деньгах, то все равно всем пацанам по второму костюму куплю, специально для школы! Девочкам привезу по обновке, да и себе, пожалуй, не мешало бы костюм заиметь, ну, скажем, как у Звездина...»

Навстречу ему от привокзальной площади, посередине булыжной мостовой, двигалась ватага беспризорников, конвоируемая чекистами. Двое из подростков, возглавлявшие это шествие, положив руки друг другу на плечи, нахально горланили:

Нас легавые схватили,
Мы ребята-щипачи,
Ни за что определили
На казенные харчи.

— Перестаньте драть глотки! — кричал один из чекистов, видимо старший группы облавы. — Кому говорят?!

На него не обращали ни малейшего внимания:

Я отчаянным родился —
Всем легавым на беду,
Коль с тюрьмою подружился,
Я нигде не пропаду!..

Прохожие, глядя на «новобранцев», останавливались, сокрушенно качали головами. Старушки, провожая ватагу грязных оборвышей вздохами, торопливо крестились, шепча молитву.

«С вокзала взяли», — подумал Рассветов. Быстро окинув взглядом грязных и оборванных пацанов, остановился, приглядываясь к одному из них, лицо которого было явно знакомо.

— Ленька! — вырвалось у Рассветова.

Через неплотное кольцо чекистов молниеносно нырнул оборванный и чумазый мальчишка, бросился к Андрею Ивановичу.

— Стой! — скомандовал старший наряда.

Колонна остановилась. Старший быстро подошел к Рассветову, недружелюбно спросил:

— Кто такой? Предъявите документ, гражданин!

Рассветов показал удостоверение.

— Так это ваш пацан? Из вашей колонии?..

— Мой, — ответил Рассветов. — Разрешите забрать? Третий месяц разыскиваю его. Бреднев его фамилия. Едва признал, как приодели его дружки-приятели.

— А вдруг опять удерет от вас? — усомнился чекист.

— Не удеру я, — чуть не плача, загнусавил Ленька. — Испугался я, когда сестренка померла... и не хотел вовсе, а получилось. Возьмите меня, Андрей Иванович, родненький!..

— Тут, понимаете, товарищ, очень сложная история. Словом, беру под личную ответственность, не сомневайтесь.

— Может быть, всех заберете, чтоб не канителиться нам с ними? — улыбнувшись, спросил чекист.

— Сколько их набралось?

— Полтора десятка! Да в камерах у нас пацанов сорок.

— Нет, всех взять не могу, — пожалел Рассветов. — С жильем туго. Оборудуем второе общежитие — тогда можно будет. — И, подумав, добавил: — Разве только эту группу?..

— Из этих пятнадцати двое подозреваются в вооруженном ограблении граждан. Вот эти: Коперник, он же Звездочет, и дружок его — Рысак, или Длинный Иван. Это клички у них такие. Имели по нескольку приводов, фамилий своих не назвали, оба беглецы из колоний и допра.

— Ты, начальник, романы про воров, случайно, не сочиняешь? — рассмеялся синеглазый парень, которого чекист назвал Коперником и Звездочетом. — Дело ты нам не пришьешь, мы не грабители, на гоп-стоп никого не брали.

— У меня и без сочинительства писанины до черта, — сказал чекист. — Но если возьмете их, товарищ Рассветов, не возражаю, пусть едут! Может, спасибо скажут когда-нибудь, если поймут, что спасли их от тюрьмы. Это для них, пожалуй, единственный шанс, — явно пытался припугнуть ребят чекист.

— Ну что ж, давайте! — решился Рассветов. И, внимательно глядя на неумытые, хмурые физиономии пацанов, спросил: — Слышали, о чем речь шла?

— Слыхали! — ответили сразу несколько голосов.

— Вот, ты, иди сюда! — Рассветов указал на самого грязного и оборванного подростка с быстрыми карими глазами. — Как звать тебя?

— Шкода.

— Шкода — это кличка. Имя у тебя есть?

— Васька.

— Васька-Дворянин в нашей колонии имеется, а вот Шкоды нет, — улыбчиво глядя на парня, сказал Рассветов. — Если возьму тебя, убежишь?

— Может, убегу, а может, и нет, — ответил Васька, пожимая острыми, худыми плечами, выступающими из дыр грязной рубашки. — Плохо будет если...

— Выходит, сейчас тебе хорошо?.. В тюрьму хочешь?

— А я удеру оттудова.

— Храбрый ты парень, Васька, но всю жизнь не пробегаешь, не заяц ведь. В колонии плохо не будет. Многие ваши товарищи учиться начали, на людей стали походить, а вы в вонючих подвалах почуете, у крыс жилплощадь отбиваете, а потом, чтоб позавтракать, у торговок лепешки с прилавка хватаете! Я к совести вас не призываю, но понять свое положение вы можете?.. Зима ведь на носу! Давайте на откровенность: хотите в нашу колонию?

Пока Рассветов разговаривал с Васькой Шкодой, Копырин решил: надо ехать. Упустишь случай — другого такого может и не быть. Не зря и сон такой снился сегодня! Если грабеж хотят им повесить — дело плохо! И, шагнув к Рассветову, Мишка сказал:

— Мы поедем к вам, Андрей Иванович!

— Ручаешься, что ни один не сбежит в пути?

— Без конвоя?..

— Конечно, зачем нам конвой? Добровольно же едете!

— Ручаюсь, Андрей Иванович, а мое слово — закон! Да и куда им бежать? Они без меня с голоду тут подохнут!

— Слову твоему я верю, Миша! — Рассветов умышленно назвал его так, решив проверить: не тот ли перед ним Мишка, что жил у деда Сапрыкина?

— Вы знаете меня? — У Мишки даже брови полезли на лоб от удивления.

— Я, брат, многое кое-что знаю, но об этом потом. Скажи ребятам, что в пути следования ты отвечаешь за них, до самой Алексеевки.

Мишка повернулся к пацанам, оглядел всех вприщур, тихо сказал:

— Без легавых едем, усекли?.. Гляди, шкеты, ноги выдерну, а спички вставлю! А от Рысака никто еще не уходил! Так, Иван?..

— Пусть попробуют, голопузики! — засмеялся Рысак.

— На пристань проводить, товарищ Рассветов? — спросил командир.

— Нет-нет, теперь уж мы сами. Пошли, ребята, и не отставать!

Полтора десятка босяков, гурьбой шедших за своим неожиданным спасителем, вызывали нескрываемое любопытство у встречных. Остановившись у каменного здания с привлекательной вывеской «СТОЛОВАЯ», Рассветов окинул веселым взглядом пацанов, спросил:

— Вы как насчет того, чтобы позавтракать?

— Завтраки они считают буржуйской выдумкой, Андрей Иванович! — засмеявшись, ответил за всех главарь ватаги.

— Понятно. Денег нет?.. Что ж, коль взял — кормить надо! Только уговор: ведите себя так, чтобы мне не стыдно за вас было, товарищ Коперник!

— Не Коперник я, Андрей Иванович, а Копырин! Легавые на первом же приводе переврали мою фамилию, с тех пор за Коперника я и хиляю. Говорят, звездочет такой был. Может, врут?

— Был, точно. Только не звездочет, а великий астроном! Вот тебе деньги, Миша Копырин, накорми нас, — Рассветов вручил Мишке новенький червонец.

— Лады. Из столовой ничего не уводить, пацаны, харчевня казенная. Видите вывеску.

— Видим. Чего там возьмешь?

— Гляди, Шкода, тебе первому перепадет! У тебя кишка не терпит, когда что плохо лежит.

— Не буду, Мишань, честно.

Заведующая столовой, со значком РКСМ на белой кофточке, глядя на ввалившуюся ватагу сомнительных посетителей, перепугалась насмерть. Заикаясь, она спросила:

— В-вы кто т-такие?.. То есть, я хотела сказать, что вам надо?.. Вы кушать хотите?

— Как вы угадали?.. — улыбался Мишка, глядя на

побледневшую девушку. — А говорят — все красивые девчонки дуры. Врут, выходит?

— Миша! Ближе к делу, — Рассветов неодобрительно покачал головой.

Мишка кивнул Андрею Ивановичу, что понял. Ребята уже заняли четыре столика.

— Накормите нас, — уже серьезно сказал Мишка девушке. — Я заплачу за всех, не бойтесь. Мы из деревни, в Саратов приехали на экскурсию. Усекла?..

— Вот меню, пожалуйста, — успокоилась наконец-то заведующая столовой, увидев за одним из столиков Рассветова.

Глядя в листок, Мишка сказал:

— Шестнадцать порций щей с мясом, по-крестьянски, столько же котлет с картофельным пюре, по стакану чаю с сахаром, хлеб. К чаю можно, пожалуй, по одной плюшке с повидлом.

— Сколько хлеба? — спросила девушка, записывая заказ в блокнот.

— Хлеба?.. — Мишка изобразил глубокомысленную задумчивость. — Хлеба, значит?..

— Ну да, сколько хлеба на одного человека? — улыбнулась девушка.

— Ах, хлеба?! Коврягу на рыло в самый раз будет! Сегодня я именинник, и мои родственники от пуза гужуются — это по-французски, а по-русски перевести: едят досыта!

— Я серьезно вас спрашиваю, — покраснела завстоловой от «изысканного» лексикона Мишки.

— Ну, мазя, сбавим малость: по краюхе на стол.

— Хорошо, — заведующая робко посмотрела на Мишку. — Сейчас обслужим.

— Только по-быстрому, мадмуазель! Нам, знаете, в три музея надо поспеть, времени в обрез.

Через полчаса, когда поданные на столы тарелки были вылизаны «экскурсантами», а остатки хлеба рассованы по грязным карманам, Мишка Копырин гордо подал заведующей столовой новенький червонец и, подняв руку чуть выше своей немытой серой шевелюры, пошевелил в воздухе тонкими пальцами, сказал:

— Адью, мадмуазель!

— До свидания, — облегченно вздохнув, сказала завстоловой.

Как только за «экскурсантами» закрылась дверь, за-

ведующая плюхнулась на стул и ее начала трясти нервная лихорадка. Позднее она рассказала своим сотрудникам, что месяц назад их с женихом раздели вечером прямо на улице и один из грабителей сказал ей точно такую же фразу: «Адью, мадмуазель!» «И голос такой же,— уверяла она,— на всю жизнь запомнила!»

Не прошло и четверти часа после завтрака, как вся Мишкина компания сидела на паробразовском крыльце в Крапивном переулке. В центре внимания ребят оказался Ленька Бреднев. Его окружили со всех сторон, и Ленька, насколько позволяла ему небогатая фантазия, расписывал красоты села Алексеевка и бывшую графскую усадьбу, где располагалась колония. На вопрос, чего же он сбежал, если там так хорошо, Ленька ответил:

— Сестренка моя померла там, в больнице, а покойники, мамка мне еще говорила, они по ночам из могил выходят и родственников своих заманивают на кладбище, а потом душат их. Вот я и драпанул оттуда, подальше куда, Милка не нашла чтоб.

— Чудик ты,— похлопав по плечу Леньку, сказал Мишка Копырин. — С того света никто не приходит. Наслушался мамкиных сказок!

— А звезды, которые по ночам летают и рассыпаются?.. Это что, по твоему, не бесы? — возразил Ленька.

— Нет, это метеориты, — щегольнул Мишка никому из сидящих пацанов не известным словом. — Нам учитель про это рассказывал, когда я в школе еще учился. Состоят они из железа, а когда летят к Земле, загораются. Жару в них — будь здоров! Вот они и рассыпаются на самые маленькие кусочки и сгорают.

— Дурак твой учитель, — захохотал долговязый Иван Шишкин, он же Рысак, единственный из всех в этой компании, кто мог возразить Мишке Копырину. — Если бы железо горело, то им печки бы топили!

Приведенный Шишкиным аргумент сразил Копырина. И действительно, как Мишка не додумался раньше, что железо не горит, а учитель говорил о горении метеоритов, состоящих якобы из железа. Сразу же в глазах Мишки авторитет учителя померк.

— Может, учитель тот и загнул малость, — вынужден был признать Мишка, — но объяснял здорово. Ни в каких бесов и чертей я не верю! Метеорит — это да, толь-

ко он, наверное, не железный, а все-таки деревянный, коль горит.

Мишку подняли на смех. Он обозлился и для доказательства своей правоты готов был пустить в ход кулаки, но в это время на крыльцо вышли Рассветов и заведующий губнаробразом Желтков.

Это был тучный, с заметным брюшком человек, лет пятидесяти, с нездоровым обрюзгшим лицом, колючими, как спелый овес, бровями и с зеркальной круглой плешью на крупной голове. Желтков обвел добродушным взглядом возбужденную ватагу и, стараясь придать голосу побольше бодрости, произнес:

— Здравствуйте, ребята!

— Здорово, пузатый, — ответил за всех Шишкин, озорно глядя на Желткова.

— Почему же ты обзываешь меня? — спросил заведующий.

— Я не обзываю, я правду говорю, — засмеялся Шишкин.

— Доживешь до моих лет — и ты таким же будешь. Понравится тебе, если тебя так назовут?

— Я таким не буду, — уверенно сказал Шишкин. — На казенной баланде брюхо не отпустишь, особенно в тюрьме.

— Ты что ж, и в тюрьме успел побывать? — удивленно вскинул колючие брови Желтков. — Неужто сидел?..

— Сначала сидел, потом лежал, а потом бежал, — весело сказал Шишкин. — Одной тухлой рыбой кормят да хлеба с колючками фунт на день дают, аж горло дерет.

— А ты как думал? Тюрьма, брат, не курорт, а вразумительное заведение! Не бродяжничай, не воруй, становись человеком, вот и жить будешь как полагается.

— Ты учитель? — выступив вперед, спросил Мишка, который чаще всего молчал, предоставляя право разговаривать Шишкину, разумеется по второстепенным вопросам и в рамках дозволенного.

— Учитель, — ответил завгубнаробразом. — А что?

— Тогда скажи: из чего сделан метеорит, который с неба падает?

Желтков удивился необычному вопросу, посмотрел сначала на Мишку, потом на Рассветова и, глядя на горящие от любопытства глаза ребят, спросил:

— Этот вопрос всех интересует?

— Спор получился, — сказал Шишкин. — Мишка вот арапа тут заправлял, будто метеорит из железа, а горит. Брехня?

— Не брехня, а очень даже верно! — сказал Желтков. — Это единственный вид чистого железа, которое иногда попадает к нам на Землю из космического пространства в виде метеоритных частиц. Когда человек еще не умел получать чугун и сталь, то из метеоритного железа кое-что изготовлялось.

Ребята, поглядывая на Шишкина, скалили зубы.

— Вранье! — возразил Шишкин. — Железо гореть не может.

— Заблуждаешься, — сказал Желтков. — Железо загорается при трении о воздух, когда метеорит попадает в околоземную атмосферу. Будешь учиться — узнаешь. Так что Мишка ваш прав! Вы вот что скажите мне: учиться хотите?

— А зачем? — вылез с вопросом тот же Шишкин.

— Как это «зачем»?.. Ты же слепой! Про метеориты ничего не знаешь, про кометы тоже не слыхал. Может, и писать не умеешь?

— Малость царапаю, — улыбаясь, отвечал Рысак.

— «Малость царапаю» — не годится! Всем вам надо рабочую специальность приобретать, а безграмотного человека хорошей специальности не обучишь.

— Мне ваша грамота, как зайцу курево...

Копырин, не выдержав болтовни Рысака, влепил ему подзатыльник.

— Закрой варежку, дура! — строго сказал он. — Мы сами согласились ехать в колонию...

— Да я так, Мишань, ты чего?.. — пролепетал Рысак.

— Ты ведь почти взрослый парень и, видать, горюшка хлебнул с лихвой, так что должен бы кое-что понимать, — глядя на Шишкина, сказал Желтков.

— Это он так, — усмехнувшись, ответил Андрей Иванович.

— Ну что же, счастливого пути! Идите с вашим заведующим на базу, получайте обмундирование, учебные принадлежности — все, что мы смогли, выделили вам, на первый случай, — да не бегайте из колонии, как некоторые. Беглецов возвращать в колонии не станем, имейте это в виду, пора вам за ум браться! Я как-нибудь приеду к вам. До свидания.

— До свидания, — пожимая руку Желткову, сказал Рассветов. — Приезжайте, буду рад.

— А тебя, — Желтков ткнул пальцем в сторону Шишкина, — специально на заметку возьму.

— Не боись, не убегу, — расплываясь в улыбке, подмигнул Шишкин.

Из дневника Елены Щегловой

10 ноября, пятница.

Привез Андрей Иванович из Саратова учебные пособия, выделенные губнаробразом, а главное — купил всем колонистам по второму костюму для занятий в школе. Радости не было конца! Девочки полдня крутились перед зеркалом, разглядывая себя в новой форме со всех сторон. Оказывается, они у нас ужасные форсуньи! Спасибо тебе, милый Андрей Иванович!

Кое-что привез он и учителям по заказу, а для себя, к сожалению, у него не осталось денег. Ходит он постоянно в видавшей виды военной робе. Нельзя же так, дорогой Андрей Иванович, ты же не старик еще! Как сказать ему об этом?..

А программы наши завгубнаробразом Желтков утвердил, но сказал, что приедет к нам и на месте ознакомится со всеми нашими «новшествами» подробно.

12 ноября, воскресенье.

Господи, где взять силы: мне и радостно и страшно — я люблю его! Ради него я готова на любые испытания! Милый, смешной, одержимый верой в «нового человека», который, по его мнению, народился вместе с революцией семнадцатого. Я в этом, признаться, плохо разбираюсь и в таких разговорах, которые у нас часто ведутся в учительской, участия не принимаю. Я, например, не понимаю, что значит «жить для людей»?.. Сам Рассветов, заботясь обо всех, не обращает никакого внимания на себя. О нем никто не заботится, кроме кухарки Лапшиновой, которая за дополнительную плату готовит ему пищу. И съедает он эту пищу чаще всего холодной! Разве можно так жить, Андрей Иванович, милый!.. Мне очень жаль его! Бывают же у него и горести, и сомнения, и желания, и, наконец, радости, хотя бы оттого, что

делает он большое, нужное дело! С кем он делится ими?.. Или он из другой человеческой породы?..

Странно, что верит он в какого-то «нового человека»? Где этот человек?! Почему мы никто не видим, а он видит и утверждает, что людей, рожденных революцией, становится все больше и больше! Если сам он подражает этому «идеалу», то жить так, как живет он, не захочет никто!

13 ноября, понедельник.

Сегодня Андрей Иванович привел ко мне в класс беглеца Леню Бреднева. К великому моему удивлению, заведующий колонией не приказал посадить Леню за парту, а извинился за его побег и стал просить, чтобы я приняла его и научила читать, писать и считать, потому что он, Леня, хочет идти учиться на помощника машиниста, а неграмотных туда не принимают. «А если он стараться не будет?» — спросила я. «Да за меня, если надо, сам Мишаня Копырин поручится! — запальчиво сказал Леня. — Не подведу, честно!» Смеясь одними глазами, на полном серьезе Рассветов сказал: «Если уж сам Копырин поручится, то надо принять, Елена Николаевна! Миша Копырин слово свое держать умеет, в этом я убедился, значит, и Леня Бреднев не подведет». Так появился у меня в классе Леня.

25 ноября, суббота.

Две недели все мы очень много работали, даже по вечерам. И вот наконец состоялся педсовет с участием всех сотрудников колонии.

Впервые Рассветов появился в новом военном костюме, был в хорошем настроении, шутил и создал такую обстановку, что каждому хотелось принять участие в обсуждении неотложных дел.

После горячих споров педсовет утвердил:

1. Временный устав колонии.
2. План подготовки к зиме.
3. Открытие старших (пятого и шестого) классов.

Некоторые учителя почему-то уверены, что Андрей Иванович имеет надежную поддержку не только в губнаробразе, но и в ОГПУ, а поэтому так смело идет на столь необычные эксперименты и в обучении воспитанников, и в методах их воспитания. «Сила Рассветова в

том, — сказал мне Звездин, — что он оригинально мыслит и находит необычные, но верные решения самых трудных вопросов!» Я очень рада за Андрея Ивановича и с каждым днем все больше влюбляюсь в него!

26 ноября, воскресенье.

— Что-то вчера допоздна педсовет у вас затянулся? — спросила мама, подозрительно поглядывая на меня. — Интересно было или скучно?

— Это надо и видеть и слышать, мамочка, а передать невозможно.

— А ты попробуй, может, я пойму?

— Да ты не обижайся. Я ведь сказала не к тому, что ты не поймешь, а что я пересказать не сумею.

— Вот и расскажи матери как умеешь. Я старая, но работа твоя меня интересует. А то пишешь что-то в своем дневнике, а с матерью в молчанку играешь. — В ее голосе я почувствовала обиду. — Я понимаю, конечно, дневник — это личное и интимное, претендовать на него даже мать не имеет права. Ты о работе расскажи. Были интересные выступления?

— Самое интересное из всех — выступление нашего заведующего, когда он подводил итог нашей дискуссии об открытии двух старших классов. Он так сказал: «Я от души благодарю, уважаемые коллеги, тех, кто высказался за открытие классов, и тех, кто выступил против. Но вы не подозреваете, что каждый из вас обронил здесь крупицу золота! Да, да, я не оговорился — золота, и сейчас я выложу вам его на стол!» После этих слов, мамочка, так все рассмеялись, что и окна в классе зазвенели. «Благодарю вас, — сказал Андрей Иванович.— Все мы заинтересованы, чтобы наши ребята учились в полную силу и с интересом. Так ведь?.. Значит, нам нужны и пятый и шестой классы, но с особыми, необычными программами, учитывающими и пробелы в знаниях наших учеников, и продвижение вперед по изучению нового учебного материала, особенно по математике и русскому языку. Другого выхода у нас нет! Это — единственный шанс открыть в нашей колонии старшие классы в этом учебном году, а занятия начать незамедлительно, с понедельника! Списки учащихся этих классов мы имеем, и кто начнет работать в них — тоже известно. Ищите и новые приемы, и новые методы обуче-

ния, а мы с Сергеем Александровичем будем только приветствовать ваше творчество и поиск!»

Выступление Андрея Ивановича, мамочка, было и гораздо значительнее, и интереснее, чем я рассказала тебе. Ты поняла?..

— Я все поняла, дочь моя, а главное — то, что ты влюблена в него и почему-то скрываешь это от матери, — прямо, без обиняков сказала мама.

Я так вспыхнула лицом, что хоть спичку зажигай, и этим окончательно выдала себя. Хорошо, что к нам постучали в дверь, зашла Ирина Васильевна, и разговор с мамой на этом оборвался.

ГЛАВА ШЕСТНАДЦАТАЯ

В жизни каждого человека бывают события, о которых приятно вспомнить. Таким событием для колониста Семена Залетаева было появление в уездной газете «Большевик» первого его стихотворения.

Залетаев, находясь в больнице, начал сочинять стихи просто от скуки. Возможно, это было и не так, а была давнишняя потребность высказать людям наболевшее, но у Сеньки чувства эти вылились в стихи.

Он немало удивился, обнаружив, что обыкновенные человеческие слова могут складно ложиться на бумагу, образуя звучные, приятные для слуха рифмы, и что для этого ему надо немного подумать, в каком порядке поставить эти слова в строчке.

Сложив в уме целое стихотворение, Залетаев попросил у врача карандаш и листок бумаги. Заметив, что Семена что-то мучает, и решив, что парень хочет написать письмо девочке, из-за которой пострадал, Никита Данилович любезно предоставил ему карандаш, бумагу и конверт с маркой.

Записав стихи, Залетаев согнул листок вчетверо, старательно вывел на конверте адрес редакции и попросил санитарку отнести письмо на почту.

Прошло недели две. Сенька потерял всякую надежду, что стихи его могут кому-нибудь понравиться и они будут напечатаны, хотя и продолжал следить за каждым очередным номером «Большевика». И вот, развернув воскресную газету, Залетаев прочитал: «Стихи мо-

лодых поэтов». Среди десятка стихотворений, напечатанных на последней странице, Семен увидел и свое:

Надоело скитаться по свету,
Опротивело мне воровать,
Я пешком обойду всю планету,
Чтобы маму свою отыскать.

Может быть, ты совсем молодая,
Может, старая бедная мать.
Я во сне тебя вижу, родная,
И хочу тебя, мама, обнять.

Много лет я провел под забором,
Я не знал материнской любви,
Пусть меня называют все вором,
Ты сыночком меня назови.

Семен перечитал стихотворение несколько раз, проверил каждое слово... Все слова его, Сеньки Залетаева, только после того, как они были напечатаны в газете, показались ему более значительными. Не зря же газета назвала Сеньку молодым поэтом?.. Как тут не колотиться сердцу!

Кроме волнения в груди и звона в ушах, в первые минуты Залетаев ничего не ощущал и ничего не слышал вокруг себя. Ему казалось, что все теперь будут смотреть на него с восхищением и все уже знают, что он, Семен Залетаев, не просто шкет какой-нибудь, а молодой поэт!

Да, это было счастье, первая светлая радость в его жизни. И если бы Семен знал, что в колонии все говорят о его стихах, а Васька-Дворянин сочинил на его слова музыку и, окруженный толпой колонистов, поет задушевную песню «Надоело скитаться по свету».

Залетаев бережно свернул газетку, спрятал под подушку.

В день выписки из больницы, часов в пять вечера, его позвали к врачу. Никита Данилович сидел за столом, как всегда, в белом халате, улыбался в прокуренные и подпаленные усы, оживленно разговаривал с молодой, красивой женщиной. Залетаев не узнал учительницу. Мельком глянув на нее, Семен поздоровался. Женщина качнула венцом заплетенных тяжелых кос и, улыбнувшись, ответила:

— Здравствуйте, Сеня!

— За тобой пришли, Семен, — сказал доктор, кив-

нув головой в сторону учительницы. — Шум о тебе по всей колонии! Поздравляю с выздоровлением и с творческим успехом. Откровенно скажу: хорошие стихи написал, молодец! Надеюсь, попадать в больницу по известной тебе причине не собираешься?

— Постараюсь не попадать, — ответил смущенный Сенька.

Только сейчас догадался Залетаев, что пришла за ним Елена Николаевна, как-то навестившая его вместе с Андреем Ивановичем, но в тот раз он почему-то ее не запомнил. Смутил Сеньку вовсе не разговор, а прокля-тые кальсоны, видневшиеся из-под короткого больнич-ного халата, на которые внимательно смотрела учитель-ница. Тут уж не до разговору, а поскорее бы уйти из кабинета.

— Я очень рада за тебя, Сеня, — приветливо улыб-нувшись, сказала Елена Николаевна. — Рада за то, что выздоровел, и за то, что душевные стихи написал Ва-ся Шмыга музыку сочинил на них, вся колония поет.

Залетаев зарделся от такой похвалы и почувствовал неловкость.

— Все ребята и девочки учатся теперь в школе,— продолжала Щеглова. Мы записали тебя в старший, шестой, класс и надеемся, что ты будешь примером для других и в учебе и в поведении.

— Можешь собираться, Семен, — сказал Никита Да-нилович. — Вот тебе справка, что находился ты на ле-чении.

— А шмутки мои где?

— Что за шмутки? — переспросил доктор, насмеш-ливо глядя на Семена.

— Ну, барахло, тряпки, значит, — пояснил Сенька.

— Зачем же ты так, при учительнице-то? «Шмутки, тряпки, барахло». Одежда, видимо? Поэту, брат, нельзя засорять великий русский язык всякими жаргонными словечками, учти!

— Мы принесли тебе новый костюм, Сеня, — сказа-ла Елена Николаевна. — Андрей Иванович тебе при-слал. У санитарки возьми.

— Спасибо, — сказал Залетаев. — А старое барахло все одно пригодится, на работу же нужно. Я пойду, док-тор.

— До свидания, — сказал вслед Никита Данилович.

Залетаев спохватился, что не поблагодарил доктора и, повернувшись, сказал:

— Спасибо за лечение, Никита Данилович! Сами тут не хворайте.

— Благодарю за хорошее пожелание, Семен, — добродушно улыбаясь, кивнул врач. — Жду новых стихов!

Залетаев переоделся, оглядел себя в зеркале и, видимо оставшись довольным, вышел на крыльцо.

Он никак не ожидал, что встречать его пришла большая группа ребят и девочек. Увидев их, Семен даже растерялся. Впереди всех с букетом белых астр стояла Соня Касаткина. Рядом с ней сиял конопатой физиономией Волька Бесфамильный, и уж чего никак не мог предположить Залетаев — неведомо откуда взялся Ленька Бреднев и Мишка Копырин, которого Сенька сразу узнал.

Мишка взмахнул газеткой, свернутой в трубочку, и два десятка колонистов дружно крикнули:

— Нашему поэту, ура!

От такой кем-то организованной парадной встречи Сенька чувствовал себя явно не в своей тарелке, хотя приход ребят, если уж откровенно признаться, был для него приятен.

Приятно было потому, что они не забыли его. Но Сенька не знал, что организатор встречи стояла сзади него и внимательно наблюдала за всем происходящим.

Сенька не успел сойти вниз, как Соня Касаткина быстро взбежала по ступенькам крыльца, как велела ей Елена Николаевна, но вместо того, чтобы преподнести Залетаеву букет цветов, она ткнулась ему головой в плечо, а потом повисла у него на шее. Ребята громко захохотали и вторично крикнули «ура», видимо адресованное теперь Соньке.

В колонию шли гурьбой, наперебой хвалили понравившиеся стихи, спрашивали, не сочинил ли Сенька других. Залетаев глупо улыбался, волновался от столь незаслуженного внимания. Стихов новых он не написал и не знал, сможет ли когда-нибудь написать хотя бы еще одно стихотворение, чтоб оправдать надежду своих поклонников. Возглавляя шествие по большой дороге, Василий Шмыга с большим чувством и душевным подъемом пел и играл на гитаре, а колонисты подпевали:

...Пусть меня называют все вором,
Ты сыночком меня назови.

ГЛАВА СЕМНАДЦАТАЯ

Договорившись с руководством совхоза о предоставлении квартиры для агронома Заботина, Рассветов освободил под учительскую большую комнату, обставил все столиками, стульями, перенес из своего кабинета кожаный диван, поставил вешалку, а на стены повесил картины известных и неизвестных художников, переданные совхозом в дар колонии.

Новая учительская оказалась удобной: она находилась на первом этаже напротив канцелярии, дверь из коридора вела прямо в учебный корпус, а окна уютно смотрели в сквер с сиренью и акацией, огороженный стеной пирамидальных тополей.

Извекова и Щеглова, придя с уроков, сели за столик у окна, продолжая начатый разговор.

— Мой сухарь,— имея в виду своего мужа, сказала Извекова,— окончил коммерческое училище и математический факультет учительского института. Некоторое время он работал в гимназии, преподавал физику и математику, но, слава богу, понял, что учительским трудом капитала не наживешь. Тогда он, по моему настоянию, поступил на службу к моему дяде, в качестве поверенного в делах по коммерческой части. Впрочем, вас это, видимо, не интересует, милочка? Вы ведь, кажется, из мещан?

— Отец мой был военным, служил у генерала Брусилова и погиб как патриот России! — ответила Щеглова, почувствовав в вопросе высокомерие и обидную снисходительность.

— Все мы патриоты, дорогая,— сказала Ирина Васильевна,— но каждый из нас переживает трагедию революции по-своему. Мы с Сергеем Александровичем вернулись из-за границы к разбитому корыту: ни дяди, ни знакомых, ни денег! Последняя ставка была на близких людей в Хвалынске, но и тех словно ураганом унесло отсюда. Теперь мы с вами в одинаковом положении, милочка. У вас даже есть преимущества: вы молодая, хорошенькая, никакого прошлого у вас нет! Вы можете выйти замуж и быть счастливой. А я вся в несостоявшемся прошлом! Мне даже страшно: я плыву по течению и ничего уж не могу изменить в своей судьбе. Это ужасно!..

Щеглова хотела возразить Извековой, но раздумала. «Напрасно вы рассчитываете на сочувствие,— говорили ее наивные чистые глаза, смотревшие на дочь бывшего фабриканта.— Вы потеряли то, что вам никогда не принадлежало!»

Открылась дверь, и в учительскую вошли Заботина, Рассветов, Извеков и Звездин.

— Что творится у вас на уроках, Трофим Титыч? — сердито спросил Извеков.

— А что? Что-нибудь не так делаю?..— насторожился Звездин.

— Что вы там делаете — я не знаю, но после вашей литературы совершенно невозможно заниматься! — возмущаясь, сказал Сергей Александрович.— Учащиеся или подавлены, или возбуждены до предела! Я имею несчастье заниматься с ними математикой после вас и, чтобы настроить их на работу, трачу на это четверть часа!

Заведующий колонией и учителя, заинтересовавшись разговором, молча сели за стол, стоявший посредине учительской. Звездин, недоуменно пожав плечами, сказал:

— Что делать, Сергей Александрович? Такой уж народ, эти ребята! Я учу их выразительному чтению художественных произведений. Предусмотрено программой.

Извеков, ревностно относясь к своему предмету, математику считал основой всех наук и в ответе Звездина почувствовал некое бахвальство. Из опыта работы в гимназии Сергей Александрович знал: учащиеся обычно шумят на уроках учителей, не владеющих методикой преподавания своего предмета, с этим и связывал вольность колонистов на уроках Звездина. Но Трофим Титыч на поведение учащихся не жаловался, скорее, наоборот — он был доволен своими классами!

— Читайте, пожалуйста, ваши произведения во внеурочное время, не возражаю,— раздраженно сказал Извеков.— От ваших художеств страдает математика!

— Вы, Трофим Титыч, не обращайте внимания, что тут наговорил вам Сергей Александрович,— заступилась за Звездина Ирина Васильевна.— У вас учащиеся ведут себя на уроках нормально, а Извеков зимой и летом одним цветом — сухарь сухарем, он вечно чем-нибудь недоволен! Не человек, а ходячие правила математики.

Все, кроме Извекова, рассмеялись. Сергей Александрович не одобрял болтовни жены, но, убедившись, что избавить ее от этого порока уже невозможно, махнул рукой и, во избежание семейных скандалов, не позволял себе делать ей замечания на людях.

— Я, конечно, понимаю, что Ирина Васильевна шутит,— дипломатично сказал Рассветов.— И все же согласен с тем, что скучный учитель вряд ли может нравиться ученикам?.. Я не одобряю скоморошничества на уроках, но решительно выступаю против скуки!

— Извините, Андрей Иванович,— сказал Извеков,— но классная комната все-таки не сцена, а урок не театральное представление!

— Разумеется,— согласился Рассветов.— Но разве не в классе, не на уроках формируются будущие мастера сцены, поэты, музыканты и, наконец, просто хорошие люди?.. Можно спорить о методах обучения, о тех или иных педагогических приемах, но главное — это достижение поставленной цели! Давайте совместно с вами, как с моим заместителем по учебной работе, походим на уроки к Трофиму Титычу, и, я надеюсь, мы найдем приемлемое решение. Вы не возражаете против этого, Трофим Титыч?

— Буду рад, Андрей Иванович! Я хорошо понимаю, что мне нужна помощь, и я от нее не отказываюсь.

— Просьба к вам такая: ведите уроки так, как вели их до сего времени, не обращая ни малейшего внимания на наше присутствие. Что вы изучаете сейчас в шестом классе?

— Заканчиваем «Ревизора».

— Благодатный материал! Мы с удовольствием послушаем ответы учеников, ваше чтение комедии и попробуем определить восприятие и реакцию наших воспитанников.

— Восприятие у них своеобразное, Андрей Иванович! — сказал Трофим Титыч.— Многие считают, что подлость, воровство, взяточничество — это такие явления в обществе, без чего оно никогда не жило и жить не будет! О Хлестакове, например, они говорят, что парень он ничего, только взятки берет несмело и помалу, а таких дураков и мошенников, как вся эта компания во главе с городничим, надо обдирать как липок! Я, конечно, разъясняю, что Хлестаков — тот же плут и проходимец, живущий, к сожалению, и в наши дни. На что

Миша Копырин при
фим Титыч, я обяза
Учителя, а вмест
Рассветов хохотали
шил даже Извекова.
Когда смех зати
— Вот это «ничт
его?! Сколько же
Удивительно!
— Без юмористо
выносимо скучной! —
— Да, но такие
внимания,— напомн
очень чувствительны
— Копырин — м
не сорвется, толков
щем! В хорошую б
ситетское дать!
— А «ничтяк» —
обозначает?.. Так,
надо вести серьезну
Титыч тут не справ
теля, на что обраш
дите мимо, поправ
достойно культурно
вогоднего концерта
— Мне трудно
я предъявляю сли
что передо мной не
на Николаевна ска
— Ребята очен
рдевшись и глядя
ми, ответила Щегл
выучить их наизус
пьесу не так слож
а Трофим Титыч о
саткину, а другим
Дайте образ, чтобы
— Если Трофи
есть, спорить с ни
еще раз подумал в
ее на работу.— Ну
ваются! — И лицо

Миша Копырин при всем классе заявил: «Ничтяк, Трофим Титыч, я обязательно поймаю его!»

Учителя, а вместе с ними и заведующий колонией Рассветов хохотали до слез. Рассказ Звездина рассмешил даже Извекова.

Когда смех затих, Андрей Иванович сказал:

— Вот это «ничтяк!» Как же он собирается поймать его?! Сколько же юмора и фантазии у этого парня!.. Удивительно!

— Без юмористов и фантазеров жизнь была бы невыносимо скучной! — сказал Звездин.

— Да, но такие ребята требуют к себе и особого внимания,— напомнил Рассветов.— Как правило, они очень чувствительны.

— Копырин — математик,— заметил Извеков.— Если не сорвется, толковым инженером может стать в будущем! В хорошую бы семью его да образование университетское дать!

— А «ничтяк» — это что же, «ничего» или «хорошо» обозначает?.. Так, что ли? — спросил Рассветов.— Нам надо вести серьезную борьбу с жаргоном! Один Трофим Титыч тут не справится, дело это общее, товарищи учителя, на что обращаю ваше особое внимание. Не проходите мимо, поправляйте, внушайте ребятам, что это недостойно культурного человека. А как с подготовкой новогоднего концерта и пьесы, Трофим Титыч?

— Мне трудно судить, Андрей Иванович! Возможно, я предъявляю слишком высокие требования, забывая, что передо мной не студийцы? Да вот пусть лучше Елена Николаевна скажет.

— Ребята очень стараются, Андрей Иванович,— зардевшись и глядя на Рассветова влюбленными глазами, ответила Щеглова.— Роли мы переписали и решили выучить их наизусть! Даже знать на память целую пьесу не так сложно, трудность в другом. Я довольна, а Трофим Титыч одного Хвостикова хвалит, иногда Касаткину, а другим говорит: «Надо работать и работать! Дайте образ, чтобы я поверил вам!..»

— Если Трофим Титыч говорит, значит, так оно и есть, спорить с ним мы не можем,— сказал Рассветов, еще раз подумав в этот момент, что он не ошибся, взяв ее на работу.— Ну, я чувствую, что дела у нас налаживаются! — И лицо заведующего засветилось радостью.

— Надо бы приобрести струнные инструменты, Андрей Иванович,— предложил Звездин.— Сколько ребят мы приобщим к искусству! Это же здорово!

— Вполне согласен с вами, Трофим Титыч, дайте срок, обязательно купим! — пообещал Рассветов.— А вот пианино наше из центрального здания усадьбы сегодня же привезите и поставьте в учительской. После уроков здесь можно и репетиции проводить.

— Я не против музыки, Андрей Иванович, но хочу заметить: там, где сдят не досыта, думают прежде всего о хлебе, а не о музыке,— в шику сказал Сергей Александрович.

— Человек — выше сытости!.. — театрально произнес фразу из пьесы Трофим Титыч.

— В некоторых случаях, возможно, и выше,— посмотрев на свои карманные часы, сказал Рассветов,— а обедать все же надо! Никого не задерживаю.

Учителя стали расходиться.

Жизнь колонии шла своим чередом, по своим и писаным и неписаным законам, и не всегда так, как хотелось бы.

Много было огорчений и очень мало радостей не только у Рассветова, но и у сотрудников. И все же надо было жить, работать, решать задачи со многими неизвестными, какие никогда прежде никем еще не разрешались. Единственное удовлетворение было оттого, что решались эти задачи во имя обездоленных детей и подростков, во имя новой жизни и нового человека!..

На этой же неделе Рассветов и Извеков посетили урок литературы в шестом классе. Звездин начал урок с повторения сцен из «Ревизора», прочитанных на предыдущих занятиях. На поставленные учителем вопросы охотно отвечали Шадрина, Касаткина, Копырин, Шмыга. Ответы ребят понравились и Рассветову, и Извекову.

Сделав некоторые замечания по ответам ребят и краткое обобщение, Трофим Титыч начал читать заключительную сцену: «...Во-первых: городничий — глуп, как сивый мерин...» При этих словах Звездин скроил такую физиономию, изображая почтмейстера, читавшего письмо Хлестакова, что класс грохнул от смеха. Затем он изо-

бразил городничего и его реакцию на прочитанное: «Не может быть! Там нет этого»,— и вот перед классом стоял живой городничий. У колонистов от смеха тряслись плечи, а девочки буквально захлебывались от смеха. Рассветов и Извеков хохотали вместе с учениками.

Когда класс несколько успокоился, Вася Шмыга бросил реплику:

— Точно написано, Трофим Титыч! Городничий, я думаю, здорово похож на нашего беззубого мерина Буксира. Только пусть Буксир не обижается на меня!

И вновь класс покатился со смеху. А потом произошло нечто необычное.

К удивлению Рассветова и Извекова (ученики к этому привыкли и уже не удивлялись), Трофим Титыч закрыл книгу, положил ее на стол, чтобы она не мешала ему, и, начиная с монолога городничего, прочитал, а точнее сказать, сыграл финал бессмертной комедии на память.

Извеков позабыл, что перед началом урока дал себе слово критически подойти к работе Звездина, ход урока записать, и уж, конечно, никак не думал, что позволит себе хохотать вместе с ребятами.

Когда Звездин закончил урок и, уставший, опустился на стул, вытирая со лба выступивший пот носовым платком, колонисты встали с мест, долго и бурно аплодировали своему учителю.

От души хлопал в ладоши и Андрей Иванович, он был доволен и уроком, и ребятами, и Звездиным, сумевшим с блеском показать свои незаурядные способности актера-преподавателя.

— Что скажете, Сергей Александрович? — спускаясь по лестнице со второго этажа обратился он к своему заместителю.— Я хочу услышать от вас объективное мнение.

— Ничего подобного не ожидал,— искренне признался Извеков.— Кроме как молодец — ничего не скажу! Я хотел записать ход урока и — ничего не записал! Ему, знаете ли, место в столичном театре, а не у нас в колонии. Талант артиста пропадает!

— Я очень доволен вашей оценкой, Сергей Александрович, но место Звездина — в школе! Ему надо помочь и обязательно удержать у нас! Если бы во всех наших школах были такие преподаватели литературы, другим учителям наполовину легче было бы работать. Никакой

беды нет в том, что уроки Трофима Титыча не похожи на обычные наши уроки, к каким мы привыкли, и, право же, ничего не нахожу предосудительного в том, что мы с вами вместе с ребятами аплодировали ему. За этот урок, я думаю, он устал больше, чем мы с вами устаем за три урока. Колоссальное напряжение — на лбу пот градом выступил! Для нашей колонии Звездни просто находка! Когда же начнет работать наш театр, мы покорим всю округу.

Извеков не ответил. Он думал о том, что счастлив тот учитель, которому когда-нибудь удастся заслужить такую любовь учеников к себе и к своему предмету, какую в короткий срок заслужил Трофим Титыч Звездин.

ГЛАВА ВОСЕМНАДЦАТАЯ

В первых числах декабря, взламывая и раздвигая звенящий лед, в Алексеевский затон вошли последние пароходы и баржи, встали на зимовку. Вьюжило. В какие-нибудь три дня побелели поля, замело дороги, ударили первые настоящие морозы и окончательно установился санный путь.

В это время колония своими силами начала вывозить дрова, выделенные ей лесхозом.

Матвей Хохлов, в виду крайней необходимости, с разрешения заведующего колонией и совета бригадиров, организовал временное звено из четырех добровольцев-плотников Хромова, Трапцеева, Шмыги и Копырина, которые срочно начали мастерить дровни, ибо все совхозное старье развалилось за две-три поездки в лес.

— Не зря старики говорят: телегу готовь зимой, сани летом! — ворчал Матвей, выдалбливая в полозе ячейку.— Да разве с вами кашу сваришь, вы же дворянского сословия, лентяи!

— Дворяшки у нас на всю колонию один — Васька, да и тот Шмыга,— сказал и засмеялся Мишка Копырин, — а все остальные люмпен-пролетариат. Нам, дядя, простительно, мы летом другим делом занимались, а вот ты чего все лето требуху свою отращивал? Брюхо-то вот-вот лопнет от жира!

— На вашем пайке отрастишь брюхо,— возразил Мотька.— Последние жилы повытягиваете, не токмо дадите жиру завязаться.

— Паек что надо, на девок меньше заглядывать ста-

нешь, — сказал Хр
ное место.
— Да я на ваш
ся Хохлов, окинув
Самая сурьезная д
первости, Ленка Ш
зя хуже! А об оста
ли бы у этой само
ведь. Так нет же,
гах щеголяла да в
язя, ну в этих сам
прикрыть — вот и
выше колен на це
ти, тьфу!
Зная, что Мать
дание юбок, при
живали его. Хохло
лись со смеху.
— А Нюрага
На сеновал-то она
дит?..
Мотька гыкнул
рив плутоватые гл
сказал:
— Нюрага нич
вата, да с лица
ниться.
— Губа у тебя
га, заговорщицки
бычка, тебя молоч
ла на кухню мало
— Ну, это ты
вей, исподлобья гл
в рот не беру, оно
— Не берешь,
Мишка Копырин.
— Ох и ушлый
сколько растерялс
— Чего приста
крикнул на колон
пьет, я точно зна
последнее время о
Колонисты, пре
вей, сгоряча броси

нешь,— сказал Хромов, зацепив Мотьку за самое больное место.

— Да я на ваших девок начхать хотел! — рассердился Хохлов, окинув вспыхнувшим взглядом Хромова.— Самая сурьезная девчонка у вас, которую я уважал по первости, Ленка Шадрина, но и та избаловалась донельзя хуже! А об остальных и говорить нечего. Ладно, ежели бы у этой самой Ленки надеть нечего было, но есть ведь. Так нет же, она, бесстыдница, летом в одних трусах щеголяла да в энтих... как их?.. Позабыл, мать честная, ну в этих самых... что кобыла в шлее. Срам нечем прикрыть — вот и вся одежда на ней. А то в юбчонке выше колен на цельную четверть, и ни стыда ни совести, тьфу!

Зная, что Матвей судит о девичьей скромности по длине юбок, при всяком удобном случае ребята подзуживали его. Хохлов чертыхался, а колонисты покатывались со смеху.

— А Нюрага Лапшинова? — не отставал Хромов.— На сеновал-то она за сеном для своего Шарика приходит?..

Мотька гыкнул с ребятами вместе, а потом, прищурив плутоватые глаза и ухмыляясь в рыжую бородищу, сказал:

— Нюрага ничего, работящая баба. Малость рябовата, да с лица не воду пить, можно, пожалуй, и жениться.

— Губа у тебя не дура,— поддержал Хромова Шмыга, заговорщически подмигнув ребятам.— Лапшинова, что бычка, тебя молочком отпаивает. Оттого, видно, и масла на кухню мало дают?

— Ну, это ты брось, Василий! строго сказал Матвей, исподлобья глянув на Шмыгу.— Я вашего молока и в рот не беру, оно полынью горчит.

— Не берешь, а вкус знаешь! — прыснул со смеха Мишка Копырин.

— Ох и ушлый ты парень, как я погляжу? — несколько растерялся Матвей, поняв, что сказал не то.

— Чего пристали к человеку?! — нарочито грозно прикрикнул на колонистов Хромов.— Молоко Матвей не пьет, я точно знаю, два года мы вместе работаем. За последнее время он на сливки перешел!

Колонисты, прекратив работу, начали хохотать. Матвей, сгоряча бросив инструмент, вскочил на ноги.

— Что ржете, жеребцы стоялые?! — закричал он, размахивая руками и потрясая бородищей.— Работайте, а не то дрын возьму да и огрею, скалозубы трекляты! Андрей Иванович узнает про ваши паговоры — взаправду могет подумать!

— Дрейфишь, дядя Матвей? — сквозь смех спросил Копырин.

— Не шибко боюсь, а разговоры таковские ни к чему. Мне вашего ничего не надо!

— Ладно, Матвей, шуток не понимаешь? — примирительно сказал Хромов.— Я тоже зарплату получаю, и живем мы с тобой в одной комнате, а от колонистов я себя не отделяю. А ты вроде чужака. «Вашего не надо», «Молоко в рог не беру». Вспыль ты все! Ты же в колонии и живешь, и работаешь, значит, в коммуне, где все общее. Внеси за питание деньги в кассу и кушай в нашей столовке.

— Нет, милачок! Ты как хошь, а я покуда не собираюсь в колонию переходить. Я — наемный, у меня жалованье, как и у людей! Дружба дружбой, а табачок врозь! Заведующий ваш, Андрей Иванович, как-то говорил мне, что вот, мол, настанет такое время, когда денег не будет, а рабочих и крестьян и семьи их все бесплатно будут кормить, одевать, обувать и другое там. Согласен, мол, ты работать на таких условиях?.. Я напрямки рубанул ему: не согласный! Без денег разве жизня?!

— Куркуль ты, а не служащий колонии! — сказал Хромов.— В нэпманы метишь?

— Рад бы в рай, да мошна тонка! Вот сколочу малость деньжонок — в Селитьбу уйду. Обзаведусь хозяйством, тогда они попляшут вокруг меня: и отец, и братья, и зятья! А женину родню — всех в бараний рог согну!— Мотька, сжав тяжелый кулак, так крутанул им, что ни кто из ребят не усомнился — согнет до земли, удавит и не пожалеет.— Я им припомню: и телушку, что вместо коровы в приданое подсунули, и пару сосунков-поросят, вместо свиньи, и прочее кое-что...

— Давай, давай, а потом мы придем требушить тебя! — пошутил Мишка, озорно поглядывая на Мотьку.

— А вот это — видишь? — Мотька показал кукиш.— Глотку перерву, а свое не отдам! Костьми лягу, только тогда мое добро заберете. Тебе вот шестнадцатый годок, ты о хозяйстве и понятия не имеешь. А меня в твою

пору отец женил, и х
путя у нас с вами ра
власть дарма все дае
ровенку вырастить,
весть, ну и другое
чего щеришься?..— М
рина.— Когда женил
раки зимуют! Век ж
шешь.

— Я и не собир
семь классов и на аст
— Какой из тебя
Землю-матушку, ее
что из меня лоцман,
— Не агроном,—
торый звезды считает
— На это ты гор
никуда не годишься,
ребята тебя так зову
поры без тебя звезды
— Да ты понима
это ученый человек,
Солнце, Луну, Венер
Может, я на Луну п
про ихние порядки...
— Валяй, валяй
ка.— Сопрешь там ч
вверх тормашками!
— Ты, Матвей, п
пился за Копырина
завязано. Сам-то ты
тебя Ломако за шив
нить?

Мотька крякнул
начал строгать полоз
— Что было, то
поднимая глаз, сказ
Через полчаса т
сосредоточенно дела
пей Хохлов, продолж
те Мишки Копырина
— Вот Семен З
будет. Подумать тол
Уже сейчас, считай,

пору отец женил, о хозяйстве думать заставил... Так что путя у нас с вами разные. Вам, голодранцам, Советская власть дарма все дает, а мне лошадку купить надо, коровенку вырастить, поросенка выкормить, овчишек завесть, ну и другое прочее по хозяйству требуется. Ты чего щеришься?..— Мотька строго посмотрел на Копырина.— Когда женишься, запоешь лазаря, узнаешь, где раки зимуют! Век же в колонии околачиваться не станешь.

— Я и не собираюсь,— ответил Мишка.— Закончу семь классов и на астронома учиться пойду.

— Какой из тебя агроном? — не понял Матвей.— Землю-матушку, ее любить надо! А из тебя агроном, что из меня лоцман, сразу на мель сядешь.

— Не агроном,— поправил Мишка,— астроном, который звезды считает. Понял?

— На это ты горазд!..— заржал Мотька.— Больше никуда не годишься, ей-богу, правда! Не зря, выходит, ребята тебя так зовут: «Звездочет»! Это что же, до сей поры без тебя звезды не могут сосчитать?!

— Да ты понимаешь, чучело бородатое, астроном — это ученый человек, который изучает миры разные — Солнце, Луну, Венеру! — вспылил Мишка Копырин.— Может, я на Луну полечу, к другим людям, узнаю там про ихние порядки...

— Валяй, валяй,— продолжал потешаться Мотька.— Сопрешь там чего-нибудь и спихнут тебя оттудова вверх тормашками!

— Ты, Матвей, прошлой жизнью нас не кори,— вступился за Копырина Хромов.— Воровское дело крепко завязано. Сам-то ты тоже гусь лапчатый! Позабыл, как тебя Ломако за шиворот брал?.. Может, все-таки напомнить?

Мотька крякнул и, нагнув бычью шею, ожесточенно начал строгать полоз.

— Что было, то было. Я так, к слову пришлось,— не поднимая глаз, сказал он.— Не в укор вам сказал.

Через полчаса тягостного молчания, когда каждый сосредоточенно делал свое дело, первым заговорил Матвей Хохлов, продолжая размышлять о несбыточной мечте Мишки Копырина полететь на Луну.

— Вот Семен Залетаев — другое дело, с него толк будет. Подумать только: за три месяца машину изучил! Уже сейчас, считай, самостоятельно машинистом рабо-

тает. Или Сашка Кострюков, сменщик его,— золотая голова!

— Залетаев стишки писать мастак,— сказал малоразговорчивый Транцеев.— Машинистом-то каждый может научиться, я тоже могу, а стишки сочинять не каждый сумеет.

— Стишки — ни к чему,— перебил Матвей.— Пустозвонство никакому умному человеку не надобно. Машинист — это да!

— Что машинист? Ну, что?! — возразил Василий Шмыга.— Мишка правильную думку имеет: полететь на Луну, на другие планеты — это геройство!

— На чем поедешь, Мишаня?..— спросил Мотька, насмешливо глядя в отчаянные глаза Копырина.— На нашем беззубом мерине? Так ему в обед сто лет, до лесу не доедешь, как он подохнет! А с Сорокой или с Трояном расставаться мне жалко. Но ежели шибко охота, Буксира бери, шут с ним!

— Чудак ты, дядя Матвей! — повеселел Мишка.— Ты бы хоть книжонки кое-какие читал, темноту свою малость ликвидировал. На Луну, по-твоему, на лошади можно заехать?.. Эх ты, Селитьба! А еще умным человеком себя считаешь. «Спихнут оттудова вверх тармашками!» Да знаешь ли ты, что с Луны, как и с Земли, спихнуть ничего не возможно, потому что она имеет собственное притяжение!

— Ты ходил по Луне-то, «притяжение»?..

— Не ходил, но пойду! — запальчиво сказал Копырин.— Обязательно пойду!.. А про все про это нам Сергей Александрович объяснял на уроке.

— Чудно! — потряс рыжей бородой Мотька, уверенный, что Мишка привирает.— Может, на такой тарелке и жить можно? Не говорил он?

— Ты что, дядя Матвей, вообще не понимаешь или прикидываешься?.. Какая же это тарелка? Когда ты смотришь издали на футбол или на большой шар, другая сторона видна тебе?.. Нет! Так и у Луны мы видим всегда одну сторону в виде диска. А она меньше Земли всего в четыре раза! Огромная она, понял?.. Можно жить там или нет — пока никто не знает, надо слетать на нее и узнать. Пушку надо делать такую и снаряд, в который человек залезть может, и чтоб из пушки из этой выстрелить тем снарядом по направлению к Луне. Понял?..

— И чему только вас учат! — с укоризной сказал Матвей.— Ты про вавилонское столпотворение слыхал? Нет?.. Так послушай, может, поумнеешь. Собрались в городе Вавилоне такие вот умники, вроде тебя, и сговорились они построить башню, да такую, чтоб на небо залезть!.. Начали строить. Все шло ничего, и уж отгрохали ее было такую, что и верхушку с земли чуть видать. Бог глянул, что к нему, не спросясь, лезут, взял да и смешал язык ихний. Они говорят, кричат промеж себя, а понять друг дружку не могут, всяк по-своему тарабанит. Бросили они свою башню и с перепугу разбежались кто куда, в разные стороны. С той поры и пошло многоязычие на земле. Так-то! Супротив бога, ежели он не дозволит, человек ничего не может!

— Ох и силен ты брехать, дядя Матвей!—сказал Шмыга, заканчивая заготовку накладок на полозья.

— Не брешу я, а так в Библии сказано,— возразил Мотька.— Точно!

— Выходит, красть поросят в совхозе бог разрешает, а башню строить не разрешил? — съязвил Хромов, насмешливо глядя на Хохлова.

— Бог-то бог, да сам не будь плох! — засмеялся Матвей. Он явно не хотел вступать ни в спор, ни тем более в конфликт с Хромовым, который знал все его мошеннические проделки в совхозе наперечет.

— Ладно, книжку приволоку тебе, — пообещал Мишка.—Прочитаешь, а потом потолкуем.

— Принеси, погляжу на досуге,—согласился Матвей.

Закурив папиросу и мечтательно глядя в сторону затона, где на стапеле красовался буксирный пароход «Шквал», сверкая свежей желтой и голубой краской, Василий Шмыга сказал:

— Вскроется весной Волга, пойду на этот пароход матросом. Землю пахать меня не тянет, а вот баржи водить по Волге — другое дело. Гляжу на пароходы и думаю: счастливые люди на них работают! Сколько разных городов они видят, людей всяких, и везде встречают их с уважением. Даст пароход гудок, а у меня сердце обрывается, так бы и убежал поглядеть, как матросы чалки на пристань кидают...

Василий Шмыга, сочиняя будущую свою жизнь, говорил настолько вдохновенно, что возразить ему никто не решился: тонкие губы его нервно вздрагивали, лицо

побледнело, а васильковые глаза, чистые, как промытое дождем весеннее небо, светились вспыхнувшими звездочками.

— Ты, Василий, Трапцеева возьми с собой, он тоже пахать не любит,— сказал Матвей.

— Мы уже узнавали,— вместо Шмыги ответил Трапцеев.— На «Шквал» весной новую команду будут набирать, я тоже пойду.

— Кем же?— усомнился Матвей, недоверчиво поглядев на Степана.

— Масленщиком или кочегаром могут взять. Слабаков туда не принимают, а я здоровый.

— Силенка у тебя есть, ничего не скажешь,— подтвердил Матвей,— только расторопности в тебе маловато. А кочегаром знаешь какая работа? Ого, брат!..

— Знаю,— недовольно буркнул Трапцеев.— Землю пахать, навоз возить на беззубом мерине расторопность и не нужна, а кочегарить — другое дело! Как, Васек, в песне-то поется?

Шмыга, поддерживая друга, тихонько напел:

Дверь толчком привычным отворил,
И пламя его озарило...

— Понял, борода? Даже песню сочинили про кочегара! А ты как был хомутом, так им и останешься,— сказал Трапцеев.

— Всякому свое, мил человек,— не стал возражать Матвей Хохлов.— Кому пароход, кому лошадку, плужок да земельку-кормилицу. Мне твой пароход и даром не надо, а вот коня доброго, сбрую, пятистенник новый срубить — лучшего и желать нечего. По теперешней жизни, как обзавелся хозяйством — ты уже человек! Едешь по селу на дрожках, а мужики в пояс тебе кланяются: «Здравия желаем, Матвей Анисимович! Как поживаете, Матвей Анисимович?» А я что, вот он я — весь на виду, хозяин, еду хлеба смотреть! И полное к тебе уважение. Да... Выехал в поле, кругом, знаешь, тепло, пичужки разные поют, кузнечики на лугу стрекочут, сурки посвистывают... А вечерком от нечего делать в ночное с мужиками подался. Лежишь себе под теплым чапаном, смотришь на звезды, а рядом кони траву хрумкают, и ты уже по фыркалью угадываешь: мой конь! Соображаешь: «Пить, видно, хочет Серко?» Встанешь

путы снимешь с него, поведешь к роднику... Луга под луной сине-синие, тишина, и так-то хорошо, что живи ты хоть тыщу лет и помирать не надо!..

Долго толковали они, мечтая о будущем житье-бытье. И только Владимир Хромов слушал разговоры товарищей, улыбался и помалкивал. Была на то у Хромова особая причина...

Владимир пользовался безграничным авторитетом у всей колонии. Его знали, считались с ним и алексеевские парни, и молодые матросы с зимовавших в затоне судов. Несмотря на небольшой рост, Володька обладал дьявольской силой, ежедневно занимался гимнастикой, отчаянно работал на турнике и на кольцах, вызывая зависть у ребят и восхищение у девочек.

В шестнадцать лет попал Володька Хромов в банду анархиста Плясункова, грабившую низовье Волги, научился владеть шашкой, метко стрелять из винтовки и нагана, без промаха кидать финский нож. Когда же банду перебили, а самого Плясункова с частью бандитов доставили в штаб Семена Михайловича Буденного, Володьку Хромова, как несовершеннолетнего пацана, командарм освободил от расстрела и отпустил под честное слово. После этого около двух лет скитался Володька по разным городам, сидел в тюрьме и бежал, находился в одной из колоний для несовершеннолетних правонарушителей и — тоже бежал, наконец, когда ему все осточертело, он, по его выражению, «завязал свое прошлое удавкой», прижился в алексеевском совхозе... И вот, заместитель начальника уголовного розыска Решетилов, посетив вторично колонию, поговорил наедине с Рассветовым, потом вызвал Хромова на беседу. Разговаривали, казалось, на самые отвлеченные темы, и вдруг Решетилов предложил Хромову работать в уголовном розыске.

Владимир Хромов, бывший карманник по кличке Малютка, известный воровскому миру многих городов Поволжья, смутился от такого предложения, начал отказываться, но Рассветов обезоружил его, сказав, что кандидатура вполне подходящая и что он, заведующий колонией большевик Рассветов, поручается за него. По просьбе Решетилова Рассветов тут же сочинил на Хромова характеристику, а Владимир Николаевич Хромов собственноручно написал заявление о принятии его на работу в уголовный розыск...

ГЛАВА ДЕВЯТНАДЦАТАЯ

Накануне нового года Владимир Хромов, направляясь из Хвалынска в Саратов в качестве сотрудника губернского уголовного розыска, заехал в Алексеевскую колонию. Одет он был в новенький полушубок военного образца, из-под которого выглядывал воротник защитной гимнастерки, синие галифе, яловые сапоги, а на голове кубанка с красным верхом и пятиконечной звездой на серой мерлушке.

Отпустив кучера, который вез его только до Алексеевки, Хромов сначала направился в девичью комнату колонисток и, пробыв там не более четверти часа, пошел к заведующему колонией на квартиру.

Рассветов обрадовался встрече, пригласил гостя раздеваться и проходить в комнату. Хромов смущенно потоптался у порога и, краснея, сказал:

— Спасибо вам, Андрей Иванович, что поручились за меня, но я перед вами здорово виноватый.

Рассветов удивленно посмотрел на Хромова, спросил:

— В чем же? Что-то особых грехов я за тобой не замечал.

— Честно говорю, Андрей Иванович, крепко провинился я, — краснея и по-прежнему стоя у порога, говорил Хромов.

— В таком разе выкладывай, Владимир Николаевич! Да ты проходи, садись,— повторил приглашение Рассветов.— Чего вдруг застеснялся? Если считаешь нужным, говори все, что наболело, а если не столь важно — можешь не сообщать, я не из любопытных и не из злопамятных.

Хромов, не снимая полушубка, прошел в комнату, сел на предложенный стул, помолчал, обдумывая, с чего и как начать разговор, и, собравшись с духом, выпалил вдруг:

— Я еду на постоянную работу в губернский уголовный розыск, разрешите забрать с собой Шадрину?

— Не понял: как забрать? — спросил Рассветов.

— Мы решили пожениться,— невнятно пролепетал последнее слово Володька.— Любовь у нас с ней...

— Я уважаю тебя, товарищ Хромов,— присаживаясь к столу, ответил Рассветов,— но дать согласие на твою женитьбу на Лене Шадриной не могу. Здесь что-то ты

не продумал. Она несовершеннолетняя, ей еще и шестнадцати нет.

Не смея посмотреть в глаза заведующего колонией, весь внутренне сжавшись, отчего на лбу его появилась испарина, Владимир Хромов вынужден был сделать откровенное признание:

— Я люблю ее, Андрей Иванович, и у нас должен быть... ребенок.

— Как?! — изумленно глядя на Хромова, спросил Рассветов, явно растерявшись.— А ну, повтори!

— Поэтому я и заехал... и пришел к вам, Андрей Иванович,— бледнея, сказал Хромов.— Не мог я скрыть и в ваших глазах подлецом оказаться! Честно говоря, что будет у нас ребенок, я только сейчас узнал, как встретились...

Если бы прогремел пушечный выстрел и в окнах комнаты вылетели сейчас все стекла — это меньше бы оглушило Рассветова, чем те слова, которые он услышал от Хромова.

— Выходит, ты признаешь, что ты отец ребенка? — вспылил Рассветов, резко поднявшись из-за стола и громыхнув стулом.— Отвечай!

Хромов вскочил, руки по швам, не знал, что и как отвечать.

— Да разве любовь в том заключается, чтобы девушку соблазнить? А?! Да она еще и не девушка, а несмышленыш! У тебя голова или болванка на плечах?!

— Виноват я, Андрей Иванович! Что теперь делать? — бормотал Володька, не поднимая глаз.— Я не брошу ее, честное слово!

— Еще этого не хватало, чтоб бросил! — продолжал негодовать Рассветов.— Ну и дела!.. Ты же дедом сделал меня, а я, в тридцать два года, и жениться еще не успел. Любовь, значит? Ну и ну!.. Не ты меня, а я вынужден тебя спросить: что теперь мне делать?..

— Разрешите взять ее из колонии?

— Не разрешил бы, ни в коем случае не разрешил, да деваться мне некуда! Что же она говорит? Согласна она выйти замуж за тебя?

— Конечно согласна. Говорит, если не возьмешь — убегу из колонии.

— Вот-вот, натворила, чертова дочь, а теперь бежать надо! Чего доброго топиться побежит, в прорубь да под лед! Иди зови ее ко мне, сам спрошу: согласна ли?

Хромов вышел. Оставшись один, Рассветов взволнованно зашагал по комнате. Он начинал понимать, что случай исключительный, даже учителей нельзя посвящать в это интимное дело. Вот тебе и сюрприз! Что еще можно ожидать?.. Да все что угодно! А кто виноват?.. Конечно же — заведующий колонией, а уж потом все остальные... Забываем, что юноша становится мужчиной, а голенастая девчонка — женщиной! От Шадриной-то этого как раз и можно было ожидать. Себе простить не могу! Беда в том, что не одну, может быть, проглядели?.. Вот тебе и Малютка!.. «Как он это сказал?.. «Любовь у нас с ней». В его понятии, видимо, любовь в том и заключается, чтобы соблазнять девчонок, а мы, старые дураки, полагаем, что ученицы в тринадцать — пятнадцать лет ничего не понимают в любви! — сердится на себя и на всех Рассветов, шагая от окна к двери и обратно и беспомощно разводя руками.— Не случайно же Куприн посвятил свою знаменитую «Яму» юношеству и матерям!.. Почему же мы, учителя и воспитатели, боимся разговаривать с подростками на темы любви?..»

Рассветов не заметил, как промелькнуло полчаса, и опомнился только тогда, когда в дверь робко постучали.

— Да-да, войдите! — раздраженно отозвался он на стук.

— Здравствуйте, — окинула его тревожным взглядом Шадрина, поняв по состоянию Андрея Ивановича, что разговор предстоит неприятный.

— Здравствуй,— натянуто ответил Рассветов, как здороваются с дочерью, принесшей в дом несчастье.

Хромов встал рядом со своей подругой. Были они одинакового роста, но Хромов — коренастый и сильный, много старше ее, с грубыми чертами лица, она — хрупкая и растерянно-беспомощная, совсем еще девчушка, не сознающая, что с ней произошла трагедия.

«Любовь у нас с ней».— вновь вспомнил Рассветов слова Хромова и от души пожалел обоих. Ее пожалел потому, что была она совсем юной, ничего еще не понявшей в жизни, а его — за то, что хлебнет он с такой «женой» горя горького полным ковшом, а ведь хорошего за свою жизнь ничего пока не видал. На минуту вкралась мысль расстроить всю эту затею с женитьбой, но тут же мысль эта показалась ему жестокой и несправедливой.

— Иди погуляй, товарищ Хромов,— сказал Рассветов, кивнув на дверь.— Не обижайся, но, я боюсь, разговора при тебе у нас не получится.

Хромов тут же вышел на улицу.

— Ну, что скажешь? — строго спросил Андрей Иванович.

Румяное от мороза лицо Шадриной вспыхнуло и зарделось кумачом. Не поднимая глаз, она ответила:

— Ничего не скажу, звали же?..

— Вот именно «звал»! Попросил привести за руку, когда узнал от твоего жениха, что ты собралась бежать из колонии. Хорошо еще парень такой попался, что сказал прямо, совесть, видать, заговорила, а от тебя, конечно, я ничего не услышал бы. С каких пор ты стала считать себя взрослой? Никого не признаешь, не советуешься.

Она молчала, не мигая смотрела в пол. Лицо ее то бледнело, то вновь начинало полыхать маковым цветом. Рассветов, глядя на нее, сказал.

— В ногах правды нет, присаживайся. Хочу услышать от тебя, что вы задумали с Хромовым?

Шадрина робко присела на краешек стула, ответила:

— Ничего не задумали.

— Значит, Владимир Хромов, сотрудник губернского уголовного розыска, обманул меня?

— В чем обманул? — по-прежнему не поднимая глаз, спросила она.

— В том, что пожениться вы решили?

— Нет, не обманул.

— А говоришь «ничего не задумали»? Как же так получается?.. Сыновья женятся, дочери выходят замуж, а отец ни сном ни духом ничего не знает!.. Хороши детки!.. Как, по-твоему: поступают так?.. Вы же на свою семью позор кладете, а отца выставляете на посмешище! На такого отца каждый плевать вправе!..

По щекам Шадриной неожиданно потекли слезы. Закусив нижнюю губу, не смея поднять глаз, она молча плакала.

— Плакать теперь поздно,— смягчился Рассветов.— Рано ведь тебе замуж выскакивать... Ничего ты еще не понимаешь! А учиться когда? Специальность приобретать?..

— Это он, Володя, уговорил меня, чтоб пожениться...

ся...— тихо сказала Шадрина.— Жить, говорит, хорошо с тобой будем.

— И ты поверила?

— Поверила.

— Любишь, значит, его?

Не глядя на Рассветова, она утвердительно кивнула.

— А за что любишь, позволь спросить?

— Не знаю...— И, помолчав, сказала: — Сильный он, отчаянный, никого не боится. Про жизнь рассказывает интересно.

— И что же он рассказывал тебе?

— Много рассказывал. Как жить будем, говорил. Сказал, что если у нас будут дети, то мы вырастим их, чтоб беспризорниками не были, как мы с ним...

Рассветов встал и, чтобы не показать охватившего его волнения, отошел к окну.

— Сколько тебе лет? — спросил он, глядя в окно.

— Шестнадцать будет.

— День своего рождения знаешь? — повернувшись лицом к Шадриной и глядя на нее в упор, спросил Рассветов.

— Шестого января будет,— подняв голову, ответила она.— «Счастливая ты, Ленка,— говорила мне мать,— под рождество родилась».

— А что? Может, и счастливая, у тебя вся жизнь впереди! — искренне сказал Рассветов, подойдя к столу и глядя на Шадрину.— Шестнадцать лет!.. В недавнем прошлом такие браки регистрировались. Но ведь это же дико!

Присев к столу, он спросил:

— Что же намерена делать теперь?

— Уеду я. Володя же говорил вам, в Саратов мы уедем.

— А не бросит он тебя с ребенком-то?

— Ребенка у меня не будет,— решительно заявила она.

— Нет уж! — резко поднявшись, почти закричал на нее Рассветов.— Теперь уж пусть будет! Я не позволю, чтоб в шестнадцать лет ты искалечила себя на всю жизнь! Понятно?! Выдам тебе документ и зарегистрируем вас, как и полагается, устроим молодежную свадьбу, тогда и поедете. Согласна?

Шадрина молча опустила голову.

— Зови своего жениха, объявлю вам решение.

Через несколько минут Хромов и Шадрина, стоя, выслушали Рассветова.

— Вы поставили меня, товарищи, в крайне затруднительное положение. Поступка вашего я не только не одобряю, но и осуждаю! О чем говорю вам прямо и откровенно. Другого выхода, как только согласиться на ваш брак, у меня нет. Завтра же, при моем личном участии, вы зарегистрируетесь в Алексеевском волостном правлении, после чего колония возьмет на себя расходы по проведению вашей молодежной свадьбы.

В заключение скажу: вы преподнесли мне и всему коллективу наших воспитателей горький урок! Но я верю, что жить вы будете дружно, а ребенка, который родится у вас, воспитаете хорошим советским человеком! Если вы оба по-настоящему хорошие люди, то не забудете моих искренних наставлений. Надеюсь, дружба между нами сохранится, хотя я сейчас в большой обиде на вас обоих, а особенно на товарища Хромова. Вот все.

Лена бросилась к Рассветову и, плача от радости, прижалась мокрой щекой к рукаву его гимнастерки. Андрей Иванович по-отечески потрепал ее по плечу, с волнением сказал:

— Дурочка ты еще, Ленка! Ну, будет, успокойся. Сейчас идите, а вечером мы обсудим с вами все детали вашей свадьбы. Если не возражаете, я приглашу на совет Трофима Титыча и Елену Николаевну.

А через три дня, в зимние каникулы, в колонии звенела веселая свадьба. Учительская, где были накрыты столы, освещалась двумя «молниями» — двадцатилинейными лампами. Были приглашены все колонисты. В углу стояло графское пианино, на стене красовался лозунг: «Желаем молодоженам светлого пути в новой жизни!».

Жених и невеста, с лиц которых не сходили смущенные улыбки, сидели на самом видном месте во главе стола. Никто не думал, что Елена Шадрина по-настоящему красавица, и только теперь, когда увидели ее в длинном свадебном платье, подаренном ей Извековой, ахнули: королева!

Учителя сидели за столом вместе с колонистами, ели пироги, моченые яблоки лучших сортов, пили компот и

чай, шутили, веселились, пускаясь в пляс без вшного подогрева.

Агроном Заботин сидел среди старших колонистов рядом со своей пожилой и всевидящей женой Прасковьей Ивановной, ел пироги, запивая чаем, и рассказывал воспитанникам про свиней белой английской породы, которых ему удалось приобрести на развод, уверял ребят, что свиньи эти выгоднее беспородных в пять раз. Колонисты, делая вид, что слушают его с интересом, задавали каверзные вопросы.

— Федор Алексеевич! — подмигнув ребятам, с серьезной миной на лице обратился к нему Иван Шишкин.— А ваша аглицкая свинья может за один раз двадцать поросят принесть?

— Двадцать не двадцать, а двенадцать и даже четырнадцать, как правило, — отвечал агроном. — Свиньи эти весьма плодовиты, и при хорошем уходе...

— А как же она выкормит их, ежели четырнадцать принесет? — перебил агронома любитель поспорить и поставить учителя в затруднительное положение — Может, у аглицкой свиньи двадцать сосцов?

Федор Алексеевич мычал, удивленно таращил на Шишкина маленькие глазки, а Прасковья Ивановна толкала его локтем в бок, чтоб супруг прекратил неуместный разговор.

— Ну что вы, уважаемый,— возражал агроном,— у любой породы свиней, к сожалению, только по двенадцать сосцов. Но поросят можно выкармливать и коровьим молоком.

— Федор Алексеевич! — решил поддержать шутовство Шишкина Василий Шмыга.— А что, если только народившегося свиненка сразу начать кормить кобыльим молоком?

— Ну и что? Можно и кобыльим...— не сразу понял агроном, к чему клонит разговор Шмыга.— Кобылье молоко хотя и уступает по содержанию жира, но зато в нем в два раза больше молочного сахара.

— А жеребенок из такого свиненка вырастет?

Наконец-то агроном догадался, что над ним подшучивают.

— А ты какое молоко пьешь? — вполне серьезно спросил Заботин.

— Конечно же не свинячье! — прыснул от смеха Васька.

— А почему из тебя такой свинтус растет?..

Шмыга опешил, а рядом сидящие колонисты, оценив достойный ответ агронома, дружно расхохотались.

— Ох, не могу!..— стонал от смеха Копырин, глядя на своего друга.— Бита твоя карта, Васек! Ай да Федор Алексеевич, ай да молодец! Утер нос Дворянину!..

В этот день колонистов ожидал еще один сюрприз: Матвей Хохлов явился на вечер без бороды! От прежнего «старика» Мотьки, каким считало его большинство колонистов, не осталось и следа: он был тщательно побрит, коротко подстрижен, в новом с иголочки костюме-тройке!

Выглядел Мотька таким франтом, что его не сразу и признали. И на этот раз, кажется, ему повезло: весь вечер бросала на него загадочные взгляды Феня Гульбина, а Ирина Васильевна Извекова сказала ему, что он интересный мужчина. Мотька ликовал и уж, конечно, не ожидал, что колонисты сыграют с ним злую шутку.

В самый разгар свадьбы в дверях учительской появился Мотькин двойник! Как выяснилось позже, когда стригли и брили Мотьку — а обрабатывал его лучший парикмахер колонии Сатана,— в это время Васька Шкода аккуратно собирал Мотькин волос. Через несколько часов Хвостиковым и Залетаевым на полотне была изготовлена Мотькина борода. Как только Хохлов покинул свою квартиру, направляясь на свадьбу, Шкода проник в его комнату, забрал Мотькину рабочую одежду вместе с сапогами, потом примерили и нарядили в этот подлинный «реквизит» Степана Трапцеева. Из всех старших колонистов Трапцеев лучше других изображал Мотьку и точно имитировал его голос. Ему-то и поручили ребята сыграть вместе с Феней Гульбиной этот забавный спектакль.

С появлением Мотькиного двойника все взгляды сразу же устремились к двери. Сам Матвей Хохлов, глядя на бородатое чучело, в котором нетрудно было узнать самого себя, обалдело разинул рот и начал от волнения икать...

— Вы чово тута сиднем сидите, канальи! — рявкнул Мотька-двойник, сверкая глазищами.— Плясать за вас кто должон?! А ну-кось, Феюха, тряхнем стариной! Пущай учатся, сатаны!..

Василий Шмыга весело заиграл на пианино бары-

но, и Феня Гульбина пошла по кругу выстукивать каблуками, а Мотька-двойник ударил за ней вприсядку, ухая и поддерживая рыжую бороднщу на вытянутых руках.

Колонисты ревели от восторга, учительницы и девочки-колонистки от удовольствия взвизгивали, и даже всегда скучный Извеков хватался от смеха за живот...

Когда уже убрали столы, стулья и скамейки, на середину зала вышла Елена Николаевна Щеглова и объявила:

— Сейчас для молодоженов и для всех присутствующих Соня Касаткина споет частушки, написанные Сеней Залетаевым, аккомпанирует на пианино Трофим Титыч!

Колонисты бурно приветствовали исполнителей аплодисментами. Звездин, улыбаясь, бодро подошел к инструменту, сел, проиграл вступление и, глядя на Соню, кивнул ей. Частушки готовились для концерта, и Соня запела уверенно:

Смейся, смейся, бывший шкет,
Ты ль не весел, не одет,
На тебе обувка впору,
Не чета теперь ты вору.
Эх, ух, тру-ля-ля,
Не чета теперь ты вору!

Она притопнула каблуками, прошла по кругу, раскинув руки и поводя плечами, и, разрумянившись, остановилась на средине:

Пусть воров берет обида,
Мы в коммуне Джона Рида,
Наш девиз: учеба, труд —
К новой жизни всех зовут!
Эх, ух, тру-ля-ля,
К новой жизни всех зовут!

Задорно, непринужденно и весело Соня Касаткина спела все Сенькины куплеты до конца.

— Бис-с-с!..— дружно крикнули и зааплодировали учителя и воспитанники.

— Повторить для бывших шкетов! — громко сказал Миша Копырин.

Раздалась буря аплодисментов. Успех превзошел все ожидания.

— Если уж так просят, надо повторить, Соня,— сказал Рассветов.

Касаткина спела поправившиеся частушки с еще большим задором. После того как она закончила, ее вновь приветствовали, а друзья Семена Залетаева крикнули:

— Качать, Сеньку!.. Держи, ребята, Залетку!

Залетаева подхватили десяток рук, начали подбрасывать к потолку. Семен отбивался, неуклюже взмахивал руками, но ничего не мог поделать.

Веселой получилась свадьба. По-настоящему были счастливы молодожены. От души веселились воспитанники и сотрудники колонии, и только один человек из всех присутствующих на вечере, глубоко огорченный этим событием, вынужден был делать вид, что и ему весело...

ГЛАВА ДВАДЦАТАЯ

Агроном Заботин пытался поставить хозяйство колонии на научную основу. Он знал не только полеводство, но и садоводство, огородничество, парниковое хозяйство, животноводство и даже пчеловодство — словом, являлся универсалом, какой требовался в любом малость приличном хозяйстве, и, конечно же, сельскохозяйственная колония без такого агронома обойтись никак не могла.

В Черемшанской детской коммуне, где Заботин проработал около двух лет, хозяйство бывшего мужского монастыря, не считая обветшалых построек и убогих келий, состояло из двух лошадей, трех коров и нескольких свиней, длинноногих и малопродуктивных, не оправдывающих затрат на содержание. Имелся и кое-какой инвентарь: два однолемешных плуга, бороны и старая телега, используемая для перевоза различных продуктов и дров. При таком хозяйстве ни о какой агрономической культуре и думать не приходилось, да лютовавший в то время голод диктовал свои законы: тут уж не до жиру, а быть бы живу! Но сейчас, когда положение несколько улучшилось, а хозяйство в Алексеевской колонии вполне подходящее, настало время браться за дело по-настоящему.

Заботин начал с того, что на клетках хряка Нэпмана, двух свиноматок и на стойлах пяти дойных коров вывесил табличку рационов кормления. Всякий раз заступившие на дежурство колонисты учили правила при-

товления кормов, скармливания их животным и тут же пересказывали все это агроному. Вначале воспитанники принимали эти требования за чудачество, но Заботин отступать вовсе не собирался. Случалось, агроном отстранял от дежурства «незнаек», которые держали ответ перед советом бригадиров, куда лучше всего не попадать: бригадиры не церемонились и решения выносили жесткие.

Теперь все колонисты знают, что агроном два-три раза в день заглянет и на конюшню, и на мельницу, и в сад, — и беда, если найдет непорядок! «Когда только спит этот Буряк?! — удивлялись пацаны.— Даже почью приходит на конюшню!»

Колонист Хвостиков так изображал агронома: «А путе-ка, молодой человэк! Расскажите, пжал-ста, какой сегодня рацион у Нэпмана?.. Так, так, точно не помните?.. Поучите, голубчик, и запомните, очень прошу вас! Нехорошо получится, если этот свинтус рассердится на вас!»

Хряк Нэпман — настоящее чудовище, живого веса пудов тридцать, не меньше, но большинство колонистов не боятся его. Дежурившие по свинарнику знают: если почесать Нэпману брюхо, он ложится, закрывает свои свинячьи глазки и от удовольствия даже постанывает. А когда выпускают его на прогулку (в специально отгороженную площадку около конюшни), самые отчаянные мальчишки прыгают на него верхом и пытаются прокатиться. Нэпман этого не любит и, фыркнув, резко подпрыгивает, сбрасывая с себя смельчака. В этот момент надо молниеносно вскочить на ноги и перемахнуть через изгородь, иначе «наезднику» несдобровать! Увидев такую забаву, Заботин распекал колонистов, докладывал на совете бригадиров и требовал наказания провинившихся. Но как только подвертывался случай, все повторялось сызнова: велик был соблазн испытать себя и показать товарищам свою храбрость.

Постоянной защитницей провинившихся ребят как в Черемшанской коммуне, так и в Алексеевской колонии была жена Федора Алексеевича учительница Прасковья Ивановна. Окончив учительские курсы, она учила ребятишек там, где приходилось работать агроному Заботину. Единственный их сын, в котором они души не чаяли, погиб на германском фронте, с тех пор для Прасковьи Ивановны померк весь мир, но постепенно оправив-

шись и придя в себя, ту любовь, что предназначалась сыну, она щедро дарила чужим детям, своим ученикам. В Черемшанской коммуне вернувшиеся из бегов пацаны всегда пользовались ее заступничеством. Наговорив с три короба всяких небылиц, якобы приключившихся с ними и разжалобив ее, беглецы ожидали, когда Прасковья Ивановна подаст знак и они смело могли идти к Федору Алексеевичу каяться, а тот, сделав им внушение, опять выдавал новое обмундирование и снова зачислял в коммуну.

В колонии Прасковье Ивановне поручили преподавать естествознание, а в третьем классе, где велось предметное обучение разными учителями, Прасковья Ивановна являлась воспитателем, она вела еще и русский язык.

Рассветов не раз делал замечания Заботиной, чтобы та не мыла ребятам шеи и уши перед уроком, а приучала их к самостоятельному соблюдению правил гигиены и строго за это спрашивала с грязнуль, на что Прасковья Ивановна отвечала, что они хотя и большие уже, а все же дети, не видевшие материнской ласки, а без нее ребята грубеют. Такой довод смущал даже Рассветова, убежденного противника жалости и сюсюканья с подростками.

Январь начался с морозов под тридцать, но снегу выпало много, и агроном Заботин, потирая руки, радовался: много снега — много хлеба! А цену хлеба в колонии знали и ребята и учителя. Благодаря гарнцевому сбору на паровой мельнице, появилась возможность выпекать для колонистов не только ржаной, но и пшеничный хлеб. Сотрудникам колонии также выдали пшеничную муку, и как-то раз Ольга Сергеевна Щеглова, загадочно улыбаясь, сказала дочери:

— Пригласила бы ты, Елена, нашего заведующего в гости, я бы хоть блинами накормила его. Он, наверное, и вкус-то блинов позабыл!

На днях Рассветов предложил Ольге Сергеевне должность кастелянши, освободив от этой обязанности Феню Гульбину, работавшую и дояркой и телятницей одновременно. К удивлению дочери, Ольга Сергеевна согласилась, а вскоре Елена Николаевна начала примечать, что мать ожила, повеселела и даже помолодела.

Растерявшись от ее неожиданного предложения пригласить в гости Рассветова, дочь возразила:

— Ты что, мама! Что он подумает о нас?!

Удивленно посмотрев на нее, Ольга Сергеевна сказала:

— Что, по-твоему, может подумать порядочный человек о женщинах, которые относятся к нему с чувством глубокого уважения?

— Откуда он знает, как мы относимся?

— Он все знает, поверь мне,— удивляясь наивности дочери, сказала Ольга Сергеевна.— Он не только каждого сотрудника насквозь видит, но и каждого колониста. Одинок он, а ты этого не понимаешь!.. То, что он нравится тебе,— это я давно заметила, но ты почему-то скрываешь это от меня? И вот что я скажу тебе, если уж на то пошло: буду рада, если он сделает тебе предложение.

Елена Николаевна не ожидала такого разговора с матерью и, вспыхнув всем лицом, не зная, что сказать, отвернулась к окну, бесцельно стала смотреть на искрящийся под солнцем снег. Да и что она могла ответить?.. Нельзя же подойти к нему и сказать: «Андрей Иванович, миленький, я очень и очень люблю тебя, женись на мне, пожалуйста!»

Собравшись с мыслями, она наконец сказала:

— Я понимаю тебя, мамочка! Ты любишь меня и желаешь мне счастья, но, к сожалению, в его глазах я еще не женщина, а девчонка, да и не нравлюсь я ему вовсе!

— Пустое говоришь,— упрекнула мать.— Тебе давно замуж пора, и такая красивая девушка, как ты, не может не нравиться мужчинам.

— Так, видимо, кажется всякой матери, что ее дочь самая умная, самая красивая и мужчины глаз с нее не спускают,— иронизировала Елена Николаевна.— Он даже никогда не смотрит в мою сторону, мамочка!

— В том, что ты красивая, я не сомневаюсь, а вот то, что умная,— этого я не говорила,— улыбнувшись, ответила Ольга Сергеевна.— Какая же ты наивная!.. Что же мне теперь делать с тобой?..

— Ничего. Давай обедать, да бежать мне надо, сегодня я дежурю по колонии.

— Ты не обижайся,— собирая на стол, сказала мать.— Я ведь любя тебя все это говорю, что на уме, то и на языке. Кроме тебя, у меня никого нет: с кем

я еще поделюсь? Любишь его — выходи замуж, а не вздыхай по ночам. Ты думаешь, я не слышу, когда ты не спишь?.. Твоя печаль — мои слезы! Не могу я смотреть на тебя, когда ты делаешь вид, что у тебя все хорошо, а на самом деле подушка не просыхает.

— Все это тебе только кажется, мамочка! — пытаясь прекратить разговор на эту тему, возразила Елена Николаевна.— А вот блины у тебя действительно очень вкусные!

— Не лукавь перед матерью,— строго сказала Ольга Сергеевна.

— Я правду говорю — очень вкусные! Спасибо, мамочка! — отвечала Елена Николаевна, зная наперед, что мать долго сердиться на нее не сможет.

— Елена! — нестрого прикрикнула на нее мать.— Не люблю я этого, не хочешь с матерью говорить — не надо, а глупую старуху из меня не делай, я еще не так стара!

— Вот и выходи замуж за Трофима Титыча,— совсем по-детски ляпнула дочь.— Его, пожалуй, я могу пригласить.

— А что? — приосанилась и гордо посмотрела на дочь Ольга Сергеевна. Но тут же погрустнела.— Только ни к чему мне это, у меня есть ты, о тебе я и думаю. После твоего отца, красавца полковника Щеглова, ни на одного мужчину я смотреть не могу! И прошу тебя никогда об этом мне не говорить.

— Извини, мамочка, я пошутила,— вылезая из-за стола и обнимая Ольгу Сергеевну, сказала дочь.— Ну, я побежала! — И, надев шапку и шубу, уже держась за ручку двери, все же слукавила: — А твой Андрей Иванович — старый для меня!

— Глупенькая девчушка ты, Елена, ничего не понимаешь!— сказала ей вслед Ольга Сергеевна.— Он хотя и большевик, а по благородству напоминает мне твоего отца.

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ПЕРВАЯ

После большого новогоднего концерта, закончившегося инсценировкой рассказа Горького «Челкаш», где Звездин сыграл заглавную роль, об актерском таланте Трофима Титыча заговорили не только в колонии и в

совхозе, но и среди речников затона, и работников Алексеевского волисполкома.

Совершенно не заботясь об актерской популярности, считая, что с театром раз и навсегда покончено, Звездин не подозревал, что именно актерское дарование могло ему завоевать авторитет среди колонистов. В споре Рассветова с Извековым о месте Звездина — школа или театр — прав оказался Рассветов. Постоянно общаясь с ребятами, Звездин чувствовал не только духовное удовлетворение, но и радость, замечая, как Серафим Хвостиков, Соня Касаткина, Василий Шмыга и другие загораются его идеями и всей душой тянутся к театральному искусству.

Актерского таланта Трофиму Титычу, по его собственному признанию, возможно и недоставало, чтобы занять в свое время ведущее место в губернском театре, но, наблюдая за работой Звездина в колонии, Рассветов видел, как ярко раскрывается в нем другое дарование — педагога-воспитателя. Трофим Титыч работал так, как подсказывали ему жизненный опыт и интуиция, а времени для ребят он никогда не жалел.

Именно Звездин организовал и соревнование лыжников в зимние каникулы. И хотя спортивных лыж сумели приобрести всего пять пар, а участников значилось в три раза больше, это не смущало спортсменов и не помешало соревнованию: как только лыжник приходил к финишу, он тут же передавал свои лыжи напарнику, и тот становился на старт.

День лыжных соревнований выдался солнечный, безветренный, с легким приятным морозцем. Вдоль лыжни, проложенной по обочине столбовой дороги, стояли не только контролеры, уполномоченные судейской коллегией, но и сотни ребят и жителей села, с завистью смотревших на обладателей спортивных лыж. Из посторонних никто не подозревал, что лыж-то, явившихся предметом зависти, всего-навсего пять пар! А спортсмены бежали и бежали, подбадриваемые возгласами болельщиков, настигали и обходили друг друга, вызывая восхищение быстротой гонки.

Даже доктор Селянинов вышел из своей больнички посмотреть на бегущих лыжников и, увидев массу народа по всей протяженности лыжни, не только удивился, но, как врач, в душе одобрил деятельность Рассветова ведь тот, даже не подозревая, вытащил на свежий

воздух из избенок со спертым, тяжелым воздухом едва ли не добрую половину жителей села. «Великое дело спорт,— думал Никита Данилович, глядя на лыжников и на массу заинтересованных наблюдателей.— Сотни врачей не сделают столько пользы для населения, сколько приносят ему состязания спортсменов на свежем воздухе!»

Трофим Титыч, выпуская на лыжню очередного спортсмена, отмечал против его фамилии время старта, а как придет — время финиша. Сразу же выводился результат и предварительное место.

Из первой половины спортсменов, пробежавших пятикилометровой дистанции, лучшее время показали Трапцеев, Шмыга, Шишкин, но во второй половине списка реально могли претендовать на призовые места Копырин, Бухонин, Лаврухин. А вот какими будут их результаты, окончательно распределятся и призовые места? На стартовой площадке командовали Копырин и Звездин, а другие учителя и сотрудники колонии стояли в сторонке и, наблюдая за ходом соревнования, говорили о своих повседневных делах.

Глядя на бегущих лыжников, Рассветов сказал:

— Такое соревнование нам, видимо, надо организовать между нашими бригадами и звеньями. Как вы думаете, Федор Алексеевич?

— Прекрасная мысль, Андрей Иванович! — восторженно ответил агроном.— А я ломал голову: как же заинтересовать ребят? Многие работы у нас выполняются небольшими группами по два-три человека, дежурство по конюшне например, а с приближением весны начнутся работы на парниках, будем создавать звенья плугарей, бороновальщиков, сеяльщиков и другие. Для выполнения таких работ я предлагаю создавать временные звенья и назначать временных звеньевых, до окончания той или иной работы. Это позволит нам приобщить к руководству людьми каждого колониста, вырабатывать у них организаторские способности и чувство ответственности за порученное дело.

— Если я правильно понял вас, Федор Алексеевич, вы предлагаете воспитывать и натаскивать на практике будущих советских чиновников? — съязвил Извеков.

— Что вы, Сергей Александрович! — побагровел сконфуженный агроном.— Звеньевые вовсе не освобождаются от работы, наоборот, они обязаны быть приме-

...ли для других, но на них возлагается еще и руководство товарищами, и ответственность за выполнение работы.

— Каждый возомнит о себе, что он пуп земли, и будет стремиться в начальники. Хорошего в этом я не вижу,— не согласился Извеков.

— Что же вы предлагаете, Сергей Александрович?— спросил Рассветов, с любопытством посмотрев на завуча.

— Ничего этого не нужно — ни бригад, ни звеньев, а нужен один человек на всю колонию — парядчик! Сотню пацанов может держать в узде одна авторитетная личность! Такой личностью был у нас Хромов, а кто сейчас заменит его — не знаю, надо приглядеться. В колонии должен быть один вожак, а не пять и не десять, иначе начнется групповщина!

— Думаю, что вы не правы, Сергей Александрович,— решительно возразил Рассветов.— То, что вы предлагаете, вовсе не ново! Подобные заблуждения проповедовали левые социал-революционеры, а позднее анархисты. Ничего общего с советской школой воспитания нового человека это не имеет. Если хотите, этот вопрос мы вынесем на педагогический совет. А о сегодняшних соревнованиях обязательно запишите в журнал, Елена Николаевна!

— Запишу, Андрей Иванович, обязательно запишу. И фамилии победителей занесу.

— Кстати, Сергей Александрович! — обратился Рассветов к Извекову.— Вы в свое дежурство записали в журнале, что Шмыга и Шишкин играли в интернате в карты, а на законные ваши требования карт вам не отдали. Что ж?.. Будем принимать воспитательные меры. Пусть совет бригадиров разберется. Но приглашать их на заседание педсовета, как вы предлагаете, считаю нецелесообразно.

— А если сейчас они займут призовые места, вы наградите их? — спросил Извеков, не скрывая своего недовольства.

— Разумеется! Разве можно допустить такую несправедливость и не наградить победителя? А вы как бы поступили на моем месте?..

— Не знаю, Андрей Иванович, дело ваше, вы здесь начальство,— сухо ответил Извеков.

— А вы знаете, Сергей Александрович, Шмыга, по-

моему, хорошо относится к вам! Он мог и отдать вам эти карты, но, пока вы не вышли из интерната, вновь выкрасть их из вашего кармана. И не проделал он этого только из уважения к вам, не захотел, чтоб над вами потом потешались! Не отдал — и все, честно поступил, без подлости. Понимаете?..

— Он что, такой специалист? — удивился Извеков.

— Представьте себе!

К группе учителей и сотрудников колонии, довольный и улыбающийся, подошел Звездин, доложил:

— Через полчаса, товарищи, мы будем знать победителей сегодняшних состязаний! Замыкающим пошел Миша Копырин, впереди него идут хорошие лыжники — Павел Лаврухин и Семен Бухонин. Где будем вручать призы, Андрей Иванович?

— Здесь, полагаю, на стартовой площадке. Призы подготовлены. Несите, Яков Демосфенович, — обратился Рассветов к кладовщику.

Канали молча кивнул в ответ и направился к деревянному двухэтажному дому, где была его квартира.

Учителя знали, что Извеков только что возвратился из Хвалынска, поговорить же с заведующим колонией наедине не успел, но Рассветов почему-то медлил с расспросами о результатах поездки в наробраз. Можно было подумать, что соревнования лыжников для него важнее, чем встреча Извекова со Скукиным. Возможно, конечно, и другое: Рассветов хорошо знал недружелюбное отношение Скукина к колонии и к себе лично, а потому и не хотел расспрашивать при всех. Так, по крайней мере, думали многие, в том числе и Извеков. Но Рассветов неожиданно спросил:

— Что же вы, Сергей Александрович, не передаете нам новогодний привет от Павла Поликарповича? Как приняли наш отчет? Что сказали о программах мудрые инспектора-педологи? Думаю, это всем интересно!

Извеков, затаив на Рассветова обиду за отповедь о ликвидации самоуправления, решил выложить самое неприятное прямо здесь.

— Интересного и утешающего мало, Андрей Иванович, а неприятного хоть отбавляй, — ответил он, передернув плечами, словно под его меховую шубу заполз мороз. — Отчет приняли, но усомнились в столь высокой успеваемости наших питомцев, заподозрив нас в очковтирательстве, как выразился Павел Поликарпович. С

нашими учебными программами инспектора-методисты не согласились, и Скукин пригрозил написать о вашем самоуправстве в губнаробраз Желткову, а в колонию к нам направить комиссию для тщательной проверки всей учебной и воспитательной работы. Особенно возмущался колонистским самоуправлением, бригадной формой обучения прямо в свинарнике и в коровнике, назвав все это возмутительной самодеятельностью, а нас с вами прожектерами!

— Поэтому вы и предложили — ни звеньев, ни бригад?.. Понятно. Скукина испугались? Но очковтирательством мы не занимаемся, у нас хотя и особый контингент учащихся, но они нормальные ребята, а не дефективные, в чем хотят убедить нас педологи наробраза. Пусть Скукин пишет хоть в Наркомпрос, а мы и впредь будем отстаивать свое мнение.

— Упорный вы человек, Андрей Иванович! А что, если действительно к нам нагрянет комиссия? — озабоченно спросил Извеков. — Мы ведь серьезно отклонились от программы, принятой в нормальных школах. Изучаем разные отрасли сельского хозяйства, счетоводство, о чем в других школах понятия не имеют! За работу на свинарнике или в поле по задержанию снега оценки ставятся в журнал всему звену или бригаде!

— Ничего, кроме хорошего, я в этом не вижу, Сергей Александрович! У нас же трудовая сельскохозяйственная колония, а не просто сельская школа, и нам нужны особые и воспитательные и учебные программы! Вот этого-то Скукин и не понимает! Где есть такая программа: как воспитать настоящего советского человека?.. Нет ее! А нам она нужна в первую очередь! — И, чему-то улыбнувшись, Рассветов спросил.— Как, по-вашему: лошадь запрягают в телегу или телегу в лошадь?

Стоявшие вокруг учителя рассмеялись, а Извеков, недоуменно посмотрев на Рассветова, сказал:

— Ну, это знает любой наш пацан! Конечно же, лошадь запрягают!

— В наробразе, к сожалению, этого не знают! Там считают, что телега важнее. Это не моя выдумка. Если не ошибаюсь, так образно сравнивал воспитание и образование Лев Николаевич Толстой, а он был мудрым педагогом! По его мнению, воспитание должно быть лошадью, а наука телегой. А у нас нет даже программы воспитания!.. Воспитательные планы составляют кто как

умеет и кто во что горазд, а зачастую вообще не составляют, считают это лишней писаниной. Когда же науку и воспитание поменяют местами, то лошадка легко повезет телегу, нагруженную науками! Мы погрузили на нашу телегу то, что нам сейчас крайне необходимо, а по мере продвижения вперед будем ее догружать! И вопрос этот мы можем вынести не только на обсуждение педсовета, но и на съезд учителей. С рутинерами надо вести непримиримую борьбу, а не соглашаться с ними!

Возвратился кладовщик Канали с тремя большими свертками. Звездин попросил учителей подойти к финишной черте.

— Посмотрите! — Трофим Титыч указывал рукой на лыжню. — Какая скорость у Миши Копырина! Обошел Бухонина, Горячева и настигает Лаврухина! Это же на семь минут лучше времени Траицева, у которого пока первое место.

Колонисты гурьбой бежали к финишу, махали руками, шапками, кричали:

— Ко-пы-рин! Ко-пы-рин! Ко-пы-рин! Ур-р-ра-а!..

Финишную черту пересек Лаврухин, а следом за ним и Копырин. Вскоре подошли Горячев и Бухонин. И тогда Трофим Титыч назвал фамилии победителей: Копырин, Траицев, Шмыга, колонисты подхватили их и начали качать. Всем троим Андрей Иванович вручил призы — лыжные костюмы, а Копырину, за первое место, еще и ботинки. Глядя на сияющие лица ребят, Прасковья Ивановна Заботина нет-нет да и смахивала украдкой набегавшую слезу...

Побывав в интернате и на полднике колонистов в столовой, Рассветов и дежурная по колонии Щеглова решили заглянуть в общежитие девочек, находящееся на втором этаже центрального здания усадьбы.

Пройдя по только что опустевшей лыжне до середины забора, отгораживающего приусадебный плодовый сад, принадлежащий колонии, они свернули к воротам и через калитку вошли в аллею пирамидальных тополей, по обе стороны которой в снегу утопали яблони.

Зимой по аллее не ездили, и Щеглова шла по узкой запорошенной тропинке, а Рассветов в нескольких метрах следовал сзади. Глядя на зимний сад, Елена Николаевна, кажется, впервые увидела, как искрится дев-

стенно чистый снег то голубыми, то оранжевыми, то фиолетово-красными искрами. Это было какое-то чудо! Когда она поднимала голову и смотрела на опушенные инеем кусты, то они некоторое время искрились, а потом ярко вспыхивали многоцветным пламенем. Зрелище было потрясающим, и теперь она знала точно, что никогда и ничего подобного раньше не видела; сердце ее учащенно колотилось и замирало от восторга. Она уже хотела спросить Андрея Ивановича, видит ли он что-нибудь на кустах и на снегу, но только успела повернуть голову — в тот же миг все исчезло, стало серым и скучным. «Вот так, наверное, как эти изумительной красоты искры, вспыхивают и гаснут лучшие человеческие мечты и желания, — думала она. — Всего один миг — и нет уж их, а куда деваются, кто знает?..» Погруженный в свои мысли, Рассветов молча шел по ее следу и, понимая, что она о чем-то мечтает, не мешал. А ей почему-то очень захотелось, чтобы он пригласил ее в свою маленькую комнату, где она смогла бы приготовить для него ароматный чай и они сидели бы вдвоем, пили бы этот чай и разговаривали. Но тут же она испугалась этой мысли и подумала, что если он догадается и пригласит ее, то она не решится на такой шаг, струсит. Но Рассветов далек был от подобных мыслей. Ему и в голову не приходило, что можно запросто пригласить к себе в квартиру молодую учительницу и провести с ней наедине время. Она давно нравилась ему, но он не мог не чувствовать разницу в возрасте и считал, что Леночка слишком молода, чтобы стать его женой. Постоянно наблюдая за ней, он радовался ее отношению к делу и к ребятам, но никогда не оказывал ей особого внимания, чтобы не дать повода для кривотолков и сплетен. А иногда думалось: почему он должен сознательно отказываться от своего счастья и придерживаться каких-то устаревших наивных условностей?.. Да и не стар он вовсе, и ей не шестнадцать лет! Но... любит ли она его?..

Осторожно шагая по узкой тропинке, Леночка все еще смотрела на очаровавший ее сад, надеясь еще раз увидеть чудо искрящегося снега, но чудо не повторялось... И вдруг то ли небо очистилось от облаков, то ли так удачно упали косые лучи заходящего солнца, но снег вдруг ожил и вновь вспыхнул разноцветными искрами.

— Андрей Иванович! — радостно встрепенулась и вскрикнула она, повернув к нему голову и глядя на него

по-детски удивленными глазами. — Смотрите скорее на снег, видите что-нибудь?!

— А как же! — в тон ей ответил Рассветов. — Конечно вижу! Это же прекрасно! Раньше почему-то я этого не замечал?!

— Правда?! — обрадовалась она. — Что же видите вы?.. Смотрите внимательно, а то я боюсь, что мне это мерещится!

— Что вы, Леночка! Я очень хорошо вижу.

— Так что же? Говорите скорее, не томите!

— На этом ослепляющем меня снегу я вижу вас!

— Да?.. А мне казалось, что вы совсем не замечаете меня.

— Уверяю вас! Когда я впервые увидел вас в наробразе, я сразу понял, что никуда не отпущу вас от себя!

— Я это почувствовала тогда и очень обрадовалась, а теперь сомневаюсь...

— Сомневаетесь?.. В чем же?

— В том, что вы любите меня.

На этом неуверенность Рассветова исчезла. Он решительно шагнул к ней, взял ее за плечи и впервые так близко увидел и ее лицо, и горящие, полные любви глаза, и полураскрытые яркие губы.

— Милый, я так счастлива, что мы оба увидели это чудо искрящегося снега, — прошептала Леночка, глядя в его мужественное лицо снизу вверх. — А ты знаешь, опушенные инеем ветки яблонь — они ярко вспыхивают и горят изумительно красивым цветным пламенем...

— Может быть, человеческое счастье именно в горении? Не знаю, до сих пор оно обходило меня стороной, — отвечал он. — И за то, что ты даришь мне это тепло, я готов сделать для тебя все, что в моих силах!

— Я хочу сейчас приготовить для тебя чай, — сказала она.

— Так что же мы стоим?! — спросил он, взволнованно взяв ее за руку. — Пошли ко мне!

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ВТОРАЯ

Зимние каникулы подходили к концу, а Мишка Кольцын, если не считать двух тайных поездок в Хвалынск, в сущности, ничего и не сделал, чтобы разыскать брата Илюшку.

Детских домов, как установил Мишка, в Хвалынске было всего два, на каждый из них он потратил по дню, чтобы через щель в заборе увидеть братишку и убедиться, что он живой и здоровый, но, просмотрев всех ребят, когда их выводили на прогулку, Илюшку он так и не увидел. После этого Мишка начал думать, что Илюшка, наверное, помер, а в лучшем случае кто-нибудь взял его в дети и увез из Хвалынска так далеко, что теперь не найдешь.

Тоска по брату совсем выбила Мишку из колеи: он стал раздражительным, взрывался, как порох, по пустякам, срывал свое дурное настроение на всех подряд, даже поссорился с близкими товарищами, о чем теперь жалел, а выхода из тупика найти не мог... Чтобы избавиться от горьких дум, Мишка Копырин двое суток напролет читал книжку про Бою Жаргаля, но и книжка не помогла, на душе, пожалуй, еще горше стало... Уж шибко печальная судьба у этого негра, хуже не бывает. А если сравнить Мишкину судьбу или другого колониста — тоже будь уверен!.. Хотя, конечно, все они тут свободны, не то что тот негр, которого могли продать, избить и даже убить безнаказанно. Нет, жизнь у негра куда хуже была, даже и сравнивать нельзя, приходит к выводу Мишка. В колонии жить можно, хотя и не очень сытно кормят, но тепло, в интернате тепло, одет и обут, даже постель и кровать имеются...

Лежа на своей кровати, Мишка сунул книжку под матрас, заложил руки за голову и, глядя в потолок, вновь начал думать об одном и том же: что же делать?. Как узнать об Илюшке?.. Никак не укладывалось в голове, что Илюшка помер, верилось, что живой он!.. Потому, может, и тоска одолела, что где-нибудь рядом плачет и думает о нем Илюшка...

К девчонкам, что ли, сходить от скуки?.. Дружка задычного позвать с гитарой, пусть покрасуется Васька среди них. А он, Мишка, посидит в девичьей комнате, поговорит малость с девчонками, посмотрит на Варю Жаркову, и та покраснеет под его взглядом до корней волос. И никаких слов тут не надо, все ясно, что с Варей у него душевный контакт, хотя ни он, ни она никогда не решились бы выяснять свои отношения. Да и нет таких слов, чтобы передать то волнение, какое возникает всякий раз, когда он смотрит на нее. И он готов встать за нее грудью перед кем угодно! Варя это понимает, испы-

тывает к нему по...
ственный человек, к...
крыть свою боль, по...
ный совет может да...
зашел к дяде Евдок...
решил поглядеть на...
ном, с дедом, котор...
Илюшка, может, де...
жизнь остался он в...
стоит, никто в нем...
стал не нужен... И...
мысль: как же в нем...
этот теперь принадл...
риным! Почему он...
же надо ехать в Хв...
стину, посоветовать...
будь знает?!. Лыжи...
воском натереть, кр...
взять с собой на вс...
жать ничего не стои...
ку, дело есть!..

В полутемном у...
кроватях, Шишкин,...
Вспомнив про паца...
и Шкоде и евших се...
рин вскочил с крова...
нибудь хмырь без х...
полутемный угол, с...
решительно подоше...

— Ну, бывшие...
сил Мишка.

— Обоих под ор...
сказал и засмеялся

— Разделать по...
разил Мишка. — У...
ков имеется: кто па...
ваны по неделе без...
примеру, ежедневно...
вторую дурничку!

— Наговоры на...
вою, — пахально отр...

— Ах, наговоры...
Шкода, не заметил,...
ба ел, а пайку свою...

тывает к нему полное доверие и уважение. Варя — единственный человек, которому Мишка мог бы, пожалуй, открыть свою боль, но чем она поможет ему?.. Какой дельный совет может дать?.. И тут он вспомнил, что зря не зашел к дяде Евдокиму-хромому, рядом ведь был, когда решил поглядеть на свой дом, где жил с матерью, с отцом, с дедом, которые постоянно снятся ему как живые. Илюшка, может, деда и не помнит, а у Мишки на всю жизнь остался он в памяти. Дом теперь заколоченный стоит, никто в нем и жить, видно, не собирается, никому стал не нужен... И вдруг озарила Мишку счастливая мысль: как же в нем могут жить другие люди, когда дом этот теперь принадлежит им — Мишке и Илюшке Копыриным! Почему он раньше не подумал об этом?.. Завтра же надо ехать в Хвалынск, зайти к дяде Евдокиму Костину, посоветоваться, может, он и об Илюшке что-нибудь знает?!. Лыжи надо подготовить по всем правилам, воском натереть, крепления проверить, запасные ремни взять с собой на всякий случай, а до Хвалынска пробежать ничего не стоит для Мишки! Значит, девчонок побоку, дело есть!..

В полутемном углу, сидя на двух сдвинутых вместе кроватях, Шишкин, Сотонкин и Шкодин резались в карты. Вспомнив про пацанов, проигравших свои пайки Сатане и Шкоде и евших сегодня за обедом суп без хлеба, Копырин вскочил с кровати. Может, вот так и Илюшку какой-нибудь хмырь без хлеба оставляет?.. Он зло посмотрел в полутемный угол, словно там сидели кровные его враги, решительно подошел к ним.

— Ну, бывшие шкеты, кто продулся? — первно спросил Мишка.

— Обоих под орех разделал — и Сатану, и Школу! — сказал и засмеялся Шишкин.

— Разделать под орех ты не можешь, Рысак, — возразил Мишка. — У каждого из них по десятку должников имеется: кто пайку должен, кто две, а некоторые пацаны по неделе без хлеба сидят. Понял?.. Вот, Сатана, к примеру, ежедневно по две пайки имеет: одну свою, а вторую дурничку!

— Наговоры на меня, что я хлеб у пацанов выигрываю, — нахально отказывался парикмахер.

— Ах, наговоры?! А-ай-ай, бедный Сатана!.. А ты, Шкода, не заметил, кто сегодня в столовке суп без хлеба ел, а пайку свою тебе передал?..

— Кто проиграл — тот и без хлеба! — прямо сказал Шкода.

— Молоток! Я ведь вам, мухоморы, не председатель совета бригадиров, не Пашка Лаврухин, который доказывает, кто прав, а кто виноват. Скажите: кем узаконено играть на горбушку?

— Старые долги платят кое-кто, а так... давно никто не играет, — ловко заметал следы опытный Сотонкин.

— А у Андрюхи Малыша кто сегодня пайку выиграл? Ты не знаешь, Сатана?..

Сотонкин растерялся. Играли они в предбаннике, когда Андрюха дожидался своей очереди, чтоб помыться, а парикмахер, улучив свободную минуту, предложил бедолаге «испытать счастье в очко», тот и попался на дешевую приманку, что пескарь на червя.

— У Андрюхи-то?.. — вновь попытался выкрутиться Сотонкин. — Отыграться он захотел, сам предложил мне, сам!

— И опять врешь! Вы кого голодом морите, грибы ядовитые?.. — Копырин вынул из заднего кармана брюк колоду карт, и Иван-Рысак тут же уступил Звездочету-Копернику место. — Все долги пацанов, что свой хлеб наперед проиграли вам, я взял на себя, — объявил Мишка, садясь на кровать. — Горбушка идет по пятаку. У Сатаны двенадцать горбушек, у Шкоды девять. Так или нет?.. Молчите, хмыри?.. Я с вами по-свойски разговариваю, а вы темните. — Копырин высыпал на кон горсть медяков и несколько серебряных монет. — В банке рубль. Разрешаю сразу по банку, расчет тут же.

В колонии Копырин в карты не играл не потому, что был запрет, а не хотел опускаться до уровня Сатаны и Шкоды, игравших по мелочовке и даже на пайку хлеба. Да и кого обыгрывать? Ивана-Рысака или Сатану, по-настоящему не умеющих играть? Мишка же играл профессионально. А выучил его игре в карты и всяким приемам старый саратовский шулер, известный среди картежников под именем Пеликана. Бывая в Саратове, Копырин пользовался у старика местом для ночевки, а позднее и покровительством. Первоклассным картежником Мишка не стал, но среди карманников равного себе по игре, кроме Мопса и Малютки, он не встречал.

Увидев, что Звездочет-Коперник сел играть, намереваясь выручить пацанов, отдающих свой хлеб, место игры тут же обступили плотным полукольцом. Потемнев-

шие глаза Копырина вспыхнули огоньками, как у волчонка, ноздри расширились, лицо посуровело, и все его внимание сосредоточилось только на игре. И хотя на карты он почти не смотрел, его тонкие и длинные пальцы бывшего карманника и «ученого» шулера, мгновенно тасуя послушную колоду, делали свое дело. За полторы-две минуты Мишка укладывал карты в своей колоде так, как он хотел, а при игре в очко всегда имел двадцать одно, но знали об этом только Шишкин, Шмыга и Хвостиков.

— Сколько же ты имеешь горбушек, Сатана? — спросил Мишка, испытующе посмотрев на парикмахера.

— Сколько сказал, чего мне темнить перед тобой?

— Молоток! Но имей в виду: играем на всю твою дурничку, а захочешь отыграться — расчет не вставая с места. Получи карту. На сколько идешь?

Глянув на туза, Сатана обрадовался:

— На десять горбушек! На полтинник, значит.

— Идет. Получи!

Сатана взял вторую карту, задумался. У него не было даже своей.

— Может, примажешь еще две горбушки? — улыбнувшись, спросил Мишка.

— Нет. Еще одну карту.

Мишка дал ему третью карту и засмеялся:

— Выбрось, дура, двадцать два!

Тут же проиграв последние две пайки хлеба, Сатана уступил место Шкоде. Получив первую карту, Шкодин поставил все девять паек и, набрав двадцать очков, попросил банкомета набрать себе. Копырин, на глазах трех десятков свидетелей, вскрыв туза и десятку, выиграл и у этого горе-картежника. Но на этом игра не кончилась. Мишка вошел в азарт и предложил неудачникам поставить поясные ремни: каждый ремень шел за пять горбушек. Не колеблясь, проигравшие вновь сели, надеясь на удачу: авось и повезет?! Эти мальчишки, хотя и играли в карты по мелочи, еще не знали, что на авось, на интерес не играют и в крупной игре везет только шулеру, а все остальные игроки всегда остаются в проигрыше. А Мишка Копырин это знал, а потому играл и с Сотонкиным, и с Шкодиным наверняка.

Выиграв у обоих поясные ремни, необходимые Мишке для завтрашней поездки, Звездочет-Коперник, к величайшему изумлению своих болельщиков и торжеству-

ющих освобожденных должников, необдуманно, как им казалось, пошел на риск, объявив Сатане и Шкоде, что он возвратит им весь их проигрыш, если они отыграют его на условиях: каждые три пайки идут за один удар ремнем по тому месту, откуда ноги растут.

Соблазн был велик. В конце концов, не всегда же Мишка выигрывает и упускать такой шанс было бы просто глупо, тем более ремни легкие, если даже и проиграешь — не так уж и больно. А сгрудившиеся колонисты подзадоривали: «Трусы! Какие же вы игроки, когда вам дают возможность отыграться, а вы дрейфите! Эх вы!.. Да после этого с вами самый последний шкет не сядет играть!» И проигравшие рискнули. А через считанные минуты оба они были посрамлены Копыриным.

Мишка встал с кровати, забрал с кона деньги и поясные ремни, подал знак Шишкину.

— А ну, пэйманы, ложись и спущай штаны: сейчас просветлять зачнем! — сказал Иван Шишкин Шкоде и Сатане. — Ученье свет, а неученых дураков — тьма! А чтоб вы не дергались, закроем вам дурные головы подушками.

Только теперь Сотонкин и Шкодин поняли, что сейчас на них ляжет несмываемое пятно позора и в карты им больше не играть! Но закон картежной игры неумолим: проиграл — плати! И они молча выполняли все, что от них требовалось.

Указав кивком головы на Шкоду, Копырин отдал один ремень Хвостикову, а второй, предназначенный для Сатаны, передал Шмыге. Стоявший вокруг гвалт тут же прекратился, и в интернате наступила напряженная тишина.

— Где Ленька Бредень? — спросил Мишка, не видя затертого в толпе Бреднева.

— Тут я, Мишаня! — отозвался откуда-то из середины сгрудившихся ребят Ленька.

— А ну, иди сюда! Считать научился? — весело спросил Мишка.

— Еще лучше тебя умею, — похвастался Ленька.

— Сколько будет всего: три горячих Шкоде и четыре горячих Сатане?

— Эх и задачка!.. — засмеялся Ленька. — Девять горячих будет!

— Как так?.. А говоришь, лучше меня считаешь?

— А каждому
Забыл?
— Молодец! Ста
запомни: на хлеб не
— Я не играю,
— И никогда не
нем каждого: и вы
Усекли, хмыри? А с
шады никому не буд
И Мишка Копыр
— Один, два, —
госы, остающиеся
три, четыре! Квит.
Как только Хвост
ся и, чуть присев, по
дом стоявшие пацан
ра парикмахер не
шечный газ. Словно
лись мальчишки в р
кой хохот, что мног
от смеха до коликов
— Теперь будут
моры! — зло сказал
товить лыжи на завт

Ночь Мишка К
просыпался, выходи
да возвращался и в
же Сатана, с хитро
что поступил он с н
рив лучшего паркм
ки. Проснувшись, М
ряс головой, как бы
сей, сказал вслух:
да человек — дерьмо
Услышав, что де
пекарни, Мишка раз
разговора. Тот быс
Интернат спал.
— Слушай, Вас
Сегодня меня не бу
так надо! — Мишка
Если кто спросит —

— А каждому ишо по одному горячему за ремень. Забыл?

— Молодец! Становись вот сюда, считать будешь. И запомни: на хлеб не играют, его кушают!

— Я не играю, Мишань, честно! — заверил Лепька.

— И никогда не играй! С нынешнего дня драть станем каждого: и выигравшего и проигравшего свой хлеб. Усекли, хмыри? А сейчас глядите и загодя кайтесь, пощады никому не будет!

И Мишка Копырин подал Хвостикову знак начинать.

— Один, два, — считал Лепька, глядя на красные полосы, остающиеся после ремня на ягодицах Шкоды, — три, четыре! Квит.

Как только Хвостиков закончил, Дворянин прицурился и, чуть присев, потянул Сатану с такой силой, что рядом стоявшие пацаны вздрогнули. После четвертого удара парикмахер не выдержал и позорно выпустил кишечный газ. Словно от пистолетного выстрела, шарахнулись мальчишки в разные стороны, а потом начался такой хохот, что многие попадали на кровати и катались от смеха до коликов в животе.

— Теперь будут знать настоящую цену хлеба, мухоморы! — зло сказал Мишка и, забрав ремни, пошел готовить лыжи на завтра.

Ночь Мишка Копырин спал плохо, несколько раз просыпался, выходил на улицу, смотрел на небо, но когда возвращался и вновь засыпал, то снился ему все тот же Сатана, с хитрой мордой, упрекающий Мишку за то, что поступил он с ним вроде бы несправедливо, опозорив лучшего парикмахера колонии перед всеми пацанами. Проснувшись, Мишка опустил ноги с кровати, потряс головой, как бы освобождаясь от неприятных мыслей, сказал вслух: «Парикмахер ты, Сатана, хороший, да человек — дерьмо!»

Услышав, что дежурные по кухне возвратились из пекарни, Мишка разбудил Шмыгу, позвал в коридор для разговора. Тот быстро вскочил, натянул сапоги, вышел.

Интернат спал.

— Слушай, Васек, — шепотом сказал Копырин. — Сегодня меня не будет весь день, мне в Хвалынск — вот так надо! — Мишка провел ребром ладони по шее. — Если кто спросит — я в горы ушел, на лыжную трени-

ровку. Понял? А сейчас, будь другом, попроси у дежурных мою горбушку. Пока не рассвело — я не то что за селом, а в Старой Яблонке буду.

Василий Шмыга направился на кухню, а Копырин, забрав лыжи и палки, вышел из интерната в морозную темь. Тянула небольшая поземка, Мишка посмотрел на небо, определил: «Часов пять, пожалуй, не больше». Пока он застегивал на ботинках ремни крепления, вернулся Шмыга.

— Вот, Мишаня, возьми. Финка с собой?

— А как же? В дорогу с голыми руками нельзя.

— Ну, будь!

— Спасибо, Васек! До вечера.

Опершись на лыжные палки, Мишка сильно оттолкнулся и быстро побежал на старую наезженную лыжню. А через два часа он входил в Хвалынск, когда город вовсю дымил бесчисленными трубами деревянных домов. Минуя мост и маслозавод, Мишка свернул в первый проулок направо и без труда отыскал с детства знакомую завалюху Костиных.

Приземистый, скособоченный, до окон засыпанный снегом домишко стоял на крутом яру и подслеповатыми раскосыми глазами робко глядел на Волгу. Но в домишке теплилась жизнь: из его нутра, через замерзшие окна, падали на снег два желтоватых пятна, и Мишка понял, что дядя Евдоким встал и, видно, готовит для себя и для ребят завтрак. Сняв лыжи, Мишка вошел во двор. На снегу виднелся след к сараю, и Копырин сразу определил: полная ступня от правого ботинка, половина от левого. Значит, живой дядя Евдоким, это он хромал за дровами, чтобы печь топить.

Из жестяной трубы, невысоко возвышающейся над заснеженной крышей, пахнуло кизячным дымком, и Мишка тут же вспомнил про свой дом и про свою мать, которой он тоже приносил кизяки из сарая, а потом она долго разжигала их, подкладывая сухие лучинки. И вновь защемило сердце у Мишки, да так, что лучше бы и не вспоминать...

Поставив лыжи и палки у крыльца, Мишка взошел на две единственные ступеньки без перил, поднял щеколду, толкнул дверь в сенцы. Сделав два шага по скрипучим, промерзшим половицам сеней, нащупал в обшитой соломой и рогожей двери ручку, дернул ее на себя и шагнул через порог.

Костин-старший неуклюже повернулся, качнувшись из стороны в сторону всем корпусом, удивленно уставился на вошедшего.

— Ты, что ли, Миша? — словно растерявшись, спросил Костин.

— Я, дядя Евдоким! Здравствуйте!

— Здравствуй, сынок! Проходи, проходи, дорогой. Климка! — крикнул он, хотя кричать и не надо было, Климка уже проснулся. — Ты глянь-ка, кто заявился?! Радость-то какая, а! Ну вот, садись за стол, живой и здоровый, выходит! Очень я этому рад! Давай перво-наперво завтракать станем, а потом уж все остальное.

Мишка сел на широкую, давно знакомую скамью, вынул из-за пазухи горбушку пшеничного хлеба, положил на стол.

В это время Климка, сбросив с себя лоскутное одеяло, встал, надел холщовые штаны, а затем подошел к Мишке.

— Здорово, Мишань! — протягивая руку, сказал Климка. — Откуда ты?

— Сейчас из Алексеевки.

— С подводой?

— Нет, на лыжах я. Ну, как вы тут?

— Как видишь, скрипим, а за жизню цепляемся покуда, — ответил Костин-старший. — Климка со мной на заводе работает, а меньшой-то помер, от воспаления пупа. Не смогли спасти мальчонку. Вот какие дела-то, Миша. Ты как?

— Я-то хорошо, дядя Евдоким! Про Илюшку не знаете ли чего? — спросил Мишка, с тревогой посмотрев в бородатое лицо Костина.

— Как не знать, Миша, — живо ответил Костин-старший. — Живой твой братишка, в детском приюте здесь. На прошлой неделе сам я ходил к нему, гостинцев да молока носил, а так Климка мой частенько бегает.

— Признает вас, Илюшка-то? — обрадовавшись, спросил Мишка.

— Как не признавать, геройский парень! По первости все про тебя спрашивал, а теперь забывать начал. Последний раз, в среду на той неделе, вдруг ни с того ни с сего спрашивает он меня: «И чего мамаша с тятенькой долго не идут ко мне?..» Понял, Миша?.. Я аж обомлел и не знаю, что сказать ему. Выходит, не позабыл он еще про родителей-то!.. И тебя не позабыл. Так что обра-

дусешь ты его. Я вот денег тебе дам, купи ему гостинцев, пряников али еще чего там, да с Климкой после завтрака и идите. Доведет он тебя, покажет, где тот приют находится.

— Денег мне не надо, — сказал Мишка, разволновавшись от сообщения дяди Евдокима. - Есть у меня деньги-то.

— Нет-нет, возьми! — запротестовал Костин-старший. — Деньги эти твои. Бычка я продал вашего, коровка-то отелилась, у меня, находится, пуще глазу берегу ее, а телка пришлось продать, ухаживать некому. Я ведь ходил в Черемшаны-то, да тебя там уже не было. Вот я и не знал, что с коровой-то делать?.. Думаю, обожду малость, объявится Миша, не может того быть, чтоб не объявился. И хорошо, что так получилось, пришел все же!

Костин-старший вытащил откуда-то из-за подкладки старенького пиджака две пятирублевые бумажки, подал Мишке.

— Вот, Миша, червонец тебе, две пятишницы стало быть. Продал я телка-то за тринадцать рублев. Трешку потратил на Илюшку, а десятка осталась. За домом я тоже приглядываю, ставни досками зашил, ну и другое там кое-что сделал. А теперь, коль ты объявился, значит, давай решать. Ежели дом продавать надумаешь, продадим, только скажи, а ежели в Хвалынске думаешь жить, можно на время и квартирантов пустить, иначе один убытки от дома-то. Без тебя-то я не решался, не имею такого полного права, ты хозяин!

Мишка, странно улыбаясь, поглядел на дядю Евдокима, сказал:

— Какой из меня хозяин, дядя Евдоким! Корова вам нужна — пусть она у вас и будет. А дом продать надо, не могу я тут...

— Ну и ладно, — понимающе посмотрев на Мишку, сказал Костин-старший. — Дом продадим, деньги тебе сгодятся, а молоко Илюше надо, да и нам с Климкой большая поддержка. Я приду к нему, к Илюшке-то, он радуется, а мне облегчение на душе от этого, потому что дружба у нас с твоим отцом до гробовой доски была! Давай, Миша, завтракай с нами, чем богаты, как говорят... Кушай на здоровье, сынок!

На завтрак хозяин приготовил картошку в мундирах, поставил глиняную чашку квашеной капусты с мочеными

яблоками, налил по кружке молока. Хлеб у Костиных ржаной, но чистый, без мешанины.

Мишка разрезал на куски свою горбушку пшеничного хлеба, положил на середину стола.

— Ешьте вот пшеничный, — сказал он. — В колонии у нас хлеб хороший.

— Выходит, ты опять в коммуну возвратился, Мишань? — спросил Клим.

— А куда же мне больше?.. Пробовал я один раз, знаю. Взял меня к себе старик, обещал на завод устроить, а старуха уговорила его, чтоб я огород ихний караулил: старик ночью, а я днем. За харчи, конечно, вроде как в сыновья взяли меня. Посидел я у них на огороде с неделю — и такая тоска меня взяла, хоть удавись! Ушел, а не то заставили бы огурцами торговать на базаре!

— И правильно сделал! — одобрил Костин-старший. — А в коммуне-то как? Тоже работаете или учитесь?..

— И работаем и учимся. Хозяйство свое имеется, — пояснил Мишка. — Хочу по машинной части пойти, по дизелям можно, по другим машинам.

— Очень даже хорошо, — одобрил Костин-старший.

— Дядя Евдоким! Давно хотел узнать: кроме Храпычева, кто еще был, когда убили отца с матерью? Выяснилось на суде?..

— А как же. Бандитов, коих удалось схватить, судили и расстреляли. А которого Фома Ефимыч ранил, тот с коня упал, без сознания оказался, они и бросили его. Всю банду поименно он раскрыл, что под горой Богданихой грабежом занималась. Николка Храпычев руководил этим злодейством. Его-то как раз и не поймали, утек, гад!

Поблагодарив хозяев за завтрак, Мишка молча походил по избе, обдумывая что-то, а потом спросил:

— Где эти Храпычевы живут сейчас?

— В своем доме, прямо от нас идти — на горе. Зачем тебе? — заподозрил Костин-старший, что спросил Мишка об этом неспроста.

— Пойду и прикончу их, — решительно, но спокойно, как о давно обдуманном деле, сказал Мишка. — За мать и за отца все ихнее гнездо порешу!

— Семья тут ни при чем, Миша, — испугавшись за него, сказал Костин-старший. — Да и какая там семья:

...рыл полоумная, не сегодня завтра помрет, да жена, которая ждет не дождется, чтоб изловили этого зверя! Зря ты такие думки имеешь, Миша! Расстрел Храпыченку по закону уготовлен, а коль власти ищут его, то обязательно найдут. У тебя же брат малый, Илюшка, разве можно его оставить в сиротском приюте? Окромя тебя у него никого нет, ни пожалеть, ни приласкать его некому. Отец твой за такое дело не похвалил бы тебя. Ты, чай, не бандит какой-нибудь, а сын красного командира Фомы Копырина!

Мишка ничего не ответил на это, сел на лавку, задумался.

— Ну, ладно, разговор этот между нами, дядя Евдоким. Пойдем, Клим, сходишь со мной к Илюшке.

— Пошли, — охотно согласился Климка.

Костин-старший, проводив их до калитки, сказал:

- Ты, Миша, к обеду обязательно приходи. Обговорим окончательно, как быть с домом, об Илюше расскажешь, решим, как дальше. Может, мы с Климкой к себе вон мем его?.. Лыжи твои я в избу занесу, надежнее будет.

В одном из частных магазинов Мишка купил братишке пряников, конфет, кренделей, или, как называли их тут, рогачей, с анисом и с маком. Конфет купил Мишка целых три фунта в цветных бумажках с махрами на концах и в других красивых обертках. Он готов был потратить на Илюшку все деньги, но что еще купить — не мог придумать, да и Климка, как более практичный человек, сказал, что покупать много не надо, все одно там сразу все съедят другие ребятишки. Мишке не жалко было — пусть едят и радуются другие пацаны, лишь бы на Илюшку поглядеть и чтоб довольным остался.

Детский дом находился в центре города, за церковью, огляден боковыми окнами второго этажа на площадь, огороженный от нее трехметровой каменной стеной, а с противоположной стороны был обнесен тесовым забором. Именно через щель этого забора и наблюдал Мишка в тот раз за гуляющими во дворе пацанами, но Илюшки среди них не было, а может, Мишка не узнал его?. Вырос, наверное?..

Внимательно выслушав просьбу Копырина, пожилая строгая женщина, заведующая детским домом, сказала:

— Вы, Миша, хотя и старший брат Илюши, но отпустить его с вами мы не можем, не имеем права. По-

будьте часок вместе, поиграйте с ним, передайте гостинцы, но не расстраивайте мальчика, он очень впечатлительный ребенок. Скажите, что будете приходить к нему в гости, если можете, конечно, только говорите правду, не обманывайте, чтоб он не плакал потом. Поняли меня, Миша?

— Я никогда не брошу его и не обману, — ответил Мишка, едва сдерживая слезы. — Разве можно брату наврать?.. Он же маленький...

— Хорошо, что вы умный мальчик, Миша, и понимаете это, — сказала заведующая. — Сейчас я скажу, чтоб привели вашего братика.

Она поднялась из-за стола, выглянула в дверь, сказала кому-то, чтоб к ней в кабинет привели из младшей группы Илюшу Копырина.

Климка, попрощавшись с заведующей, ушел, а Мишка стал ждать, когда приведут Илюшку, силясь представить, какой он теперь. Вполне возможно, что Илюшка не узнает его и не захочет подойти, хотя дядя Евдоким и уверял, что не позабыл он старшего брата.

Мишка сидел на диване, положив рядом с собой гостинцы. За столом, напротив, сидела строгая заведующая, и, когда ввели за руку упирающегося Илюшку, Мишка замер, дыхание его остановилось, и, чтоб не вскрикнуть, он зажал рот ладонью.

— Я не дрался, — сказал Илюшка обиженным голосом и чуть не плача.

— Ты хороший мальчик, Илюша, — ласково сказала заведующая. —Привели тебя потому, что к тебе пришли. Погляди-ка, кто это?..

Илюшка повернул голову, куда указала заведующая, синие глаза его начали округляться, и он, не помня себя, закричал:

— Миня!.. Мишаня нашел меня! Мой Миня!.. — И с разбегу прыгнул к старшему брату на колени, обхватил ручонками за шею, начал тереться о кудлатую голову щекой, повторяя одно и то же: — Братушка мой, миленький Миня!.. Мишаня...

У Мишки текли по лицу слезы, и говорить он совсем не мог...

Строгая заведующая осторожно встала со стула, поднесла к глазам платок и тихо вышла из кабинета, прикрыв за собой дверь...

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ТРЕТЬЯ

Заведующий губнаробразом Желтков с трудом поднимался по лестнице даже на второй этаж, где находился его кабинет: шалило сердце. «Мотор надо менять, а нового на складе нет!» — шутил Данила Романович с близкими людьми, когда речь заходила о его здоровье. Он не то чтобы не боялся смерти, а, как и все люди, хотел пожить подольше.

Уборщица губнаробраза старая Васена, перемывшая за свой век столько полов, что ими можно было бы вымостить все улицы, переулки и площади губернского города, поздоровалась с Данилой Романовичем в коридоре и, когда тот закрыл за собой дверь приемной, влезла на табуретку, поставила стрелки стенных часов на девять, качнула маятник, и это означало, что учреждение приступило к работе.

Приветливо поздоровавшись с секретаршей Мальвиной Николаевной, Желтков прошел в свой кабинет. Повесив шубу и шапку на вешалку, Данила Романович пригладил руками густо посеребренные виски, сел в кресло. На столе лежала отобранная для него почта. Конверты с пометкой «лично» Желтков вскрывал сам.

Вот и сейчас, вскрыв один из таких конвертов, Данила Романович извлек из него докладную записку заведующего Хвалынским наробразом Скукина. Отпечатанная на пишущей машинке записка являлась сочинением на целый печатный лист! Речь шла о колонии имени Джона Рида и о ее заведующем.

Отложив другие бумаги в сторону, Данила Романович начал читать. По мере того как он просматривал текст, лицо его то хмурилось, то болезненно кривилось, словно от зубной боли, то появлялось на нем выражение недоумения.

Дочитав записку до конца, Желтков поднялся с места, прошелся по кабинету, потирая морщинистый лоб, и, открыв дверь, сказал секретарю-машинистке:

— Мальвина Николаевна! Позвоните Звягинцевой и спросите у нее, когда сможет принять меня Васильй Федорович. Скажите, что дело касается колонии имени Джона Рида.

— Сию минуту, Данила Романович, — ответила секретарша. — Как только выясню — доложу.

Желтков возвратился на место. Взяв красный кара-

даш, он вновь начал читать докладную Скукина, делая на ней какие-то пометки, а отдельные места подчеркивая красным карандашом.

— Эх ты?! — иногда восклицал он, записывая на мятый листок выдержку из докладной записки. — Ух ты!.. Ну это, братец, бабка надвое сказала... На то он и заведующий, чтоб решать такие вопросы. Я полагаю, что Рассветов вынужден был не принимать в колонию этих воров! Колония-то у него для детей и подростков, а не для содержания в ней бандитов. А вот это — серьезное обвинение, голубчик, требующее тщательной проверки! «Колонисты занимаются ночным разбоем, грабят на большой дороге крестьян, едущих на базар или возвращающихся с базара!» Подхватывать на лету такие слухи не годится, братец!.. Почему ты считаешь, что именно колонисты их грабят?.. Это надо доказать, голубчик, а потом уж выносить такое суровое обвинение. Было бы тебе известно, что только по одной нашей губернии действуют несколько мелких банд, а ты, не разобравшись, приписываешь грабеж колонистам! Ох, чует мое сердце, что сгустил ты краски, голубчик! Рассветов, видно, с его прямотой, на больной мозоль наступил тебе, Павел Поликарпович!.. Но как бы там ни было, а надо мне ехать самому и во всем этом разобраться. Нехорошо получается! Пять месяцев, как существует колония, а я еще не был... Обещал тому долговязому парню, который тут у меня комедию ломал на крыльце, вот и надо держать слово...

Открылась дверь кабинета, и Мальвина Николаевна сказала:

— Данила Романович! Товарищ Батраков ждет вас.

— Спасибо, голубушка, — ответил Желтков, поднимаясь из-за стола. — Сообщите Звягинцевой, что я сейчас буду, да попросите, чтоб не держала меня в приемной. Страсть не люблю впустую терять время, и хотя она знает об этом, но вы все-таки напомните.

— Я обязательно напомню ей, Данила Романович, — улыбнувшись, сказала Мальвина Николаевна и, притушив огоньки красивых серых глаз, сообщила: — К вам на прием просятся два человека, что им сказать?

— Вы же знаете — я никогда и никому в приеме не отказываю, попросите их через час, если они могут подождать, а нет — направьте к заместителю.

Одевшись и прихватив с собой докладную записку

Скукина, Желтков направился в губернский комитет партии.

Василий Федорович Батраков ценил Желткова как человека большого практического опыта в области народного образования, не терпящего скороспелых, необдуманных решений и сомнительных выводов. Ставил в пример другим и его ревностное отношение к разумному использованию времени. И если уж Желтков решился отнять у секретаря несколько минут, то можно было не сомневаться, что положение требует вмешательства вышестоящих организаций или согласованных действий.

— Садитесь, Данила Романович, и докладывайте: что случилось? — сказал Батраков, поздоровавшись с Желтковым за руку. — Я слушаю.

— Не считаю возможным отнимать у вас и минуты дорогого времени, чтобы подробно излагать содержание докладной записки заведующего Хвалынским наробразом Скукина, скажу о главном.

Заведующий колонией Рассветов обвиняется в несоблюдении инструкций и прямом неподчинении указаниям Хвалынского наробраза, касающимся учебных программ.

Воспитание колонистов строит, как сообщает Скукин, на сомнительном, никем не проверенном принципе самоуправления, что, по мнению Хвалынского наробраза, не исправляет беспризорника, а усугубляет заложенные в нем пороки.

Рассветов выдал замуж несовершеннолетнюю колонистку, сам присутствовал на этой свадьбе в роли посаженого отца и вместе с воспитанниками, как говорится в докладной, «хлестал самогон».

В ОГПУ якобы поступили сигналы, что колонисты занимаются вооруженным грабежом на большой дороге, а Рассветов скрывает это и тем самым потворствует разбою.

Хвалынский наробраз сообщает, что Рассветов не признает нового педагогического направления в подходе к личности воспитуемого и считает педологию контрреволюцией в педагогике!

Поскольку с 1 января этого года колония передана в ведение наробраза, Скукин вносит предложение: Рассветова от должности заведующего колонией отстранить и назначить на его место Извекова Сергея Александровича, преподавателя математики этой же колонии, имеющего учительское образование.

— Все? — спросил секретарь губкома, пристально посмотрев на Желткова.

— В основном — да! Вот, эта докладная. — Желтков положил на стол секретаря папку с докладной запиской Скукина. — Не слишком много отнял у вас времени?

— Нет-нет, я не об этом. Сам-то как расцениваешь? — и Батраков вновь испытующе посмотрел на Желткова.

— Не могу скрыть от вас, Василий Федорович, гложет меня сомнение в необъективности Скукина к колонии вообще, а к Рассветову в частности. Я ведь знаю Андрея Ивановича еще по работе в гимназии, а тут такое, знаете ли, во что не могу поверить. Вполне допускаю, что Рассветов резко выступил на конференции руководителей школ, детских домов, работников печати и педологов, организованной Хвалынским наробразом, но, чтоб скрывать грабеж или «хлестать», как тут пишет Скукин, с воспитанниками самогон, ни за что не поверю!

Разволновавшись, Желтков вытащил из кармана платок и начал вытирать им обильно выступивший на лбу и отечном лице пот.

— Почему вы допускаете, что Рассветов резко выступил против педологии? Насколько мне известно, ученые-педологи преподносят свою науку как марксистскую.

— А вот послушайте, что пишет Скукин о выступлении Рассветова в своей докладной: «Я не претендую на глубокое познание марксизма, товарищи педологи, — сказал Рассветов, — но ваш подход к делению детей и подростков на умственно отсталых, социально запущенных, трудных, неисправимых правонарушителей и еще каких-то там, что обобщается вами модным определением как дефективные, в отличие от нормальных детей и подростков, — это не может не вызвать возмущение у честных педагогов! Извините, но это — педагогическое шарлатанство, прикрытое марксизмом!»

В этом монологе — весь Рассветов. Как вам нравится? — Желтков закрыл папку и пододвинул ее Батракову.

— А вы знаете, Данила Романович, очень даже интересно! — встав с места, сказал секретарь губкома. — Сидите, сидите! — махнул он рукой, заметив, что Желтков намеревается встать. — Дело в том, что я впервые слышу, чтобы вот так прямо протестовали против входящей в моду, если можно так выразиться, новой науки. Моло-

лец, комиссар! Смелый, решительный, именно таким я его и представлял! В народное образование ни в коем случае нельзя допускать шарлатанов, которые делают ученую карьеру. Надо вам самому ехать в колонию и в Хвалынский наробраз, на месте разобраться. На прошедшей партийной конференции хвалынские коммунисты избрали нового секретаря — Набатова Ивана Михайловича, познакомься с ним, он поможет. А Рассветову сейчас дай телеграмму, чтоб прислал за тобой лошадок в Вольск.

— Полагаю, Василий Федорович, о Скукине придется решать вопрос.

— Что так сразу? — спросил Батраков, зная, что Желтков никогда не спешил с подобными предложениями о руководящих работниках.

— Не сразу, Василий Федорович! Давненько присматриваюсь к нему и пришел к выводу: не по Сеньке шапка! Чиновник он, а не руководитель наробраза.

— Коммунист?

— Беспартийный, к сожалению, — почувствовав какую-то неловкость, ответил Данила Романович.

— Почему «к сожалению»? — улыбнулся секретарь губкома, вскинув неожиданно повеселевший взгляд на Желткова. — Наоборот, очень хорошо! Хуже, когда коммунист становится чиновником! Вот с Набатовым вместе и подберите там подходящего товарища, а Скукина направьте учителем в школу. Ну, словом, это ваше дело. А здоровье как, Данила Романович?

— Врачи говорят, клапаны в моторе менять надо, а на складе подходящих пока нет, — пошутил Желтков.

— Ты же года на два моложе меня, Данила Романович! — воскликнул Батраков, подбадривая Желткова.

— Моложе, да закалка видишь не та, Василий Федорович!

— Ничего, ничего, еще поработаешь. А подвернется путевка на черноморский курорт — поедешь и подремонтируешься! Папку эту с собой прихвати, Данила Романович, покажи Набатову, если сочтешь нужным. Вернешься из командировки — расскажешь.

Возвратясь в губнаробраз, Желтков составил телеграмму Рассветову и попросил Мальвину Николаевну тут же отправить ее.

А потом для себя заказал железнодорожный билет до Вольска.

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ЧЕТВЕРТАЯ

Желтков прибыл на Вольский железнодорожный вокзал рано утром.

Матвей Хохлов словно чутьем угадал своего пассажира, обратившись к полному пожилому человеку в мохнатой шубе и в дорогой пыжиковой шапке:

— Извиняйте, гражданин, не вы ли будете Данила Романович Желтков?

— Я, голубчик! — обрадовался завгубинаробразом.— Вы из колонии?

— Андрей Иванович за вами прислал. Боялся, прогляжу, но угадал, слава богу! Пожалуйте сюда,— Мотька указал рукавицей в правую сторону.— Лошадки наши у знакомых, недалеко тут. Тулупчик вам привез, Данила Романович!

— Спасибо, братец! Морозец-то жмет, а?.. Как звать-то тебя? — сразу перешел на «ты» Данила Романович, дав понять своему кучеру, что он предпочитает обращение простое и доверительное.

— При крещении наречен Матвеем, а по отцу Анисимыч,— ответил Хохлов. Старший рабочий я, стало быть, в колонии-то.

— Рад познакомиться, Матвей Анисимович! Возьмика, голубчик, чемоданчик мой, да не так резко шагай.

— Виноват, Данила Романович! Чемоданчик у вас невелик, так я и постеснялся, чтоб не обиделись, не дай бог, — принимая портфель из рук Желткова, сконфуженно пробормотал Мотька.— Я для вас самоварчик заказал хозяйке, все чин чином, как и полагается.

— Хороша ли дорога-то? — осведомился Желтков.

— Дорога наезжена, не беспокойтесь. До Широкого Буерака — Волгой, а от Широкого до Алексеевки — столбовой дорогой,— пояснил Мотька.— Я с вечера тут дожидаю вас, кони отдохнули, сегодня дома будем.

Напившись чаю, Данила Романович посидел в уютной и чистой горенке, пока Хохлов запрягал лошадей, и, надев тулуп с большим воротником, сел в удобные, обитые войлоком сани.

Хозяин дома радушно попрощался с Хохловым, приглашая непременно заезжать, если случится бывать в Вольске, и повозка, запряженная парой сытых, застоявшихся лошадей, тронулась.

Стояло раннее утро. Сыпал мелкий сухой снежок,

скрипел под полозьями. Город словно окутался в белое мельтешащее рядно. С восходом солнца, которое угадывалось по желтоватому, размытому в небе пятну, мороз крепчал.

Мотька Хохлов сидел на облучке, весело помахивал плетеным кнутом, дразня увязавшихся за санями собак. Изловчившись, он хлестким ударом кнута огрел взъерошенную, заливисто лаявшую псину, и та, громко взвизгнув, отстала. А Мотька, довольный своей проделкой, сказал:

— Так тебе, знай наперед и на начальство не гавкай!

Желтков молча наблюдал из узкого просвета стоячего воротника нового тулупа, улыбался. Он не спешил с разговорами: дорога предстояла длинная, и многое, что интересовало Желткова, он надеялся выяснить у своего кучера еще до прибытия в колонию. Матвей Анисимович показался словоохотливым, простецким мужичком, и о событиях в колонии даст информацию точную и бесхитростную. Так, по крайней мере, думал Данила Романович, упуская из виду, что «простецкий мужичок» вовсе не прост и тоже загодя прикидывал, как и что отвечать, если спросят его.

Дорога показалась Желткову ухабистой, сани взлетали с одного пригорка на другой, а кучеру постоянно приходилось сдерживать коренника, проснувшегося вожжи. Но вот позади остались цементные заводы с высоко дымящими трубами, и вскоре дорога побежала между утопающими в снегу березами и осинами к Волге.

Как только выехали на лед, покрытый плотным снегом, огненно-рыжий коренник Троян фыркнул широкими розовыми ноздрями, выдохнув клубы густого теплого воздуха, резво пошел иноходью, приглашая пристяжную кобылицу Сороку помериться прытью.

Там, где река образовывала изгибы, подмывая весной и летом гористый берег, зимняя ледовая дорога шла прямиком, сокращая путь. Утро прояснилось, и когда задремавший Желтков откинул воротник тулупа, чтобы посмотреть на Вольск с Волги, то обнаружил вокруг белое безмолвие да две, бегущие навстречу, темные полосы леса по берегам Волги. Ни города, ни высоко поднятых в небо дымящих труб цементных заводов не было видно. Матвей Хохлов, сидя вполоборота к Желткову, прокричал, словно пассажир его был глуховат на ухо:

— В Широком Буераке полагается кормить лошадей и обедать! Передохнем малость, Данила Романович!

— Ежели полагается, то, оно конечно, надо кормить лошадок и самим обедать! — лукаво прищурившись на кучера и подражая ему, прокричал в ответ Данила Романович.

— Думки у нас с вами сходятся! — вновь прокричал Мотька, дав полную волю Трояну показать свою удаль.

— Выходит так! — в том же тоне ответил Желтков.— А ты чего кричишь, Матвей сын Анисимов, я, кажись, не оглох покуда?!

— Коли так, то и ладно, — рассмеявшись, ответил Мотька. — А я по своей дурости полагал, что слова при быстрой езде ветром сдувает! Вот оттого и кричал.

— Трусцой езжай, Матвей Анисимович, да расскажи, как вы поживаете в колонии?.. Говорят, людей грабите на большой дороге?

Мотька от таких слов заерзал на своем сиденье и, переведя лошадей на шаг, ответил:

— Разве мы нехристи какие, Данила Романович, чтоб людей грабить? — В голосе Мотьки послышалась обида.—Брешут, стало быть! Я так вам скажу в счет этого: в соседнем селе, в Селитьбе, братовья мои живут, так вот они натыкались на лесных бандитов, кои под страхом смерти отпустили их, чтоб те ни гугу! Молчок, словом, видел—не видел, и все тут, иначе порешат, ежели скажут кому. Вот, значится, под марку колонистов они и разбойничают на большой дороге. Так-то, Данила Романович! Но я об этом вам не говорил, потому боюсь их, лесных-то.

— Подслушать нас тут никто не может, Матвей Анисимович, а я не выдам, не изволь сомневаться. Не участвуют ли заодно с ними и колонисты ваши?

— Боже сохрани! — воскликнул Мотька.— Там народ пропащий, головорезы, с пацанвой не свяжутся. Наши ребята хоша когда-то и шныряли по базарам, но людей не убивали и не грабили, а лесные с живого шкуру сдерут, один не попадайся! Попервости они сулили богатеньким мужичкам и кулугурам спихнуть безбожную власть в ближайшее время, а когда под горой Богданихой ввязались в бой с чекистами, их там и перещелкали, как зайцев! Те, что уцелели и вырвались из окружения, живут теперь на волчьих правах, по лесам, не щадят ни встречного, ни поперечного. Теперича даже старообряд-

ны, ничто не любят безбожную власть, и те супротив их, не хотят на свою душу смертный грех брать.— Мотька шевельнул вожжами, и лошади легкой рысцой пошли по заснеженной, искрящейся на солнце дороге к мысу лесистой гривы. В этом месте, круто вильнув вправо, Волга делала крутой изгиб, а зимняя дорога по ней, будто летящая стрела, шла прямиком.

— От того мыса,— указывая кнутовищем на лесистую гриву, сказал Мотька,— до Широкого Буерака семь верст, а направо от нас Балаково будет.

— Сам-то почему в колонии работаешь?— думая о чем-то о своем, спросил Желтков.— Из крестьян-бедняков или из батраков будешь?

— Да оно как сказать?— смущенно осклабился Мотька, потирая рукавицей заиндевелую рыжую щетину на подбородке.— Когда с отцом да с братовьями жил — вроде бы лишний рот в семье, приходилось и в работники напрашиваться, и в подпасках бегал, а как женил меня отец, так и раздел потребовал, сам хозяйством начал обзаводиться, по голодный год всех подрезал! Теперь вот думаю на ноги становиться: деньжонок скопил малость — лошадку куплю, домишко поправлю, ну и другое по хозяйству требуется. По нынешним временам крестьянину жить можно: ни тебе продразверстки, никакого добавочного задания по хлебу, излишек есть — продай, одним словом — продналог! Жена у меня работящая, не чета иным бабам, и уж зря копейку не израсходует! Дал я ей как-то на наряды пятнадцать целковых, а она вместо юбок да кофт телушку купила! К осени, глядишь, корова будет. Не баба, а золото! Ждет домой меня, да тесть охмурил нас шибко, каналья! С приданым неладно получилось, с той поры я и враздряге со всей ее родней, да, видно, мириться надо.

— Вполне разумное решение,— поддержал Данила Романович.— Лучше худой мир, чем добрая потасовка! А с колонистами приходится вам скандалить?

— Не без этого,— охотно отвечал Матвей.— Народ своевольный: ты ему одно говоришь, а он по-своему норовит сделать. Как тут утерпишь?

— Но все же работают?

— А как же?.. В таком хозяйстве, как у нас, сложа руки сидеть нельзя. Из наемных-то работников, считай, всего человек пять-шесть на всю колонию, так что панам все самим приходится делать. Кривить душой не

хочу: иные ребята стараются, другие — хоть пень колотить, абы день проводить, а некоторые — и вовсе руки в брюки, шиш в карман, вроде колония обязана кормить их, паразитов!

— И что же с такими делаете? — настороженно спросил Желтков.

— Трудно было поперво-наперво, хоть из колонии убегай! А когда сделали звенья и бригады и чтоб старших они из самих себя выбрали, вот тогда они и принялись дружка за дружкой глядеть, чтоб каждый как надо работал! Теперя ничего, и мне как старшему рабочему, и агроному Федору Алексеевичу много легче стало. А кто из них проштрафился — на совет бригадиров, а уж там они пропрогают его, голубчика! Что совет решит — тому и быть!

— Выходит, одобряете такое самоуправление?

— Очень даже одобряю! Понимать начали: не потопаешь, так и не полопаешь! Закон для всех один: хлеб надо заработать!

— Все правильно! — одобрил Желтков. — А в школу ходят колонисты?

— Ходить-то они ходют, Данила Романович, но я хоша и мало грамоте учился, а все же заметил: не так их обучают! Вот, к примеру, с колонистом Копыриным спор у меня вышел, ежели интересно вам, конечно?..

— Очень интересно! — с живостью отозвался Желтков.

— Так вот, этот самый Минька Копырин, креста на нем нет, как и на его дружках, про другие планеты и про звезды читает. На Луну, говорит, дядя Матвей, скоро полетим! Я ему про вавилонское столпотворение толкую, а он на смех меня! Ты бы, говорит, темноту свою малость просветлял! Так и быть, книжку тебе принесу. И приволок-таки, которую я начал было читать, да не про меня писана оказалась.

— Неужели в спор вступил с тобой? — как-то особенно весело спросил Желтков, будто обрадовался чему-то.

— Кабы в спор, а то чуть не в драку полез! — воскликнул Мотька. — И вроде бы Сергей Александрович Извеков, учитель наш, говорил им об этом на уроке. Супротив Библии получается?!

— Молодец Копырин! — весело глядя на недоумевающего Матвея, сказал Данила Романович. — Я не осуждаю тебя, Матвей Анисимович, религиозные заблуждения

человек не сразу преодолеть может, когда с малых лет внушали ему о существовании бога и черта. А Копырин, видать, умный парень, коль свое мнение отстаивает? Принципиальный!

— Хулить не буду, — отозвался Мотька. — На мельника начал учиться и по машинной части. Сейчас у нашего машиниста, Ивана Ломаки, считай, шестеро ребят обучаются. Машинист он хороший, строгий, и, ежели они одолеют эту науку, людьми станут, верно говорю.

— Обязательно одолеют, Матвей Анисимович, — уверенно сказал Желтков. — Ребята они молодые, при желании любую специальность освоить могут.

— Когда захотят, то конечно, — согласился Матвей. — Ежели бы нам мастерские хорошие, Данила Романович, пожалуй, многие бы за ум взялись. Чтоб у них интерес к делу был, а без этого они работать не станут, нет!..

— Хитришь, Матвей Анисимович! — засмеялся Желтков. — Ты же уходить собрался?

— Я уйду — не беда, они останутся, людьми могут стать!

— И то верно! Беспокоишься о них все же?..

— Да ведь привык к ним. Ежели рассудить, разве они виноваты?.. Не дай бог никому такую жисть! Подумать только, малец, а ни отца, ни матери, ни родных, один как перст, и пожалеть некому!.. Не всякий из них имеет интерес к земле, к хозяйству словом, а поучится в мастерских — столяр или жестянщик, глядишь, и выйдет, и кусок хлеба себе он всегда заработает! Сколько раз я завидовал: идет по деревне мастеровой в фартуке и кричит: «Кому ведра чинить, кастрюли паять, ножницы точить! Старухам за деньги, молодухам за так, за медный пятак!» Неделю-другую походил, и денежки у него в кармане зашевелились. Мастеровой человек нигде не пропадет!

Желтков, прищурившись, лукаво посмотрел на своего кучера и, как бы подводя итог разговора, сказал:

— Ну что ж, Матвей Анисимович, хвалю за ухватку, деньги на мастерские, считай, ты выпросил! Но как только приедем, скажу Рассветову, чтоб в другой раз дипломата ко мне не подсылал, не то весь губпаробраз разорите.

— Обижаете, Данила Романович, — не растерялся Мотька, плутовато поглядывая на Желткова. — Я сам по себе, Андрей Иванович ничего мне не приказывал,

ей-богу, не вру! А за обещанное большая вам благодарность от всей колонии будет, пацаны до потолка прыгать зачнут!

— Мне и самому хотелось сделать для них что-нибудь хорошее, да возможности ограничены,— посетовал Желтков.

— Вот он и Широкий Буерак! — указывая кнутовищем вперед, весело сообщил Хохлов, довольный результатом трудного, но важного разговора. Нет, не зря он старался расположить к себе этого начальника, хоша для себя ничего не выгадал, но доброе дело, сделанное ради людей, даром не пропадает...

Почуяв близость жилья, иноходец Троян, легко рассекая густой воздух мощной грудью, словно подминал под себя оставшееся до Широкого Буерака пространство, а тонконогая и поровистая Сорока, изогнув шею, скакала таким гордым галопом, что со стороны казалось, будто она танцевала по обочине дороги.

Глядя вперед, Желтков хорошо видел и приземистые крестьянские избы, разбросанные по высокому и ухабистому правому берегу Волги, и серые тугие столбы дыма, растущие над крышами домов на глазах, и понуро стоявших на задворках рыжих коров, греющих худые бока под лучами зимнего, но уже повернувшего на лето, солнца...

Пока Матвей распрягал лошадей, Данила Романович, сбросив тяжелый тулуп, прохаживался по двору, разминая отекшие ноги.

Хозяин заезжего двора, чернобородый мужик в дубленой шубе, постукивая по ступенькам крыльца деревянной ногой, радушно приглашал:

— Милости просим, дорогие гости!

— Доброго здоровья, Лавр Мосеич! отвечал Матвей, накрывая лошадей попоной.— Конюшня свободная?

— Ни единой подводы нет, заводи своих залетных, Матвей Анисимович! Душа радуется, когда ты приезжаешь, уж шибко кони у тебя хороши! Сенца прикажешь?..

— С пудик давай, Лавр Мосеич, а овес у меня свой имеется...

— Это мы знам, Матвей Анисимович,— учтиво отвечал хозяин, направляясь на сеновал.— Мужик ты аккуратный, лишнюю копейку не потратишь!

— У кого, можа, и лишняя имеется, а у меня такой не бываст, Лавр Мосеич!

— Прибедняешься! Ты скажи, где деньги хранишь: в банке или в кубышке?.. Опять реформой стращают, лопнет капитал-то!

— Брехня! Червонец теперь твердый курс имеет, даже платиновые рубли выпустили, а платина дороже золота! Да и откуда у меня большие деньги? — возражал Матвей, распрягая Трояна.— Постоялого двора я не держу, как ты, и хозяйства своего не имею.

— Постоялый двор — дело такое: колготы много, а толку с гулькин нос! Шибко не разживешься. У тебя же жалованье, — не соглашался хозяин, положив на снег вязанку сена. — Гляжу на тебя, Матвей Анисимович, и диву даюсь: как ты решился бороду свою обстричь? Такую красоту загубил!..

— Грех небольшой,— отвечал Мотька.— Дурной волос — он день и ночь растет. Бороду свою я проспорил такому человеку, что взад пятки идти невозможно было!

— Неужто правда?! — изумился Лавр Мосеич.

— Ей-пра, не вру! — выдохнул Мотька, выходя из конюшни.

— Что же за герой такой, что на бороду спорил?— заинтересовавшись, спросил Лавр Мосеич.— Чудно как-то?..

— Был такой у нас в колонии, а теперь на службу в чека взяли. Парень — сорвиголова, но справедливый! — удовлетворил любопытство хозяина Мотька.— Пошли, принимай начальство, Лавр Мосеич. Вот, Данила Романович Желтков, из Саратова к нам едет.

— Хорошего человека отчего не принять? Добро пожаловать, Данила Романович! — Хозяин, приглашая гостя в избу, пошел впереди.

Взобравшись на крыльцо и отворив дверь, Лавр Мосеич остановился посередине довольно большой комнаты с чисто вымытыми и выскобленными под косырь полами, с длинным дубовым столом и широкими крашеными скамьями у стен. Комната эта служила прихожей, харчевней и кухней одновременно.

— Тулуп и шубу можете оставить на вешалке,— обратился Лавр Мосеич к Желткову,— и пожалуйте в горницу! Мужикам мы подаем прямо тута, а для вас в горенке удобней будет. Агаша! — позвал он дочь из кухни.— Накрывай стол в горнице.

— Сейчас, тятенька! — ответила черноглазая девушка и, пройдя через столовую, скрылась за дверью.

— Спасибо, любезный,— ответил хозяину Желтков, снимая шубу и вешая ее на вешалку, прибитую к стене.— В одиночестве обедать не люблю, прошу и Матвея Анисимовича за стол со мной.

— Это как вам будет угодно, Данила Романович,— улыбчиво отвечал Лавр Мосеич.

Горница, куда вошел Желтков, имела четыре окна с ярко-цветастыми шторами, стены выкрашены масляной краской в светло-голубой цвет, пол в желтый.

Топилась голландка, обтянутая белой жестью, было тепло и уютно. В переднем углу киот с иконами старинного письма, обложенными серебром. Тут же стол, накрытый белой льняной скатертью, а по двум его сторонам, вдоль стен, стояли тяжелые крашеные скамейки. Налево, за деревянной перегородкой, спальня, вход в нее задрапирован тяжелой портьерой.

Все это Данила Романович рассмотрел, как только переступил порог горницы, определив, что Лавр Мосеич живет в достатке, хотя и жалуется на плохой доход.

Желтков сел за стол, и тут же появился Матвей, в сатиновой косоворотке с поясом, в коричневых дубленых штанах и в высоких расписных валенках, какие обычно надевали в дорогу ямщики.

— Садись, Матвей Анисимович,— пригласил Желтков.— Посмотрим, хлебосольный ли хозяин и чем он нас угощать будет?

— Крестьянское угощение известно,— улыбался в черную бороду Лавр Мосеич, почтительно глядя на гостя и стоя с краю стола,— щи да каша — пища наша!

— Для трудящегося человека — самая здоровая пища, я так понимаю, — поддержал хозяина Данила Романович.

— Окромя щей с говядиной, гречневой каши с молоком или с маслом, по желанию, имеется жаркое, груздочки, яблоки моченые, огурчики и капустка соленые и, как полагается, самовар.

— Давайте, любезный, щи, жаркое, груздочки, яблоки моченые и самоварчик! Как вы, Матвей Анисимович?

— На ваше усмотрение, Данила Романович, мы все употребляем! — весело отозвался Мотька.

— Хозяин-то мясное предлагает, а сегодня пятни-

на, — посмеиваясь одними глазами, напомнил Данила Романович, желая услышать, что скажет на это Матвей Анисимович.

— Я уж давно оскоромился, так что одним грехом больше, одним меньше — никакой разницы, все одно в рай не попаду.

— Неужто каждодневно грешишь? — приподняв колючие брови, спросил Желтков.

— Человек грешит на каждом шагу или действием, или помыслами своими, а чтобы отмолить эти грехи — уйму поклонов надо положить! Подсчитал я как-то — суток не хватает для такого дела. Вот и получается, что в рай я не попадаю, гореть в аду придется. А уж ежели муки принять, так было за что?!

— Резонно! Значит, Матвею Анисимовичу то же самое, что и мне, — сказал Данила Романович. — Мурцовку хлебать расчету нет, Лавр Мосеич!

— Оно, конечно, так! — подхватил хозяин. — А для сугреву не желаете? Чистейший первачок имеется, хлебный, как слеза!

— От озноба можно ба, — ухмыльнулся Мотька, заискивающе посмотрев на Желткова. — Вот, как начальство скажет.

— Я не употребляю, — сказал Данила Романович, — а для Матвея Анисимовича принесите стаканчик, но не больше. Боюсь вывалит он меня из саней — и поминай как звали, а я на государственной службе нахожусь!

— Слушаюсь, — сказал Лавр Мосеич и, повернувшись, направился на кухню.

Как только хозяин вышел, Данила Романович спросил:

— Матвей Анисимович! Верующий вы человек, а хмельное зелье, как я определяю, употребляете с охотой?

Мотька вприщур посмотрел на Желткова и, ничуть не смутившись, ответил:

— Праотец наш, святой Ной, единственный человек, спасшийся со своим семейством во время всемирного потопа, возделывая на земле виноград, употреблял ягоды его для приготовления вина.

— А ты молодец, Матвей Анисимович, Библию знаешь! В таком случае скажи: частенько вы с Рассветовым оживляете свои души богом данной пищей?

Мотька насторожился: ох не зря едет Желтков в ко-

лонию!.. И не только посмотреть на житье-бытье колонистов, но кое-что и проверить. Не иначе, кто-то оговорил Андрея Ивановича, ей-пра! Ну что же, Данила Романович, проверяй, должность у тебя такая — слушать, что говорят, читать, что пишут, а напраслину возводить на человека мы не дадим.

Не дав поймать себя на прямом вопросе, от которого всякий другой мог бы прийти в замешательство, Мотька, не раздумывая, ответил:

— Что касаемо меня, Данила Романович, то я, грешный человек, не могу отказаться, когда угощают! А об Андрее Ивановиче вы напрасно думаете: он даже на свадьбе, которая была в колонии, разрешил употреблять только компот и чай! Свадьба без вина — курам на смех, первый раз такую видел! Целый вечер ходил, как дурачок, трезвый, ни в одном глазу! Только бороду из-за нее потерял.

— За прямоту спасибо, Матвей Анисимович, а о Рассветове дурно я не думаю. О свадьбе слух до меня, конечно, дошел, но спрашиваю я об этом не из простого любопытства. Жизнь — сложная штука, и уметь не обидеть человека — это очень важно!..

И снова резво бегут разгоряченные кони по ухабистой, разбитой дороге.

Долго боролся Желтков с послеобеденной дремой, памятуя, что в зимней дороге даже в теплом тулупе спать нехорошо, но то ли надвигающиеся сумерки сон навалили, то ли годы взяли свое — и Данила Романович не выдержал, задремал.

Мотька спешит, стремясь проскочить перелесок на стыке двух дорог у знаменитого Белого родника до темноты. Тревога его вовсе не напрасна: именно на этом проклятом месте частенько «шалят» неизвестные, неожиданно выныривая из-за кустов в масках, с наганами и винтовками, грабят мужиков и баб, а сопротивляющихся волокут в лес, откуда бежать никому еще не удавалось.

Хотя малость и захмелел Мотька, но смелости от этого не прибавилось: его-то как раз могут и не пропустить, если выйдут навстречу. Среди бандитов, как стало известно ему от своих братанов, имеются и знакомые мужики из окрестных сел, добровольно служившие у белых и не сложившие оружие еще с гражданской войны. И Мотька их, и они его запросто могут опознать, после чего пощады у них не проси, живым не отпустят: трус

всегда жесток, когда он встречается с безоружным и ни-
чем не рискует. А у Мотьки всего-навсего один топор
под сиденьем, что сделаешь топором против винтовки или
нагана?.. Может, Данила Романович при оружии? Раз-
будить или не стоит?.. Вон он, перелесок-то... «Господи
пронеси!» — перекрестился Мотька. А когда он увидел
неясные очертания человеческих фигур и услышал голо-
са, то похмелье как рукой сняло! «Ну, Троян, давить бу-
дем! — сказал коренному Мотька, зорко глядя вперед.—
Эй-эй, берегись!..» — гаркнул он во всю мочь своего го-
лоса, со свистом ударив кнутом по чутким конским спи-
нам.

Захрапел обиженный ударом кнута Троян, рванулась
вперед, галопом пошла пегая Сорока, и словно вих-
рем подхватило и понесло над белым полотном дороги
легкие сани.

Желтков проснулся и, не понимая, что случилось, ин-
стинктивно выхватил из внутреннего кармана пиджака
браунинг. Мотька глянул на Данилу Романовича и, за-
метив в его руке оружие, крикнул:

— Будут останавливать — стреляйте! Убежим, не
может того быть!

Как только бешено мчавшиеся кони начали прибли-
жаться к родинку, на дорогу метнулась фигура с ружь-
ем в руках — так, по крайней мере, показалось Мать-
ке — и тут же послышался мальчишеский голос:

— Стой, дядя Матвей, коней запалишь! Стой!..

Мотька узнал кричавшего по голосу. Резко осадив
разгоряченных коней, сердито сказал:

— Дурья башка ты, Мишка, затоптал бы тебя, и все
тута! Думал, бандит с ружьем, ей-ра! — едва удержи-
вая не стоявших на месте лошадей, выговаривал Хох-
лов Копырину. — С кем ты и зачем тута?

— Да вот с Трапцеевым, Шмыгой, Шишкиным из-
встречу вам шли! — сняв с плеча лыжные палки, отве-
чал Мишка. — Андрей Иванович послал. Идите, говорит,
встретьте вашего старого знакомого, Данилу Романовича!

Желтков успел спрятать браунинг в карман и, гля-
дя на Мишку, вспомнил разговор с ним о метеоритах на
крыльце губнаробраза.

— Спасибо! — сказал Желтков. — Возмужал ты, Ми-
ша, не узнать. Ну, здравствуй! — и протянул Мишке
руку.

— Здравствуйте, Данила Романович! В полутьме да в

тулупе вас тоже не угадаешь, — ответил Мишка, пожав Желткову пухлую теплую руку.

— Я, как старое дерево, в одной поре, а ты растешь, совсем другое дело! — радушно сказал Желтков.

К саням подошли остальные колонисты, поздоровались.

— Имею удовольствие видеть тебя, Шишкин! — персонально обратился Данила Романович к долговязому парню. — Стрекача из колонии, вижу, не задал еще?

— Зимой только заяц стрекача задает, Данила Романович, потому что у него дома нет, а у меня есть! — рассмеялся в ответ Шишкин.

— То-то же! Понял, почем фунт лиха?.. Садитесь, поехали, — пригласил Данила Романович.

— Нет, мы за вами на лыжах, отсюда легко, под гору! — ответил за всех Копырин. — Прямо к Андрею Ивановичу на квартиру вези, дядя Матвей! Понял?!.

— Само собой, куда же еще? — отозвался Мотька, тронув лошадей. — Эй, голуби!..

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ПЯТАЯ

Данила Романович прилег на диван и, наблюдая за Рассветовым, как тот убирает со стола посуду, складывая ее для мытья в таз, продолжил начатый за ужином разговор:

— То, что ты выдал замуж несовершеннолетнюю колонистку за этого... как его?..

— За сотрудника уголовного розыска Хромова.

— Ну да, за Хромова, — поморщился Данила Романович. — Память на фамилии стала дырявой. Старею, Андрей Иванович! Сам на себя как на чужого человека в зеркало смотрю. А?.. Не успел оглянуться — и вот она, старость, подкралась!

Рассветов, слушая своего бывшего коллегу по гимназии, пытался разгадать: куда закидывает удочки, старый хитрец?.. При чем тут женитьба Хромова и подкравшаяся старость?..

— Понять твой поступок я, пожалуй, могу. Смелый ты, не всякий на твоем месте решился бы на такое! А еще одну свадьбу не думаешь справить?..

Рассветов, вытиравший полотенцем посуду, недоуменно посмотрел на Желткова, сказал:

— Шутишь, Данила Романович? У меня и от одной печенка болит!

— Нет, не шучу.

— В таком случае не понял?

— Чего же тут не понять? Живешь тут вроде как в командировку приехал. Не надоело?..

— Вот вы о чем. Могу заверить: в ближайшее время положение переменится.

— И хорошо.

Закончив с мытьем посуды, Рассветов пододвинул стул к дивану, спросил:

— Как начальство планирует свою работу в колонии?

— Побуду денька три, Андрей Иванович. Посмотрю хозяйство, побываю на уроках, познакомлюсь с деятельностью вашего самоуправления, побеседую кое с кем, и если в чем-то смогу помочь колонии, то буду считать, что командировка была полезной.

— Несмотря на учебные занятия в школе, нам сейчас не хватает занятости, Данила Романович, а безделье, как тебе известно, усугубляет пороки! Чем я займу ребят?.. Ежедневно работают полтора-два десятка человек, а остальные после уроков баклуши бьют и в карты играют, вопреки строгому запрету.

— Дело это поправимое, — чему-то улыбнувшись, сказал Желтков.

— Я имею в виду не развлечения какие-нибудь, отвлекающие пацанов от картежной игры, а серьезное дело, при котором любой из них смог бы проявить свои способности, если хотите — талант! — вдохновенно сказал Рассветов.

— Старого воробья на мякине хочешь провести, Андрей Иванович? — добродушно улыбаясь, спросил Желтков.

— Что вы, Данила Романович! Выход из положения я вижу, но у меня средств нет!..

— Твой дипломат уже выпросил у меня деньги на мастерские!

— Неужели Матвей просил? — удивился Рассветов, понимая, что больше об этом никто не мог разговаривать с Желтковым.

— Пройдоха — твой Матвей! Мужик, видать, работящий, смекалистый, но и своего не упустит. Сколько надо денег, прикидывал?

— На столярную и слесарную мастерские — тысяч

двадцать, — сказал Рассветов, полагая, что начальство, как правило, половину урежет.

— Ну и аппетит у тебя, дорогой мой! Ты что, все деньги один забрать решил?.. Дам половину, но на эти деньги надо открыть и швейную мастерскую, для девочек.

— А они собирались атаковать тебя, — доверительно сообщил Рассветов. — Как только узнали, что едет заведующий губнаробразом, так сразу ко мне: что за человек? молодой или старый? какой к нему нужен подход?..

— И ты дал им соответствующие наставления? — спросил и укоризненно посмотрел на Рассветова Желтков.

— Подговорил и настропалил! Чего, думаю, церемониться с ним, все равно ведь пообещает и не выполнит!

— Не может быть! Разыгрываешь?..

— А если б подтвердил сейчас, неужто поверил бы?..

— Видишь, усомнился же!

— Испортила тебя высокая должность, Данила Романович!— прямо сказал Рассветов, отбросив шутливый тон.

— Это почему же?

— С подозрением относишься даже к своим старым товарищам!

— Поневоле начнешь сомневаться, если забрасывают такими вот сочинениями, какое прислал Скукин! — посетовал Данила Романович. — Но тебе не доверять не имею пока оснований.

— Спасибо за откровенность! — И, встав со стула, Рассветов посмотрел на часы. — Ой-ой, оба мы нарушители режима. Спокойной ночи, Данила Романович!

В шесть утра Рассветова словно кто под бок толкнул: чиркнув спичку, он глянул на часы, лежавшие на стуле, и, убедившись, что армейская привычка действует надежно, начал одеваться, не зажигая лампы и стараясь не нарушить установившейся за ночь тишины, чтобы не разбудить гостя.

Рабочий день заведующий колонией начинал на час раньше общего подъема колонистов. Наскоро умывшись, он выходил из квартиры и шел от учебного корпуса по маршруту: конюшня — мельница — кухня — интернат. На каждом объекте он задерживался минут по десять и к семи часам поспевал в общежитие, чтобы лично проследить за подъемом колонистов и проверить, как

выполняются распоряжения дежурного по колонии, обязанности которого с недавнего времени начали нести и старшие колонисты.

Вспомнив, что сегодня суббота и запланирован банный день, но дежурит по колонии не учитель, а бригадир хозяйственной бригады Лаврухин и его надо кое о чем предупредить, Андрей Иванович заторопился и, как нарочно, опрокинул стул, грохотом нарушив утреннюю тишину небольшой комнаты.

— Что, Андрей Иванович, потихоньку ускользнуть хотел? Доброго утра! — голосом хорошо отдохнувшего человека приветствовал Данила Романович, сбросив с себя одеяло.

— Доброго здоровья, Данила Романович! Откровенно говоря, намеревался уйти, да вот стул помешал, проклятый! Это ведь надо, а?! — сокрушался Рассветов, зажигая керосиновую лампу. — Как спалось?

— Как в гостях, Андрей Иванович, — отвечал Желтков, улыбаясь, — хоть и плохо, а надо говорить — хорошо!

— Что так?

— На новом месте старику всегда плохо, — одеваясь, говорил гость. — Это военные привыкают жить на колесах и спать в седле, а я человек сугубо штатский.

Уловив в последней фразе скрытый подтекст, Рассветов сказал:

— Военная карьера для меня закончилась в армейском госпитале, и теперь, можно сказать, я постепенно начинаю обрастать личной собственностью: недавно умывальник купил на базаре, самовар имеется. А где собственность — там и оседлость. Можно, конечно, и стулья купить, но комната маловата.

— По-моему, не с того конца обрастать начал, товарищ заведующий колонией, — сквозь смех возразил Желтков, направляясь в угол, где висел купленный Рассветовым умывальник. — Получается, как в той прибаутке: продал дом — купил ворота, начал запираться! Только ты вместо ворот умывальник купил. Дорогая вещица, видать?..

— Не так чтоб шибко дорогая, а три целковых будто корова языком слизала! — оценив шутку старого учителя, рассмеялся Рассветов.

— Судя по условиям, в которых ты живешь, у твоих учителей и сотрудников они еще хуже?

— Ошибся, Данила Романович! Загляните на квартиру любого из них, и вы убедитесь в обратном.

— Чем же ты гордишься в таком случае?.. Для творческой работы человек должен иметь и условия подходящие. А у тебя письменного стола даже нет, товарищ заведующий!

— Видишь ли, Данила Романович, я не писатель, чтоб письменный стол заводить, и считаю, что человек только тогда по-настоящему свободен, когда он не связан со всей этой мещанской мишурой и довольствуется в быту самым необходимым! — возразил Рассветов, привычно заправляя кровать по-армейскому образцу. — Кроме стола и двух-трех стульев в комнате — ничего не надо. Ну, кровать еще, чтоб было на чем поспать, а у меня даже диван имеется для гостей! Разве мало?..

— Боишься, что обвинят в мещанстве? — лукаво поглядев на Рассветова, спросил Желтков.

— Нет, пока не боюсь, диван-то не мой! Но переродиться в обывателя, если уж серьезно говорить, проще простого: потерял человек революционное чутье — и покатился в мещанское болото. Этого, по-моему, каждый коммунист опасаться должен и регулярно подвергать себя беспощадной чистке! А то ведь как получается? Сегодня человек соблазнился лишний стул купить, завтра захочет гардероб, персидский ковер во всю стену, а потом и пианино в личное пользование! Все это ему ни к чему: и слон на ухо наступил, и ковер висит для собирания пыли, — а вот завелась в человеке ржавчина и начала разъедать душу, и если вовремя не помочь ему — погибнет. Потому что скорее удавится, чем расстанется со своим добром! Потребности должны быть разумными, я так понимаю, и, на мой взгляд, это одна из важнейших сторон воспитания нового человека!

— А ты говоришь, зачем тебе письменный стол?.. Вот и начинай разрабатывать теорию воспитания. Ты не обижайся, — поспешил опередить Рассветова Желтков, заметив, как тот метнул на него быстрый взгляд. — Я к тому, что вопрос этот дискуссионный и на нем можно нажить немало врагов. Попробуй-ка заговорить о разумных потребностях, что скажут тебе апологеты наживы? Они такой вой поднимут, хоть уши затыкай!

— Бить их надо, пока не поздно, — уверенный в своей правоте, решительно заявил Рассветов. — Я понимаю: с улучшением жизни потребности человека растут, но до

каких пределов?! Нельзя коммунисту, учителю, воспитателю молодежи превращаться в мещанина!

— Прежде чем лезть в драку, товарищ комиссар, надо иметь надежный тыл, — заметил Желтков, надевая шубу, — и это ты знаешь не хуже меня. Ты уверен, что мы имеем его?..

— Я, конечно, понимаю, что экономически мы сейчас слабы, но мы не имеем права сдавать революционных завоеваний. А когда наш тыл окрепнет, мы начнем лупить кулака и нэпмана и в хвост и в гриву! — энергично сказал Рассветов, словно именно от него зависела дальнейшая судьба всей молодой Советской республики.

— Это в перспективе, — согласился Данила Романович. — А сейчас давай посмотрим: каков он, твой тыл?

— С чего начнем? — с готовностью отозвался Рассветов, снимая с вешалки шинель и буденовский шлем.

— «Смотри в корень!» — сказал Козьма Прутков

— Значит, с хозяйства! Но с тем расчетом, чтобы к завтраку успеть в столовую. Полагаю, питание колонистов тебя тоже интересует? — потушив лампу и направляясь вслед за Желтковым, сказал Рассветов.

— Любая колония держится на трех китах: жилье, питание, одежда! Думаю, с этим ты не можешь не согласиться?

— А я никаких скидок и не прошу! — ответил Рассветов, а сам подумал: «Друг-то ты друг, Данила Романович, а палец в рот тебе не клади. Если и не откусишь, то прижмешь так, что тошно будет! Одно только утешает: прижимать меня не за что. Что ж, на то ты и заведующий губнаробразом, чтоб проверить фактическое состояние дел и доложить об этом, где требуется, объективно!»

Надвинув поглубже шапку и подняв воротник, Желтков мельком глянул на бодро шагавшего впереди Рассветова, подумал: «Форсит бывший комиссар, а морозец — осокори трещат!»

В коровнике, откуда начали обход хозяйства Рассветов и Желтков, неярким желтоватым пятном горел фонарь, тускло освещая пестрых и рыжих коров, одну из которых доила Феня Гульбина, вызванивая о подойник струями парного молока то звонкую, то мягко-бархатную, словно приглушенную, мелодию. Коровы стояли спокойно, весело двигали ушами, с удовольствием поедая только что заданный перед дойкой корм.

Хотя Желтков жителем был городским и животновод-

ством никогда не занимался, но, глядя на коров, тут же определил, что животные упитанные, ухоженные, завидно лоснятся. У стойла коровы по кличке Беляна, где они остановились, висел щит, на котором указывались: вес животного, возраст, суточный надой молока, рацион кормления. Доярка поднялась и, улыбнувшись Рассветову, поздоровалась.

— Какой удой? — осведомился Андрей Иванович.

— Сейчас измерим, — ответила Гульбина. — Дежурный! — крикнула она, повернувшись в сторону центрального пролета конюшни. — Принимай удой.

Тут же появился с бидоном дежурный колонист Семен Бухонин.

— Здрасте, — улыбаясь, сказал дежурный, глядя на Рассветова и Желткова. — От Беляны удой-то?

— От хряка Нэпмана, — засмеялась доярка. — Только сейчас подходил ко мне и комедию ломает! Чего щеришься?

— Шибко начальству рад, что пришли вовремя, — ответил Семен. — Аккурат у меня все как есть в азире!

— А это мы еще поглядим, Семен, — сказал Андрей Иванович. — Но говорят — в ажуре, а не в «азире», понял?.. Кто с тобой дежурит?

— Темнило один, артист Хвостиков, — погасив веселость, ответил Бухонин. — Лей давай, — обратился он к доярке, укрепив на горловине бидона сетку для процеживания молока.

— Не «лей давай», а измерять надо, — сердито заметила Гульбина.

— Я и так вижу, — отмахнулся Семен, — шесть литров! Хочешь на спор?

— Зачем спорить, — заметил Рассветов. — Удой от каждой коровы надо знать точно. Так ведь учит Федор Алексеевич?

— Все он прекрасно знает, Андрей Иванович, — сказала Феня, — глазомером выхваляется.

— Вот и проверим сейчас. Неси измеритель, Семен! — сказал Рассветов. — Самый верный глаз — прибор!

После того как измерили, Феня сообщила:

— Шесть литров с четвертью. Ошибся, Семен.

— А я четвертушки не признаю, — сказал Бухонин. — Самостоятельная ты женщина, а мелочишься.

— Э, нет, парень, — вступил в разговор Данила Ро-

манович. — У вас восемь коров, восемь четвертинок ты не учтешь, сколько это литров?

— Один литр с четвертушкой! — не задумываясь, ответил колонист.

— Плохо твое дело, Семен, — сказал Данила Романович. — Оказывается, ты с арифметикой не в ладу, считать не умеешь?

— Могу, — возразил Семен.

— Почему же один литр с четвертью у тебя получилось, а не два? Коров-то восемь!

— А из восьми-то коров доятся только пять!

— Да?.. А я-то думал... — рассмеялся Желтков. — Молодец, парень!

Направляясь по центральному проходу конюшни к лошадям, Рассветов спросил Бухонина:

— Как работает Хвостиков? Делает что-нибудь или по-прежнему за чужую спину прячется? Научили вилы держать?..

— Что тут учиться, Андрей Иванович? — сказал Семен. — Артист он, потому и сходит ему все. А будет со мной дежурить — я научу его! На меня где сядет — там и слезет!

По наружности этого парня нетрудно было определить, что постоять за себя он сумеет: в крутых плечах чувствовалась сила, а во взгляде серых глаз — твердость. И хотя ходил он не спеша, раскачиваясь из стороны в сторону, за что и получил прозвище Медведь, но в работе показывал крестьянскую сноровку.

Желтков остановился у стойла Трояна, знакомого ему со вчерашнего дня иноходца, а Семена в это время позвала доярка.

— Как фамилия этого колониста?

— Бухонин, — ответил Андрей Иванович. — Из Черемшанской коммуны прибыл сюда, воспитанник Федора Алексеевича. Парень работящий, а учиться не хочет.

— Смекалка у него имеется, и с юмором, надо, чтоб учился.

— Страстный лошадник! Готов дежурить за любого колониста, лишь бы с лошадьми быть, а заодно и в школу не ходить, — ответил Рассветов. — Чтобы перешагнуть через свое невежество, тоже время надо!

— Как, как?.. Перешагнуть через невежество? — переспросил Данила Романович. — Нет, нет, через свое невежество! Хорошо сказано!..

— К сожалению, не сразу и не каждому человеку это под силу, а особенно подростку.

Удивленно глядя вперед, Желтков увидел, как по центральному проходу двигается большая двуручная корзина, надетая на чью-то голову. Корзина настолько была глубокой, что-из под нее виднелись только ноги, обутые в начищенные хромовые сапожки. Сапоги под корзиной не просто шли, а с какими-то замысловатыми вывертами пританцовывали.

Рассветов сразу понял, кто мог позволить себе такую штуку. Данила Романович ждал: что же будет дальше?

— Кто это? — едва сдерживая смех, спросил Андрей Иванович.

— Это не «кто», а «что», — ответил голос.

— Если вы настаиваете, что же это!

— Это есть самоходная говорящая корзина, к вашему сведению, изобретенная одной умной головой, — ответила корзина, остановившись.

— Умной?.. Не уверен, смотря кто станет определять ее способности. А почему корзина танцует? У нее что, ноги мерзнут?

— Нет, колеса у нее в порядке. Это оттого, что она сейчас отнесла в баню двенадцать новорожденных свиней! Один из них по дороге в изолятор пытался бежать, выпрыгнул из корзины на снег, но, испугавшись мороза, пронзительно завизжал, тут же был задержан и водворен на место.

— За ловкость и смекалку, проявленные при задержании беглеца, объявляю благодарность и разрешаю идти на завтрак. А поскольку корзина в пище не нуждается, ее следует снять с говорящей головы, хотя бы из вежливости. С головой же хочет познакомиться заведующий губнаробразом Данила Романович. Ему стало известно, что воспитанник Хвостиков на алексеевском базаре занимается изъятием денег из чужих карманов, за что и подлежит отправке в допр.

Корзину с головы будто ветром сдуло. Серафим Хвостиков, ухмыльнувшись, сказал:

— На пушку берешь, Андрей Иванович? Дело было до амнистии, когда я только прибыл в колонию и знакомился с местным базаром. Все такие дела похерены, и теперь я чистый, даже на базаре не бываю.

— Решил «завязать», говоря на жаргоне говорящей корзины? Так надо понимать?.. — спросил Рассветов.

— У нас теперь, честно говоря, потеряли эту благородную квалификацию не только я, но и Звездочет, и Дворянин, и Рысак, и даже Сатана, не говоря уже о других.

— Чем же это вызвано? — с интересом спросил Данила Романович, ожидая, что Хвостиков скажет: вот, мол, все мы решили взяться за ум и начать честную трудовую жизнь.

А Серафим Хвостиков, иронически посмотрев на Желткова, сказал:

— Нет постоянной тренировки, Данила Романович, и руки уже не те, а работа эта тонкая, пальцы должны быть чувствительнее, чем у скрипача! С такими руками, которые свинарник чистят, засыплешься с первого захода.

— Да... Объяснение на высшем научном уровне, — сказал Желтков, глядя на Хвостикова и пытаясь понять, рисуется или до наивности прямодушен? Сколько же тебе лет?

— Кто ж ее, маму, знает?.. Ксивы дельной на руках я не имел, а по липе — семнадцать.

— Тебе, товарищ Хвостиков, адвокатом быть, а ты в колонии прозябаешь! — с усмешкой сказал Данила Романович, изучая веселую физиономию Серафима. — Не нравится здесь?

— До весны, пожалуй, можно перебиться. Плоховато, но кормят, в общаге тепло, от работы и от занятий в школе можно иной раз и сачкануть, а в других колониях много хуже.

— Я так и понял, что ты бывалый парень! Скрыл от Андрея Ивановича, что убегал из других колоний?

— А он и не спрашивал меня об этом. Иной раз охота, чтоб он разозлился на меня и прогнал из колонии совсем, а он терпит!.. Что он за человек?.. Не пойму?.. Чудно даже!..

— Скажи честно: что, не нравится тебе здесь?

— Честно?.. Да вот, скажем, навоз выгребать из свинячьих клеток — один дух с ног валит! А хрюшки, тоги и гляди, сожрут и спасибо не скажут. Видали хряка Нэпмана?

— Погляжу. Гордость колонии, говорят?

— Ничего себе «гордость»! Да он только фыркает, а у меня уже поджилки дрожат! К нему же заходить надо,

кормить это страшилище, чистить за ним, как за барином! В клетку-то зайдешь, а выйдешь или нет — еще неизвестно?..

— Чем же ты хочешь заниматься? Хлеб-то надо для себя зарабатывать!.. Ты уже взрослый парень!

— Пошел бы на завод, да не берут! Есть у меня в Саратове дружок один, токарем на заводе работает, любую вещицу выточить может, загляденье одно! Просился я на тот завод — не взяли! Без документов, говорят, не берем. С документами даже не всякого принимают!.. Вот и получается: бумаги дельной у тебя нет и ты, выходит, не человек!

— Если откроем здесь мастерские и купим станки, в том числе и токарный, будешь учиться?

— Не купите, — возразил Хвостиков, — их в Америке продают! Один станок тысячу рублей стоит, не бумажками, а золотом!

— Это не твоя забота, товарищ Хвостиков! И деньги у нас есть, и знаем, где станки продают, — сердито сказал Данила Романович. Ты о себе подумай, мозги у тебя работают, грамотный ты, видать, чем же ты хуже своего саратовского приятеля, если учиться станешь?.. Не одну, а три мастерские у вас откроем, учитесь только!

— Не обманешь?! — Глаза Серафима загорелись задорными огоньками.

— Стар я слова на ветер бросать, колонист Хвостиков! — окончательно рассердился Данила Романович.

— Ладно. Вот Андрей Иванович свидетель: не будет мастерских — весной уйду из колонии! — категорически заявил Серафим.

— Зачем же ты начальство к стенке припираешь? — глядя на смуглое красивое лицо Хвостикова, сказал Рассветов. — Иди сдавай смену, Серафим, вон Матвей Лисимович на работу пришел.

Хвостиков пошел сдавать дежурство, а Желтков, глядя ему вслед, спросил:

— Знаете о нем что-нибудь? Болтун или погоду делает в колонии?

— Имею официальные сведения: сын профессора, умершего в девятнадцатом году, мать трагически погибла от руки бандита при ограблении квартиры. Серафим учился в гимназии, и довольно успешно. Талантливый парень, имеет артистические и литературные наклоно-

...ин, но слабохарактерный. Оказавшись на улице, попал в компанию к известному вам Зюзе, с которым я разлучил его. Сельское хозяйство его не интересует, и «навоз ковырять» он не хочет. На уроки ходит только к Трофиму Титычу, на литературу, да и учиться в нашей школе ему нечему. Быстро попадает под дурное влияние, и, сколько я знаю его, всегда им кто-нибудь да руководит. Сейчас под влиянием Копырина, который в активисты не стремится, — этого парня вы знаете. Чтобы не вступать в конфликт с советом бригадиров, Серафим начал ходить на дежурства, но если напарник попадается послабее, то и отдувается за него. Боюсь, что в колонии не удержится...

— Хорошо понимаю, Андрей Иванович, мастерские и станки нужны, как хлеб! Заметили, как он загорелся?..

— Иногда мне тоже хочется поверить в него, но безвольные люди — самые трудные!

— Казалось бы, наоборот? Нет у подростка характера, и ломать в нем нечего! Делай из него хорошего человека, программируй!.. Так ведь?

— К сожалению, не так! Безвольные люди не способны сопротивляться ни соблазнам, ни воле других, толкающих их даже на преступление.

— Наверное, так оно и есть! — согласился Желтков. — Значит, надо воспитывать у подростка характер?! Ну что ж, Андрей Иванович, в конюшне у вас полный порядок. Теперь куда?

Рассветов открыл крышку карманных часов, сказал:

— На подъем мы уже опоздали, надо успеть на завтрак. Мельницу мы посетим в любое время, помол сейчас круглосуточный.

Встретившись у выхода из конюшни с Хохловым, Рассветов попросил:

— Матвей Анисимович, позаботьтесь о березовом веничке, пусть Данила Романович оценит дух нашей новой бани!

— Веничек у нас имеется, Андрей Иванович! Для такого гостя я сам баньку истоплю, а когда парить зачнем — рукавицы и шапку наденем.

— Это зачем еще? — удивленно спросил Желтков.

— Чтоб парильщику руки не обжечь и уши не опалить, — засмеялся Мотька.

— Подшучиваешь над стариком, Матвей Анисимович? Но погреть в баньке старые кости не откажусь.

—И кваску ведерко достанем, не сумлевайтесь, Данила Романович! — радушно обещал Мотька.

— Зачем же столько? — удивился Желтков.

— Веник мочить, — выдавая секрет, ответил знаток русской бани. — Без квасу и дух в парной не тот, и веник не пристает как надо! Как банька готова будет — я пришлю за вами.

На дворе стояли еще густые сумерки, и Рассветов с Желтковым не сразу узнали идущих им навстречу агронома Заботина и дежурного по колонии бригадира Лаврухина с красной повязкой на рукаве. Встретившись у мельницы, они поздоровались, а Лаврухин доложил, что происшествий за его дежурство не было.

— Проследите, товарищ Лаврухин, за работой парикмахера Сотонкина, чтоб ни одного заросшего пацана в баню не пропустил, — отдал распоряжение Рассветов. — И чтоб не оболванивал, а подстригал аккуратно!

— Будет выполнено, Андрей Иванович! — ответил Лаврухин.

— А вы, Федор Алексеевич, присоединяйтесь к нам. Данила Романович в первую очередь интересуется хозяйством. Вы знакомы?

— Как же, Данила Романович бывал у меня в Черемшанской коммуне.

— Это и есть ваша кормилица? — спросил Желтков, глядя на мельницу и на груженные зерном крестьянские подводы.

— Она самая, — ответил Рассветов. — Без мельницы туговато бы нам пришлось. По четыре фунта с пуда мукой да отруби — наши, это уже доход!

— Нэпмановские приемы усвоили вы неплохо, — пошутил Данила Романович, глядя на Рассветова и Заботина. — А не многовато берете?

— В два раза меньше, чем частник! — заверил Рассветов. — Со всей волости к нам едут. Из-за нашей паровушки некоторые кулацкие водянки на приколе. Мужика, Данила Романович, не обманешь! Камень у нас хороший, помол тонкий, так что очередь у нас, сами видите.

— Большой прибыли от мельницы мы, конечно, не имеем, — решил уточнить Заботин, шагая справа Желткова, — но содержание машиниста, его помощников, расходы на горючее и на амортизацию оборудования оправдываем.

— И правильно делаете, — одобрил Желтков. — Мы обязаны соблюдать не только свой интерес, но и считаться с бедняцкой частью крестьян. А то, что прижали кулака на помоле, — молодцы!

— Недавно записочку нам подбросили, — решил сообщить Желткову Заботин, полагая, что Рассветов не придал должного значения этому факту. — Каракулями нацарапана писулька, да содержание весомое! Словом, предупреждают нас, чтобы мы прекратили прием зерна на помол из других волостей, иначе пустят красного петуха под крышу нашей паровушки.

— Даже так?! — оживился Данила Романович, не ожидавший такой новости. — Это как раз и доказывает, что вы крепко ударили кого-то по карману. Но волков бояться — в лес не ходить! А колонисты, как мне известно, не робкий?

— Хотя и не боимся, — отозвался Рассветов, — а ночную охрану на мельницу пришлось выставлять. Старшие колонисты дежурят, по два человека.

— Оружие доверяете?

— Без оружия какая же охрана? Одному дробовик вручаем, другому свой пистолет отдаю.

— Не боишься, что они с этим оружием?..

— Не боюсь, Данила Романович! — твердо ответил Рассветов.

— Рискуешь, Андрей Иванович, — сказал Желтков. — Не советую. Лучше всего найми сторожа.

— Оружие вручаем тем, Данила Романович, кому полностью доверяет совет бригадиров. Что же касается сторожа, то никакого от него толку: целую ночь будет храпеть, а деньги ему плати! Сожгут его вместе с мельницей. Колонисты же считают охрану мельницы исключительным доверием. Мы рассказали им о кулацкой угрозе сжечь нашу паровушку, а потому, вступая на пост, они всякий раз дают клятву быть начеку и зорко следить за возможной вылазкой врага!

— Самая высокая вера в человека, когда государство доверяет ему оружие! Недооценивать такого воспитательного момента я не могу, но боюсь, откровенно говоря. А вдруг нападут на вашу охрану?.. Вам известно, что в вашем уезде банда себя проявляет?

— Известно, — сказал Заботин. — Но, говорят, переловили этих бандитов?

— К сожалению, не всех. А о кулацкой угрозе поставьте в известность милицию.

Рассвело. Остановившись и оглядывая интернат, Данила Романович сказал:

— Вчера вечером, когда я проезжал здесь, интернат показался мне гораздо больше.

— Девочки наши живут в графском особняке, а здесь ребята, — пояснил Рассветов. — Жилья пока хватает.

В это время выскочил из дверей столовой дежурный Лаврухин. Остановившись около Желткова, Пашка сказал:

— Товарищ Данила Романович! Пожалуйста, в столовую кушать!

— Спасибо, — добродушно глядя на Пашку, сказал Желтков. — Я ведь не один тут, товарищ Лаврухин!

— Всех приглашаем, но гостя в первую очередь! — вышел из положения дежурный. — Ребята говорят: Данила Романович — мировой старик! Сказал, что приедет в колонию, — и приехал!

— Ну что ж, мировой так мировой, веди на завтрак, коль так!

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ШЕСТАЯ

Пробыв в колонии пять дней, Данила Романович Желтков, анализируя свои записки, сделанные за это время, обдумывая предстоящее выступление перед учителями и сотрудниками, которых намеревался пригласить сегодня вечером, нежиданно пришел к выводу, что он не может дать исчерпывающих ответов на все поставленные вопросы.

Идея самоуправления, внедряемая Рассветовым как форма руководства коллективом колонистов, требовала не только теоретических обоснований, но и показа практических результатов.

Прав ли Рассветов, расценивая педологию как реакционную науку, а педологов считая шарлатанами, не имеющими ничего общего с революционной педагогикой?.. На эти вопросы тоже нужно было отвечать, опираясь на факты.

Окунувшись в жизнь колонии, Желтков убеждался в несостоятельности педологии на каждом шагу: общаясь с колонистами в процессе учебных занятий, наблюдая их

в труде, при исполнении обязанностей руководителей в самоуправленческих звеньях, присутствуя на заседании совета бригадиров. Порою ему начинало казаться, что воспитанники выше своих сверстников из так называемых нормальных школ и благополучных семей и по жизненному опыту, и по сообразительности, и по реакции на происходящие вокруг события. Больше того, юмор, выдумка, чувство собственного достоинства выгодно отличали колонистов.

Желтков отдавал должное и кипучей деятельности Рассветова, и его вере в успех дела, которое он делал спокойно и обдуманно. Даже он, Желтков, войдя в напряженный ритм жизни колонии, вроде помолодел за эти дни, забыл о своем больном сердце. «Климат, что ли, здесь особый? — чувствуя прилив сил и бодрости, думал Данила Романович, сидя за столом в кабинете Рассветова и делая в записной книжке какие-то пометки.— Возможно, что и климат, но главный элексир молодости все ж таки — движение! Жизнь - это непрерывное движение, а, стало быть, в этом и заложен секрет здоровья' И к черту кабинеты, надо работать с людьми, а не с бумажками. Может быть, Рассветов прав, утверждая, что письменный стол в квартире ему вовсе не нужен? Ведь он не руководящий чиновник-бюрократ, типа Скукина. Это надо же: комиссию педологов направил в колонию, а сам в кусты! Молодец Рассветов, что не дал им тут развернуться!» И, представив себе, как не солоно хлебавши улепетывает из колонии скукинская комиссия, явившаяся для определения способностей «дефективных подростков», рассмеялся. Встав из-за стола, Желтков походил по кабинету и, увидев через окно бегущих на лыжах колонистов, загляделся на азартный и красивый бег, смотрел до тех пор, пока они не скрылись из виду. Он всех узнал: Копырина, Шишкина, Шмыгу, Трапцеева, Залетаева, с каждым из которых выбрал время поговорить, и теперь имел о них собственное мнение. Особенно способными показались ему Копырин и Залетаев. Миша Копырин поразил Данилу Романовича математическими познаниями. Он изучает курс математики самостоятельно, по программе, составленной для него Известковым, а Сеня Залетаев порадовал старого литератора поэтическим чутьем и благоговейным отношением к поэзии Пушкина! «Не забыть сказать Трофиму Титычу, чтобы познакомил Залетаева с правилами стихосложе-

ния, с формой и размером стиха. Определенные способности у этого парня»!

Углубившись в размышления о перспективе колонии и о ее воспитанниках, Данила Романович глядел через окно на могучие осокори с подзолоченными от заходящего солнца вершинами и не сразу спохватился, что наступил вечер, вот-вот придет за ним Рассветов, а он так и не выработал четкого плана своего выступления.

Заведующий колонией появился в кабинете, когда уже смеркалось. Прямо с порога Рассветов сказал:

— Все в сборе, Данила Романович! Задержался из-за одного хорошего, на мой взгляд, предложения, которое единодушно поддержали все учителя и сотрудники колонии: устроить прощальный ужин! Мысль эту подала Елена Николаевна, а она, как вы, вероятно, убедились, человек инициативный и ни за что не отступит!

— Прекрасно! — обрадовавшись, сказал Данила Романович. — Без официального выступления, я полагаю, даже лучше!

— Я поддержал это предложение исключительно из тех соображений, что откровенная беседа требует и соответствующей обстановки. Все ожидают, что вы скажете о наших начинаниях прямо, поможете нам советом и делом, — говорил Рассветов, направляясь вместе с Желтковым по коридору к лестнице, ведущей на второй этаж.

— Умница, твоя Елена Николаевна! — восторженно сказал Данила Романович. — Ты даже не представляешь, как она выручила меня, честное слово! Мне еще все это надо обдумать, переварить, как говорят! А приказ и официальные указания я пришлю вам по почте.

В классе, ярко освещенном подвесными керосиновыми «молниями», Данила Романович увидел учителей и сотрудников колонии в полном сборе.

Женщины придирчиво осматривали накрытый стол, составленный из нескольких столиков в виде буквы «Т», мужчины, выполнив подсобную работу, держались обособленно, энергично обсуждая довольно проблематичный вопрос: передадут совхоз колонии или не передадут?.. А если передадут, то справятся ли колонисты с таким большим и сложным хозяйством, не прибегая к найму рабочих со стороны?.. Вопрос этот возник в связи с тем, что агроном Заботин, подготовив расчет, намеревался просить заведующего губнаробразом ходатайствовать перед со-

ответствующими организациями о передаче хозяйства совхоза до начала весенних работ в саду и на полях.

Окинув беглым взглядом стол, Данила Романович понял: ужин заранее продуман и подготовлен с разрешения Рассветова. В деревянных блюдах горки моченых яблок, чашки с солеными груздями, в большом чугуне дымящаяся паром картошка в мундирах, фаянсовые тарелки и тарелочки, деревянные ложки, вилки, а пшеничный хлеб, нарезанный ломтиками, в плетеных хлебницах.

Ничего подобного Желтков в колонии не ожидал и, вприщур посмотрев на Рассветова, хотел что-то сказать, но с шумом распахнулась дверь, и Иван Ломако с Матвеем Хохловым занесли в закопченном котле только что снятую с огня «архиерейскую уху».

Под восторженные возгласы они поставили котел на табуретку, и ни с чем не сравнимый запах «архиерейской» тут же начал заполнять комнату.

— Долг платежом красен, Данила Романович! — ухмыляясь, сказал Матвей. — Вы нас в Широком угощали, а мы тебя тута, хоша напоследок, но лучше, чем никогда! Не любим в долгу оставаться. А что не так — извиняйте!

Рассветов настороженно посмотрел на самозванца-дипломата, но не остановил, тем более Хохлов попросил извинения.

— Удружил, Матвей Анисимович! — живо отозвался Желтков. — Однажды сделанное человеком добро возвратится к нему сторицей. Я, откровенно сказать, даже растерялся от такого незаслуженного внимания. Спасибо вам всем, дорогие мои товарищи и коллеги!

— Прошу всех к столу, — пригласил Рассветов. — А вас, Данила Романович, прошу вот сюда, за головной стол, чтоб всем было вас видно и слышно. Но уха хороша с пылу! Чтоб Матвей Анисимович и Иван Тимофеевич не обиделись, сразу и приступим. Вы не против?

— Против такого предложения, Андрей Иванович, никто возражать не в силах! — улыбаясь, ответил Данила Романович.

— В таком случае самое время передать вот это оружие, по армейской терминологии, разводящего в молодые и надежные руки Елены Николаевны! Возражений нет?..

Предложение дружно поддержали, подбадривая зардевшуюся учительницу аплодисментами.

— Принимается единогласно, — весело глядя на Щеглову, сказал Рассветов. — Елена Николаевна, прошу вас!

Щеглова, еще больше разрумянившаяся и похорошевшая, встала из-за стола, повязала на сиреневое платье ослепительно белый накрахмаленный и выглаженный передник, предусмотрительно приготовленный Ольгой Сергеевной, обратилась к Желткову:

— Данила Романович, разрешите поухаживать за вами?

— Я весь к вашим услугам, Елена Николаевна! Это мне льстит и доставляет удовольствие, — сказал и посветлел лицом старик.

— Мне нужна только ваша тарелка, Данила Романович, — ответила Елена Николаевна, смутившись собственной шутке.

— Да?.. Как жаль, что опоздал я ухаживать за молодыми учительницами! — рассмеялся Желтков, оценив тонкое понимание юмора. — Прошу, Елена Николаевна!

Так начался общий ужин. Тройную уху готовили два волжанина-специалиста, долго колдовали над ней и, кажется, угодили всем.

Ели, шутили, вспоминая смешные истории из жизни колонии, а после ужина Данила Романович сказал:

— Не преувеличивая, я говорю вам прямо: делаете вы большое государственное дело, к которому нельзя приравнять никакой труд! Вы возвращаете обществу потерянных для него людей. Дело это трудное, но делать его надо. Как делать или с чего хотя бы начинать — не знаю, честное слово! Этому никто нас с вами не учил, но вы нащупали, на мой взгляд, верный путь. И школы и колонии наши — трудовые, значит, и в основе воспитания должен быть труд, осознанная необходимость трудиться! Это — единственный путь для ваших воспитанников стать нужными обществу людьми!

Не скрою от вас: все эти дни у меня с вашим заведующим шли серьезные разговоры по целому ряду проблем, которые вам предстоит решать. И всякий раз, когда я возражал ему, он буквально обезоруживал меня неопровержимыми фактами из вашей повседневной жизни. Найденный вами метод самоуправления коллективом колонистов — это не только полезное, но совершенно необходимое дело! Даже Матвей Анисимович, присутствующий здесь, человек совершенно непричастный к педагогике, высоко оценил такой метод руководства!

«Раньше, — говорит, — хоть из колонии убегай, а теперь они друг за дружку взялись, следят, чтоб каждый хорошо работал!» Это же факт, товарищи! А Скукин и педологи протестуют, считая ваш метод не только неприемлемым, но и порочным! Почему, спрашивается? Да все по той же причине: подростки у вас «дефективные»! А коль так, разве можно доверять им что-нибудь?!. По мнению некоторых «мудрецов» от педологии, они способны только на жестокость и на воровство!

За столом произошло оживление, а Данила Романович, сделав глоток чаю, продолжал:

— Всякие наскоки Скукина на колонию и на ваше самоуправление вызваны консерватизмом мышления и чиновничьим подходом к делу, отчаянным сопротивлением всему новому! А то, что Скукин не был у вас, но полностью поддерживает педологов, настораживает меня! Со Скукиным предстоит еще разобраться. У меня же складывается хорошее мнение о ваших начинаниях, словом, можете считать, что я верный ваш союзник!

Участники ужина дружно и горячо зааплодировали. Поддержка руководителя, возглавляющего народное образование целой губернии, придавала коллективу колонии силу и уверенность.

— Такой союз, Данила Романович, мы приветствуем! — сказал Рассветов. — Драка с педологами предстоит серьезная, и ваша поддержка нам очень нужна!

И опять раздались дружные аплодисменты. Сделав небольшую паузу, Данила Романович сказал:

— Против формальной педагогической логики можно бороться только фактами. Имеются ли они у вас?.. Да, имеются, причем неопровержимые! — Желтков встал из-за стола, вынул из кармана пиджака записную книжку. Полистав ее, он для верности водрузил на нос пенсне, к которому прибегал в исключительных случаях, и, убедившись, что нашел нужную запись, окинул сидящих внимательным взглядом. — Четверть века проработал я учителем словесности. Учились у меня много талантливых мальчиков и девочек, они имеются везде, всегда, но их нужно суметь открыть! Среди ваших воспитанников они тоже имеются!.. Вот, для себя, записал я в свою книжечку. Миша Копырин — с определенными математическими способностями, и об этом хорошо знает и развивает у него эти способности Сергей Александрович Извеков, спасибо ему за это. С поэтическими на-

клонностями Сеня Залетаев. Написанные им частушки, как мне сказали, даже со сцены поют! Музыкальные наклонности имеет Василий Шмыга. С явными артистическими данными Серафим Хвостиков, в чем я лично мог убедиться при его дежурстве по свинарнику. Как оказалось, свиноводство его не интересует, он вашего хряка Нэпмана боится!

Все присутствующие весело и дружно рассмеялись. О выходке Хвостикова при первом знакомстве с Желтковым было известно всей колонии. И сейчас, вспомнив, Данила Романович добродушно улыбался. Закрыв записную книжечку, он положил ее в карман и сделал заключение:

— Ломоносовы рождаются в самой гуще народа! Приглядывайтесь к ребятам, открывайте среди них одаренных. На вас лежит и эта благородная миссия!.. И последнее. Товарищ Ломако сказал мне, что он готов подписать документ о присвоении квалификации машиниста-дизелиста нескольким его ученикам. Так, Иван Тимофеевич?..

— Давно пора, Данила Романович! — поднявшись с места, ответил Ломако. — Костриков, Копырин, Залетаев, Трапцеев готовы к экзаменам перед любой комиссией. Такими ребятами колония может гордиться, я прямо скажу. А некоторым, хоша и взрослым людям, охать пацана — раз плюнуть! А почему?.. Да потому, что он бывший беспризорник, заступиться за него некому!

— Нет, Иван Тимофеевич, теперь есть кому заступиться! — возразил Желтков. — Советская власть взяла их под свою защиту, а наша с вами обязанность, товарищи учителя и воспитатели, учить их, окружить такой заботой, чтобы они не чувствовали сиротства. Прошу вас, Андрей Иванович, способных ребят и девочек готовить на рабфак. Нам нужны и ученые, и поэты, и агрономы, и врачи, и, конечно, учителя, много учителей для ликвидации неграмотности по всей нашей огромной стране! Вот такие задачи.

Из дневника Елены Щегловой

17 февраля, суббота.

Наконец-то я выбрала время, чтобы написать в своем дневнике несколько строчек. За окном тихий зимний вечер, можно и помечтать...

В среду уехал из колонии заведующий губнаробразом Желтков. Он произвел на меня впечатление мудреца, который, видя наши слабости, старается помочь, всемоих уроков Данила Романович в первую очередь подчеркивал то, что ему понравилось, те «изюминки творчества» и «мастерства», обнаруженные им и преподнесенные мне как дорогая находка! Там же, где был у меня промах, он тактично говорил, что я, конечно, это знаю, но упустила случайно, от волнения, которое неизбежно, если на уроке присутствует посторонний человек. И Данила Романович рассказал мне, как молодая учительница литературы, урок которой он посетил, сделала несколько грубых орфографических ошибок в двух предложениях, написанных ею на классной доске, и, обнаружив их, упала в обморок прямо в классе, хотя была знающим, хорошим педагогом.

Со мной, к счастью, такого конфуза не произошло. Но самое удивительное случилось на уроке русского языка в шестом классе, где работает Трофим Титыч. Рассветов пригласил на этот урок всех учителей, чтобы мы посмотрели, послушали, а если не считаем для себя зазорным, то и поучились.

Когда появились в классе Желтков и Рассветов, ребята встретили их дружными аплодисментами, что само по себе было уже недопустимым!.. Звездин же, вместо того чтобы сделать им замечание, сам начал бить в ладоши, как в театре. Странно, не правда ли?!

Мы заняли самые задние столы, и, когда все уселись и успокоились, Трофим Титыч, стоя за учительским столом, сказал:

— Ребята! Урок русского языка сейчас проведет с вами Данила Романович, которого вы теперь хорошо знаете. А нам, учителям, тоже полезно послушать и поучиться у нашего старшего и опытного товарища. Прошу вас, Данила Романович!

Звездин сел вместе с нами, а Желтков, улыбаясь, начал урок.

Впервые в своей жизни я слушала такого блестящего мастера-педагога, который, раскрывая тайны грамматики, доставил нам истинное наслаждение! Мы забыли, что мы — учителя, что мы находимся на уроке, где надо анализировать, воспринимать различные

приемы и методы активизации мыслительной деятельности учащихся, и вместо этого мы сами, все до единого, превратились в учеников Даниды Романовича, усердно делали то, что предлагал учитель, и, в конце концов, мне захотелось тянуть руку, как это делали ребята, чтобы меня тоже спросили и поставили оценку в журнал! Спасибо тебе, дорогой Даниил Романович, такого урока я никогда не забуду!

28 февраля, среда.

Вчера Андрей Иванович прочитал нам приказ губнаробраза. В приказе подчеркивалось: одобрить инициативу коллектива колонии имени Джона Рида по созданию производственных бригад и звеньев, основанных на самоуправлении, и рекомендовать всем школам губернии творчески внедрять в практику своей работы опыт колонии по приобщению школьников к общественно полезному труду, а средства, полученные от реализации продукции мастерских и пришкольных участков, использовать на бесплатные завтраки учащихся.

В последнем параграфе приказа говорилось об освобождении от обязанности заведующего Хвалынским наробразом Скукина П. П. как не справляющегося со своими обязанностями и о назначении на эту должность Козлова В. Г.

Я не сдержалась и громко сказала: «Ура, одним сутягой меньше!». Андрей Иванович удивленно посмотрел на меня, покачал головой и улыбнулся. Не знаю, что он подумал обо мне, но, честно признаться, вела я себя глупо. Я это поняла по взгляду, брошенному на меня Извековой, она-то уж наверняка подумала обо мне не только как о невоспитанной девчонке, но и еще бог знает что?.. Ну и пусть!..

1 марта, четверг.

Зная наперед, что в кабинете он один, я вошла без стука. Андрей Иванович сидел за столом, просматривал какие-то документы. Положив бумаги в ящик стола, он внимательно посмотрел на меня, сказал:

— Елена, мне нужно поговорить с тобой, но не сейчас и не здесь. Сегодня вечером ты свободна?

— И это очень важно для вас? — с вызовом спросила я, совсем не подумав, что сама хотела этого и капризничать теперь нечего, да и ни к чему.

— Очень важно, — без тени улыбки сказал он, не обратив внимания на мою выходку и этим совершенно обезоружив меня. — Ты сможешь поехать со мной в управление речного пароходства?

— Конечно, — ответила я, побоявшись, что сейчас кто-нибудь войдет и разговор оборвется. — В какое время?

— Надо успеть к концу рабочего дня. Давай в семнадцать ноль-ноль. Прокачу с ветерком! Договорились?..

— Ах да, я и забыла, что вы заправский лошадник! — воскликнула я, натянуто рассмеявшись.

— Ничего не вижу в этом зазорного! Если бы я не был учителем, то обязательно стал бы конюхом, как ваш ученик Семен Бухонин.

— Обратите внимание, товарищ заведующий, — сказала я, — такую же слабость к лошадям проявляет еще один мой ученик — Вася Шкодин! Оба они дежурят почему-то через день, пропуская занятия в школе по три дня в неделю. Не слишком ли много конюхов?

— Хорошо, я вызову их и попытаюсь... Но бескорыстную любовь надо всячески поощрять, а не убивать, Елена Николаевна! — Лицо его озарилось такой светлой и радостной улыбкой, какой, мне кажется, я еще не видела у него. — Разумеется, если она не в ущерб учебным занятиям, — глядя на меня, добавил он.

В кабинет-канцелярию зашел Кочергин, и наш разговор прервался.

А перед вечером я подходила к учебному корпусу, где у главного входа стояли сани с запряженной в них парой наших лучших лошадок. Хитровато прищурившись и ухмыляясь в рыжую бороду, на облучке сидел Матвей. Настроение у меня сразу упало. Матвей что-то хотел сказать мне, но на крыльце появился Рассветов с овчинным тулупом в руках.

— Балуй, дьявол! — прикрикнул Матвей на Трояна, бившего передней ногой о плотный у крыльца снег. — Садись, Андрей Иванович, а я подержу его, окаянного. Застоялся, удержу нет! Прогрейте его хорошенько.

Рассветов накинул на мои плечи тулуп, усадил меня в санки и, взяв вожжи, сел справа от меня. От сердца у меня отлегло: мы едем вдвоем.

— Барышню не потеряйте! — крикнул нам вслед Матвей.

— Какой же он, право, некультурный и грубый! — рассердилась я.

— Не обижайся, — повернув ко мне голову, сказал Рассветов. — Какое у человека воспитание — такая у него и культура. Он скоро увольняется от нас, а работник добросовестный, жалеть еще будем.

Я не ответила.

Гордо подняв голову, красиво бежит по ровной дороге Трояи, вскачь идет левая пристяжная, в ушах свистит свежий ветер, обжигая щеки.

— Елочка! Прикрой лицо воротником тулупа! — громко говорит мне Андрей Иванович, повернувшись ко мне вполоборота. — Не бойся, если вывалимся, полетим вниз, а не вверх, не страшно: снег — лебяжий пух! — смеется он. — Ты слышишь меня?!

«Елочка» — чудесное имя, которое мне очень нравится! Этим именем он называет меня всякий раз, когда я сержусь или ни с того ни с сего капризничаю, и тогда (если мы, конечно, вдвоем) он начинает ухаживать за мной.

— Ты почему не отвечаешь?! — кричит он мне. — Не слышишь или страх обуял?..

— Слышу!.. Я с тобой ничего не боюсь!..

Кони мчат нас по столбовой дороге. Трояи прибавил прыти, по высокому козырьку саней все сильнее барабанят крутые комья снега, с силой летящие из-под кованых копыт коренника. Сорока косит в мою сторону огненным глазом. Сильнее свистит ветер. Я поворачиваюсь к Рассветову, высокий воротник тулупа надежно защищает мое лицо от колючего ветра, я беспрепятственно могу наблюдать за выражением лица и глаз моего будущего супруга и попытаться угадать его мысли. С каждым днем я люблю этого человека все больше и больше, мне теперь даже страшно подумать, что я могла отказаться и не поехать в колонию.

— Я люблю тебя, Елочка! — слышу я голос Андрея. Он наклоняется ко мне, сердце мое замирает, дыхание останавливается, и я ощущаю на своих губах его твердые, пахнущие свежим ветром губы. — Ты не сердись на меня, очень прошу! Потерпи три недели, до весенних каникул. Выдержишь?! Я понимаю: тебе неудобно перед Ольгой Сергеевной? Но дело это поправимо! Сегодня ве-

чером я приду и сделаю тебе официальное предложение. Не возражаешь?!

— Ты напрасно беспокоишься! Никакого неудобства я не чувствую, с чего ты взял?! — отвечаю я, противореча самой себе.

— Мне кажется, что Ольга Сергеевна недовольна мной! Ошибаюсь, нет?..

— Ошибаешься. Она тебя любит, ты напоминаешь ей моего папу в молодости!

— Спасибо! За моей спиной вырастают крылья!.. Мы летим с тобой по воздуху! Эй, соколы!..

Снежная пыль колет мне лицо, я кутаюсь в тулуп, закрываю глаза, и мне действительно начинает казаться, что наши сани оторвались от земли и мы летим над крошечными домиками села, над заснеженным полем, над темным лесом гор, а наши кони превратились в больших белых птиц и они уносят нас все выше и выше, навстречу стремительно приближающимся звездам, которые я могу потрогать рукой!..

— Леночка! — слышу я дорогой мне голос. — Чтобы попасть в управление пароходства, надо было свернуть направо, а мы давно проскочили этот проулок. Давай отложим наш визит на завтра, а сейчас выедем за село, навстречу свежему ветру и пахнущему весной полю. Хочешь?!

Я все еще не могу возвратиться к действительности из той сказки, в которой только что побывала. А когда я открываю глаза и вижу убегающие назад от меня домики, занесенные до самых окон снегом, я кричу Андрею:

— Чудесно!.. Вези куда знаешь, хоть на край света!..

2 марта, пятница.

Как мы и условились, Андрей Иванович вчера вечером пришел к нам на квартиру и сделал мне официальное предложение...

12 марта, понедельник.

Мы надеялись, что встречи колонистов и молодежи села на наших вечерах и спектаклях приведут к взаимопониманию и дружбе, но произошло непредвиденное. Вчера, после воскресного концерта, когда в зале шли

танцы, подвыпившие сельские парни затеяли около клуба драку с нашими ребятами. Оказывается, наши взрослые мальчики перестарались, ухаживая за девушками из села. Одного из сельских парней (зачинщика этой драки) кто-то ударил ножом, после чего алексеевские парни разбежались. Досталось, конечно, и нашим ребятам, но они не унывают. Пострадавший находится в больнице, рана у него не опасна, но сегодня в колонию приехал следователь для выяснения обстоятельств этой драки и привлечения к уголовной ответственности виновных.

Когда я спросила Андрея Ивановича, что он думает об этом случае, он ответил: «Того, кто ударил этого сельского хулигана ножом, колонисты скроют. Но я опасаюсь, что объявится подставное лицо, самый что ни на есть бедолага возьмет вину на себя и будет до суда ходить в героях».

Боже мой!.. Неужели и такое возможно?.. Как мало, оказывается, я знаю этих ребят?!

14 марта, среда.

Сегодня, по срочной телеграмме из Саратова, Рассветов выехал за оборудованием для мастерских. Ура, Данила Романович держит свое слово! Это очень здорово!..

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ СЕДЬМАЯ

Оттрещали лютые январские морозы, отплясали веселые февральские метели, по-настоящему весенними днями покатился март с утренними, пожирающими снега туманами, ласковым полуденным солнцем, со звонкой капелью с крыш, с длинющими, прозрачными, как стекло, сосульками, которые с превеликим удовольствием хрумкают и сосут пацаны вместо леденцов. После этого кашляют, простудив горло, хрипят и лежат в постели с ангиной. Строгий запрет воспитателей не сбивать сосулек и не брать их в рот не сдерживает младших ребят от соблазна похрустеть обжигающим рот ледком...

Когда побежали по оврагам весенние ручьи, снег набряк, осел и стал тяжелым, покрывшись плотной, режущей обувь коркой, а через Волгу по зимней дороге ездить стало небезопасно, рискуя провалиться под лед. К этому времени на «Шквале» заканчивались последние ремонтные работы.

Василий Шмыга и Степан Трапцеев подолгу сидели около новой колонистской бани, поставленной на берегу затона, влюбленно глядели на «Шквал», сверкающий желтой и голубой краской, и мечтали, считая себя матросами этого парохода, хотя им только пообещали, что, возможно, зачислят в состав команды.

— Эх! — вздохнул Шмыга. — И до чего же земля наша большая, и живет на ней много-премного разных людей, с разными мыслями... Мы с тобой, к примеру, на пароход хотим, Копырин Мишка к звездам мечтает лететь, а Сенька Залетка задумал написать целую книгу стихов, как Пушкин. Чудно!..

— Ничего тут чудного нет, — возразил Трапцеев. — Каждого человека на свое место тянет. Я так понимаю: у каждого есть свое место на земле. Не может того быть, чтобы человек народился и был бы без места! Сколько колоний пооткрывали, а пацанов неприкаянных по городам много еще, а такого быть не должно! Да только тут, я так скажу, многие хмыри сами виноваты. Симочка Хвостиков из двух колоний сбежал, и здесь ему не «климат», как он говорит.

— Симочка — артист, подучится малость, и в театр возьмут, он грамотный. Колония его не интересует, да и по возрасту он давно не цыпленок. Подумать только: сын профессора — и босяк!.. Вот как она, жизнь-то, оборачивается, вроде как насмехается над человеком!

— Так ведь и ты тоже... — запнулся было Трапцеев и не договорил.

— Это бабка родная сказала мне, что я дворянского роду, как и она, а мать моя артисткой в театре работала, — объяснил Шмыга. — Здорово лупили меня босяки за это дворянство, дурачье! А какая им разница?..

— Выходит, разница! — глубокомысленно сказал Трапцеев. — Среди воронья белой вороной ты оказался, за это и клевали.

— Спасибо Рассветову, что не побоялся и взял нас, а мог бы и не взять! Не забыл, какой номер на пристани мы откололи?..

— Помню. А он стоял, смотрел на нас, дураков, и улыбался. Вот человек! — восхищенно сказал Степан. — Я хорошо запомнил, как говорил нам Андрей Иванович: «У каждого человека есть талант и показывает он его на деле!..» Потянуло меня в кочегары на пароход, так почему я не могу?.. Могу ведь, а?..

— Конечно можешь, — подтвердил Шмыга. — Можешь, да еще как! Ты сильный, работать будешь не хуже других, а то и лучше. Да... — мечтательно протянул он. — Представь себе: кончили мы с тобой смену, вышли на палубу, пароход весело бежит вперед, а зеленые берега уплывают назад, и такая красотища, что петь хочется! Возьму я гитару и... «Раскинулось море широко...». Да что там говорить, только бы взяли!..

— А Соньку Касаткину тянет в артистки. Как ты думаешь: получится из нее артистка?

— Замуж ее тянет, а не в артистки, — хохотнул Шмыга. — За Сенькой она как собачонка бегает, только ничего у нее не получается: Залетка в Леночку Щеглову влюблен, в учительницу.

— Разве учительница подруга для босяка? — возразил Трапцеев, недоверчиво посмотрев на Шмыгу. — Нет, так не бывает, побрезгует она им, хотя он и поэт. Да и много старше она Семена! Просто-напросто она хорошо относится к нему, часто разговаривает с ним, а он и возомнил незнамо что! Да в нее половина наших ребят влюблены, ну и что из этого?.. Она же учительница, понимать надо!..

— Я-то понимаю, так... к слову сказал. Она за Андрея Ивановича замуж выходит.

— Откуда ты знаешь? — удивился Трапцеев, вскинув вверх темные широкие брови.

— Источник верный: старуха Щеглиха Нюрке Лапшиновой говорила, а та — Соньке. Вернется он из Саратова — свадьба будет. И правильно, а то живет вроде нас: никого и ничего у него нет! Был я как-то в его квартире — шаром покати! Нырнет фомушник в такую хавиру — и взять нечего. А ведь комиссаром полка был!..

— Это — человек! Если бы не он — труба нам! Теперь кукарекали бы где-нибудь в тюряге, как Мопс с Карзубым.

— Ненавижу этого Мопса криволапого! — зло сказал Шмыга. — Я на него, гада, больше двух лет работал. Бывало, гавкнет, заурчит, сволочь, а потом тихо так ко мне: «Судьба твоя, Дворянин, на кончике моего пера! Понял?!» А чего не понять? В то время я ничего не мог против него. Это уж потом он стал опасаться меня, почуял, что писануть могу, не принуждал, как других, и не угрожал. Хитрый, гад!

— Карзубый тоже гусь лапчатый, — отозвался Трап-

цеев. — Оба они ловят рыбку в мутной воде. Сколько в Саратове босяков на них работают, будь уверен!

— А кликуху Зюзя присобачил тебе — тоже будь уверен! — рассмеялся Шмыга. — «Буй», надо же!

— Кликуха забудется, если кочегаром стану. Возьмут, а?..

Василий, пожав плечами, не ответил.

— Приедет Андрей Иванович, давай попросим его, чтоб замолвил словечко за нас в управлении пароходства. Скажем ему напрямки! — предложил Трапцеев. — Не получится из нас ни свинарей, ни пахарей.

— Не станет он за нас поручаться, понял?

— За Малютку поручился, а за нас не станет? Мы что, хуже Малютки?..

— Хромов в уголовный розыск ушел, совсем другое дело, — сказал Шмыга, вынимая из кармана пачку папирос и угощая Степана. — А на нас с тобой следователь материал нарисовал за драку.

— Никто же не знает, кто этого парня писанул, — сказал Трапцеев, чиркнув спичкой и дав прикурить сначала Шмыге.

— А следователю и знать не надо, — затягиваясь папиросой, сказал Шмыга. — Какая ему разница, кто из нас?.. Хорошо, что живой тот парень, а не то сразу бы за решетку! Когда Иван-Рысак упал, я вынужден был, иначе они убили бы его! Но парень тот говорит, что он не знает, кто ударил, может, свои сельские порезали, по злобе. Понял?..

— Это он струсил, — сказал Степан. — Боится, чтоб не пришили его ребята наши, если тебя посадят.

— Если уж посадят, то не только меня, — улыбаясь, сказал Шмыга. — Тогда другую песню петь будем: «Таганка, я твой вечный арестант, погибли молодость, талант в твоих стенах!» Какая нам разница, где кукарекать?.. Я к тому, если на пароход не возьмут.

— Ну, знаешь, это ты зря, Васек! Разница большая! Ничего, приедет Рассветов и уладит это дело, — видя, что Шмыга первничает, сказал Трапцеев. — За обоюдную драку в тюрьму колониста не отправят, да и не мы первые начали эту потасовку.

— Человек он правильный, но не все от него зависит. Давай так: расскажем ему все как есть, начистоту, а там пусть выгоняет или сажает! — решительно сказал

Шмыга. — А то подумает еще, что трусы мы, тюрьмы испугались!

— Если из колонии выгонят, то и на пароход не возьмут, это уж как пить дать, — сказал Транцеев. — Но вину за драку я с тобой пополам делю, тюрьма так тюрьма!

— Товарищ ты верный, я знаю. Может, и повезет еще, не унывай!

— Не знаю, как ты, а я в жизни невезучий, — сказал Степан.

— Везенье у нас у всех одинаковое: сегодня повезло, а завтра морду набьют или искалечат, на кого нарвешься. Сенька правильно написал: «Надоело скитаться по свету, опротивело мне воровать!..» У тебя никого нет, не так обидно, а у меня мать где-то есть, не то в Париже, не то в Лондоне, бабка говорила мне, а я позабыл. Может, и разыскивает теперь, да разве меня найдешь?.. Она, наверное, думает, что я музыкант или артист, а я тот еще артист, профессор по чистке чужих карманов. Эх, жизнь-жестянка!..

— Нет, на старую дорожку становиться нам теперь нельзя, — твердо, как окончательное решение, высказал Транцеев. — На «Шквал» не возьмут — на рыбные промыслы подадимся, в Астрахань, у меня там знакомые есть.

Шмыга поднялся, бросил окурок, притоптал.

— Пойдем поглядим этот буксир поближе, все легче на душе станет.

— Пошли. Может, в машинное отделение загляпем?

— Можно. Машина на нем — сила, не зря «Шквалом» назвали...

Из дневника Елены Щегловой

21 марта, среда.

Сегодня наконец-то возвратился из Саратова Рассветов.

Как только мне сообщили об этом, я сразу же побежала на квартиру Андрея Ивановича и, бросившись к нему на шею, заплакала. Он даже опешил.

— Что случилось? — взволнованно спросил он.

— Ничего. Я так рада, Андрюша, что ты живой и здоровый! — говорила я, ничего не соображая и глотая слезы.

Поцеловав меня, он сказал:

— Не надо, не могу видеть, когда плачет хорошенькая женщина. Все в полном порядке: оборудование для мастерских отправил по железной дороге до Вольска, откуда придется вывозить его на лошадях. А тебе и Ольге Сергеевне подарок привез!

И, открыв большой кожаный чемодан, начал передавать мне покупки.

— Сначала принимай, а благодарить будешь потом, если понравятся, — весело говорил Андрей. — Свадебное платье, фата, туфли, только не знаю, как в них ходить ты будешь?.. — смеялся он, глядя на высоченные каблуки.

Отложив в сторону подарок для мамы, я не выдержала искушения и, попросив, чтобы он закрыл дверь на ключ, тут же начала примерять платье...

Купил он две вещи и для себя: новую шинель и сапоги. Удивленно глядя на него, я недоумевала, а потом поняла: если переодеть его в гражданский костюм, не будет Рассветова, к которому все мы так привыкли и которого так любим!

Меня все время так и подмывало спросить: где он взял деньги?.. И я спросила.

— Можешь не сомневаться, — сказал он, весело глядя на меня, — деньги «чистые», говоря на языке некоторых наших мальчиков. Данила Романович возвратил мне долг. «Возвращаю тебе деньги, затраченные на покупку вторых костюмов для колонистов, но впредь таких художеств прошу не позволять!.. Умник нашелся! — шумел он. — Старого воробья на мякине хотел провести?! Пусть они заработают на вторые костюмы, тогда и одевай! А то, видите ли, письменной стол в квартире ему не нужен, пальто тоже не нужно, можно и в потертой шинелишке зиму перебиться, сменной гимнастерки не имеет, а колонистам по второму костюму на свои деньги купил!..» До того рассердился, что сесть не предложил, а возвратив долг, отправил меня за покупками. Полдня я потерял на посещение магазинов, и, когда возвратился в губнаробраз вот с этим чемоданом, Желтков убедился, что я купил все, что у меня записано, только тогда пригласил меня на квартиру. Не одобрил, что купил я для себя шинель, а не пальто, но, когда я возразил ему, что рано нам еще шинели в музей сдавать, смирился. Оказывается, Кочергин подвел меня! Желтков спро-

сил у него: на какие доходы одели и обули колонистов?.. Петр Гаврилович, ничего не подозревая, раскрыл бухгалтерские книги и сообщил, что деньги дал губнаробраз и все приобретенные на них материальные ценности оприходованы. Данила Романович сразу понял, где я взял деньги, но, пока был здесь, ничего не сказал мне, только смеялся насчет умывальника, дня три ехидничал: «Продал дом — купил ворота?..» Ох и выдержка у этого старика!..

— Какой же тут проступок? — недоумевая, спросила я. — Израсходовал свои деньги на колонистов, ну и что?

— Считает, что не с того конца воспитывать начал! Иждивенчество, дескать, штука вредная, а вещи, не заработанные своим трудом, не ценятся и не берегутся. Возможно, он и прав, но, скажу тебе по секрету, на оставшиеся деньги я приобрел струнный оркестр, музыкальные инструменты! — радостно сообщил он. — Я правильно поступил?

Ну что могла я сказать, глядя на сияющее лицо?..

— Конечно правильно! — сказала я, поддаваясь его настроению.

— Помнишь, я как-то пообещал Трофиму Титычу? Душа теперь у меня спокойна, словно гора с плеч свалилась! Инструменты отправлены специальным контейнером.

— Спасибо тебе за все, за все! — сказала я, обнимая его. — Милый! Давай теперь подумаем, как нам лучше устроить вечер? Кого пригласим!.. — И мы начали фантазировать.

27 марта, вторник.

С 23 марта и по 1 апреля в колонии весенние каникулы.

Вечер, посвященный нашему бракосочетанию, состоялся в воскресенье, как мы и хотели — в центральном здании усадьбы. Были все учителя и сотрудники колонии, руководители совхоза, знакомые Андрея Ивановича из управления пароходства и несколько человек из волисполкома, где мы регистрировали свой брак.

Особое впечатление произвел на меня свадебный поезд: несколько троек лошадей, украшенных лентами и первыми в этом году подснежниками.

Я так счастлива, что выразить в дневнике нахлынув-

ние на меня чувства совершенно бессильна. Но останется это в моей памяти на всю мою жизнь!

Руководство совхоза оказало нам исключительное внимание, предоставив в наше распоряжение три комнаты в центральном здании с колоннами. Агроном Заботин, улучив момент, шепнул мне, что это — хороший признак и в ближайшее время все хозяйство совхоза передадут колонии.

Обставить эти комнаты, хотя они и небольшие, у нас пока нечем, но если Андрей Иванович не особенно будет сердиться, то я, наверное, куплю кое-какую мебель и гардины.

На вечере нам преподнесли изумительную картину неизвестного, видимо крепостного, художника «Окрестность Алексеевки», написанную на холсте маслом. На картине изображены горы, покрытые лесом, ростепель на мартовской дороге с талой водой по следу колес, сивая и каряя лошади, запряженные в телегу, а в телеге крестьянин с дремучей бородой. Не могу судить о ценности этого полотна, но картина производит изумительное впечатление и вызывает у меня какую-то прекрасную весеннюю грусть!

Я знаю: дорога с Рассветовым будет нелегкой, но я добровольно избрала ее и хочу хоть немного быть похожей на него. Он стремится к идеалу человека, которого создал в своем воображении, а может, и не стремится, а иначе жить не может?! Не знаю?..

28 марта, среда.

Сегодня уволился из колонии Матвей Анисимович Хохлов. В совхозе он купил двух лошадей, которых распродают там за ненадобностью, там же приобрел сбрую, телегу и, погрузив свои пожитки, подъехал к интернату. Колонисты гурьбой высыпали проводить его.

— Теперь ты куркуль, дядя Матвей! — сказал ему Семен Бухонин.

— Куркуль не куркуль, а хозяин! — гордо ответил Матвей. — В работники ко мне пойдешь?

— Дураков нощи у себя в деревне, а в колонии они перевелись! — рассмеялся Бухонин.

— Ну, как хошь, вольному воля! Прощевайте, коммуния, не поминайте лихом!.. — И, тронув лошадей, укатил.

30 марта, пятница.

Вчера Андрей Иванович рассказал мне потрясающую историю.

С утра его пригласили для разговора по телефону с секретарем уездного комитета партии Набатовым. Секретарь спросил: есть ли у нас в колонии воспитанник Миша Копырин? Рассветов ответил, что такой колонист у нас есть и что ему на днях присвоена квалификация машиниста-дизелиста. Тогда Набатов сказал, что имеется возможность устроить Мишу Копырина помощником машиниста на электростанцию или машинистом на паровую мельницу, чтобы он мог постоянно видеться со своим братом Илюшей, находящимся в детском доме, и что об этом очень просит заведующая.

Андрей Иванович впервые услышал, что у Миши Копырина есть родной брат, и от такой новости даже растерялся, ответив секретарю, что он поговорит с Мишей, после чего и сообщит решение.

Меня поразило то, что этот синеглазый, скромный на вид юноша спокойно рассказал Андрею Ивановичу: из Черемшанской коммуны он сбежал с целью раздобыть огнестрельное оружие и убить бандита Храпычева, повинного в гибели его родителей, а если не найдет его, то перебить всю его семью!

В одну из своих тайных поездок в Хвалынск Копырин, разыскав старуху мать бандита, взял у нее фотографию ее сына, а, когда сказал ей, кто он и зачем пришел в их дом, старуха встала на колени и начала молиться, говоря: «Господи, покарай ты меня самой лютой смертью, если я повинна перед тобой за сына моего непутевого! Я ли не наставляла его на путь праведный, я ли не валялась в ногах у него, заклиная бросить свое бандитство, а он не внял словам моим! — И, перекрестившись, сказала, обращаясь к Копырину: — Коль пришел ты убить матерь его — убей! Это бог послал тебя за грехи мои. Я помолилась и готова принять смерть. Как бог велит тебе, так и делай, сынок!» — и упала лицом вниз.

От этих слов старухи у Копырина и руки опустились.

— Встань, бабушка, — сказал он, — я не трону тебя, но если найду сына твоего бандита — убью!

Потрясенная этой сценой, я с изумлением смотрела на Рассветова...

— Вот что, Елена, — сказал он, чувствуя мое волне-

ние. — Наш с тобой долг взять Илюшку Копырина из детского дома на воспитание и сделать все, чтобы мальчик не чувствовал сиротства. Вдвоем им будет легче.

Я ответила, что уже подумала об этом. Андрей Иванович попросил меня, чтобы я поставила в известность Ольгу Сергеевну, и, к моей радости, сказал, что только любящая жена может читать сокровенные мысли мужа!

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ВОСЬМАЯ

Педагогический совет затянулся допоздна. Обсуждался один вопрос: о драке воспитанников. Следователь поставил им в вину нанесение телесных повреждений гражданину Бармину при превышении обороны, то есть самозащиты.

Извеков, Кочергин, Извекова настаивали на исключении из колонии троих, делая скидку Трапцееву, имеющему за время пребывания в колонии единственный этот проступок. Агроном Заботин, защищая Трапцеева и Шкодина, высказался за исключение Шмыги и Шишкина. Достаточно было согласиться с ними члену педсовета машинисту Ломако — участь колонистов была бы решена. Это понимал не только Рассветов, но и остро чувствовали Звездин, Щеглова, Заботина.

О трех «Ша», как назвал их в своем выступлении Извеков, говорилось как о подростках окончательно испорченных и неисправимых мерами педагогического воздействия. Они играли в карты, уходили без разрешения в село, крали из погребов местных жителей разные продукты, а по воскресным дням иногда появлялись на местном базаре, «зарабатывая» на папиросы. Но что особенно подчеркивалось сторонниками Извекова: все трое оказывали дурное влияние на определенную часть колонистов, держали их под страхом физической расправы и принуждали делать то, что им прикажут. Больше того, настаивая на исключении трех «Ша», Извеков пытался утверждать, что дыма без огня не бывает и в Алексеевке не случайно поют всем известную частушку:

Шмыга, Шишкин и Шкодин —
Три бандита, как один!
Как появятся три «Ша» —
В пятки прячется душа.

Присутствующие на педсовете понимали: более убийственной характеристики не придумать! «Всякие разго-

воры о возможном исправлении окончательно испорченных, — заявил Извеков, — пустая трата времени! К великому сожалению, наш уважаемый Андрей Иванович занимает примиренческую позицию, действуя в ущерб всему коллективу колонии!»

Педагогический совет шел уже более двух часов, когда взял слово Звездин вторично.

— В этой тетрадке записаны проступки не только Шмыги, но и других моих воспитанников, их биографии и кривые стежки-дорожки до сегодняшнего дня! — Трофим Титыч показал толстую тетрадь в клеенчатом переплете. — Читать свой «кондуит» в кавычках я не собираюсь, а через год, если хотите, я подарю эти записки вам, Сергей Александрович, или с удовольствием брошу в горящую печь!

— Большая самоуверенность, Трофим Титыч! — возразил Извеков.

— Нет, Сергей Александрович, не самоуверенность, а вера в людей, которые стоят сейчас на перепутье. Но мы все равно перечеркнем этот «кондуит», а вместо него я заведу новую тетрадь хороших дел и благородных поступков!

Рассветов, сидя на председательском месте, с интересом слушал Звездина, время от времени что-то записывал. Он не перебивал выступающих и не мешал спорящим.

— Ваше заявление, Трофим Титыч, к сожалению, не подкрепляется делами ваших воспитанников, все как раз наоборот! — вновь перебил Извеков. — Откровенно говоря, другой воспитатель на вашем месте умыл бы руки! Подумайте: из-за трех этих шалопаев колонию постоянно лихорадит!

Замечание Извекова выбило Звездина из колеи, но он понял, что именно сейчас нужно дать решительный отпор.

— Извините, Сергей Александрович, но умывать руки на моем месте могут только черствые, бездушные люди!

Такой резкости от Трофима Титыча никто не ожидал, а Ирина Васильевна даже ахнула. Звездин начал волноваться, лицо его вначале побледнело, а потом покрылось розовыми неровными пятнами.

— Василий Шмыга — нервный, дерзкий и на мозоль себе не даст наступить, но душа у него лирика, если хотите — душа артиста! Вы слышали, товарищи педагоги,

как он поет?.. Кроме Елены Николаевны, никто не слыхал. А жаль! Вот позвольте, я напомню вам известные строчки из его песни на слова Залетаева. С какой душой поет он ее!

Много лет я провел под забором,
Я не знал материнской любви,
Пусть меня называют все вором,
Ты сыночком меня назови.

Трофим Титыч умолк и при полнейшей тишине, в которой, казалось, продолжал еще звучать взволнованный его голос, долго смотрел невидящими глазами в черноту открытого окна. Справившись с волнением, он сказал:

— Так иногда, в песне, приоткрывается душа человека! Но не дай бог увидеть в этот миг глаза, в которых отражается безысходная тоска и обида на весь мир!.. Это ужасно! Вам приходилось когда-нибудь видеть подраненную птицу, которая, истекая кровью, пытается взлететь и не может?.. Вот это, знаете, очень похоже... Очень!.. — И, опустив голову, Трофим Титыч пошел на свое место.

Выслушав два противоположных мнения учителей, Рассветов обратился к машинисту Ломако:

— Иван Тимофеевич, как работают у вас Шмыга и Шишкин?

Машинист встал с места и, не подходя к столу, ответил:

— Шмыга парень добросовестный, машину любит и знает, работает весело и хорошо! С душой работает!.. Шишкин тоже интересуется, с обязанностями помощника машиниста вполне справляется. Но Шмыга и Трапцеев речниками хотят быть. Надо замолвить за них словечко, Андрей Иванович, может, и вправду возьмут их на «Шквал»? А что касается драки, я так скажу: их вынудили на эту драку! Ивану Шишкину голову пробили, тоже дело не шуточное, только он молчит, скрывает. Нельзя их исключать, Андрей Иванович. Им ведь все равно идти некуда и не к кому, их дом здесь! Вот такое мое слово.

Рассветов, поднявшись, сказал:

— Прежде чем принять окончательное решение, я хотел бы подвести итог нашему разговору. Мне понравились выступления Трофима Титыча и Ивана Тимофеевича потому, что они искренне верят в хорошее бу-

дущее наших ребят! Глядя на них, я часто спрашиваю себя: кто поможет им?.. Ответ один: только мы, и больше никто! Остаться с малых лет без родителей или вовсе не знать их — это трагедия!.. В каждом из нас они хотят видеть не только учителя, но и самого близкого человека, который в трудную минуту не отвернется, а придет на помощь! И они готовы открыть вам свои сокровенные мечты, свои сердечные тайны, но... откроют ли?! Это уже другой вопрос?..

Окинув взглядом сосредоточенные лица учителей и словно что-то решая, Рассветов задумался.

— Освободиться от двух-трех «вконец испорченных шалопаев» труда не составляет, но какое нужно иметь сердце, чтобы оно потом не болело?.. — заведующий колонией, словно умышленно, остановил свой взгляд на Извековой. Ирина Васильевна, не выдержав этого взгляда, опустила голову.

— Позвольте спросить прямо: кто из вас решится отправить своего ребенка в тюрьму, если он драчун и даже воришка?.. Никто! Да, да, никто и никогда! Вы наверняка начнете искать пути, чтобы спасти его от этой беды, надеясь, что он исправится и без крайних мер, под вашим влиянием.

— Зачем же вы так, Андрей Иванович? — нервно спросил Извеков, поднявшись с места. — Мы таких мер не предлагаем.

— А что же вы предлагаете?.. Если мы выгоним этих ребят из колонии, дорожка у них одна, тут и гадать нечего, Сергей Александрович! А ведь нам доверила этих ребят Советская власть, которая верит нам, что мы сделаем из них полезных обществу людей!

— Извините, Андрей Иванович, — вновь встал из-за стола Извеков. — Я снимаю свое предложение! Прошу считать, что я вообще такого предложения не вносил. Давайте будем изыскивать другие меры воздействия.

— Это уже другой разговор! — одобрительно сказал Рассветов, и темно-серые глаза его потеплели. —Хорошо сказал Иван Тимофеевич: «Их дом здесь!» Так куда же им из этого дома-то?.. Это же наши дети!.. Конечно, драка или кража, совершенные нашими воспитанниками, для колонии — чрезвычайное происшествие! Но воспитателю нельзя показывать проявившемуся свое уничтожающее презрение! Настоящий воспитатель всегда верит в своего воспитанника, и, если тот продолжает со-

вершать проступки, значит, не произошел еще перелом, налицо недоработка в воспитании! В прошлую среду убыл из колонии старший рабочий Хохлов, а на его место человека мы пока не нашли. Я попросил Федора Алексеевича, чтобы он, временно, назначал на конюшню в ночное время только старших колонистов, а из них самых надежных, которым можно доверить, что они будут работать, а не спать. Кто сегодня в наряде, Федор Алексеевич?

— В ночь заступили Конырин и Шмыга. На мельнице помола пока нет из-за весенней распутицы — ни проедешь, ни пройдешь! Сами попросились. — И, посмотрев на Рассветова, добавил: — Давно не дежурили.

— Хочу закончить наш разговор одной мыслью, высказанной однажды нашим уважаемым доктором Никитой Даниловичем Селяниновым: «Если я перестану верить в выздоровление своих больных, я потеряю моральное право лечить их! И пока для спасения больного имеется хоть малейшая надежда на его излечение — врач обязан бороться за его жизнь!» Думаю — это хороший пример для всех учителей и воспитателей.

После этих слов заведующего колонией выступать никто не решился и педсовет выработал рекомендации для учителей-воспитателей, которым предстояло работать с этими трудными ребятами...

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ДЕВЯТАЯ

Двое дозорных, проводив прибывшего из села связного к атаману, стоят на краю обрыва в секрете и, вглядываясь в угрюмое ущелье, слушают надоевшую лесную тишину. Чуть заметный по движению верхушек деревьев ветерок приносит с собой запахи отсыревшей древесной коры и прелых прошлогодних листьев. На ноздреватую корку подтаявшего снега сыплются сверху тонкие ледяные иглы инея, а с левой стороны ущелья дятел долбит звонкий ствол сосны...

Повесив на плечо дулом вниз винтовку, Оська Голый скребет заскорузлыми пальцами нечесаную и давно не стриженную бороду, ежится от сырости и холода. Армячишко и опорки на нем такие, что совсем не греют.

Родька Карга одет получше: на нем дубленый полушубок, рыжая лисья шапка, на ногах онучи и лапти. От холода Родька особо не страдает, но тоскливая и жут-

кая тишина давит и на него, а в башку несотвязно лезут самые что ни на есть дрянные мысли. Зачем ему, бедолаге Карге, нужно было связываться с беляком Николкой Храпычевым?.. Он, Родька, не беглый арестант и не кулак, а так—середняком числился, и, стало быть, Советская власть отнеслась бы к нему без всяких подозрений... Ну, служил он у белых по мобилизации, так ведь не один Родька Карга служил у них, что ж из того? Сразу-то побоялся, не пошел к властям, а теперь и того хуже! Грабит он, Карга, своих же мужиков, правда, к убийству не причастен, бог миловал. Не то что Храпычев или Чапанов, которые ни за что ни про что бывшего красного командира Фому Копырина вместе с женой порешили, да и других мокрых дел за ними не пересчитать. Но приказ властей о сдаче оружия Родька все же не исполнил, с повинной не явился, а теперь как, если явится?.. Что ждет его?.. Сколько может продолжаться волчья жизнь?.. И семья у него имеется: жена, двое детишек, мать-старуха, которая души в нем не чаяла и растила не для того, чтобы он, Родион Каргинов, был в холуях у белобандита Храпычева. Хорошо еще, что ни в селе, ни дома не знают, что в банде он, а не то беда!.. Нет, надо как-то уходить из леса подобру-поздорову. Храпычеву и Чапанову деваться некуда, их не простят и не помилуют, а его, Каргу, за что к стенке становить вместе с ними?.. Да Чапанов, считай, и не живет в лесу-то, а где-то на хуторах жирует, то ли на Павлихе, то ли на Иванихе, и диктует оттуда, что и как делать надо. Хитер Сидорка Чапанов, башку свою под пулю не подставляет, гад!..

Вот так, рядом, часами стоят и молчат Родька Карга и Оська Голый, опасаясь открыть друг другу тайные мысли. Голого, как замечает Карга, тоже гложут невеселые думки. Этот совсем по-дурному в банду влез — попал, что петух в горшок! На грабеже разбогатеть захотел, дурья башка, на чужом несчастье капитал нажить, а как всю жизнь ничего не имел, так и сейчас в кармане вошь на аркане! Вот этого добра горстью греби, если б по рублевке за штуку платили, тысячником можно стать!.. Эх, жизня, жизня!.. Каргинов тяжело вздыхает, сбоку глядя на Голого, а сказать о своей маете не решается. Кто его знает, о чем тот думает, в душу к человеку не влезешь, придет из дозора да шепнет на ухо Храпычеву — и отходил Родька по грешной земле! У этого зверя не заржавеет, не впервой ему людей шле-

нать. Как тут быть — и ума не хватает?.. Здраво рассудить, когда-никогда, а руки вверх поднимать придется, не то убьют, как бешеную собаку, зароют, как падаль, и креста не поставят. Надо как-то намеками выпытать у Оськи, что он думает. Всю свою жизнь, считай, Оська на кулака батрачил, ему бы за Советскую власть обеими руками держаться, а он, дурила, посулам Храпычева поверил, обещавшего златые горы. Из-под Богданихи, когда с чекистами ввязались в перестрелку, чуть больше десятка утекли, а остальные на вечный покой там остались. Вот тебе и златые горы!.. После того боя и в селе то перестали нос совать, а занялись мелким грабежом на дорогах. За зиму и пообносились, и порядком наголодались, а скоро и вовсе жрать нечего будет: отказались мужики дармоедов кормить, ничего не дают! Сдаваться надо идти, а повинную голову меч не сечет! Связной из села не зря шепнул им: «Уходите, ребята, пока не поздно, перебьют вас тут!» Храпычеву, конечно, куда ни кинь — везде клин, а нам с Голым улучить момент да бежать из банды без оглядки...

...Николка Храпычев сидел в своей землянке за круглым одноногим столом, страшный, нечесаный, заросший черной бородой, буравил темным глазом каждого входящего к нему «сподвижника». Вместо того чтобы обдумать, что он скажет этим, давно потерявшим человеческий облик, людям, в голову лезли дурацкие мысли. Он думал над тем, что осталось их всего тринадцать — чертова дюжина — и что это никудышная примета...

— Все, что ли, Лазарь? — спросил Храпычев ординарца, хотя и сам видел, что собрались все, кроме четверых дозорных, которых лично расставлял по секретам.

— Все тута, атаман, окромя дозора, — ответил Лазарь.

— Чего сердито смотришь, Митрий? — невесело усмехнулся Храпычев, глядя в упор на бородатого и малость придурковатого детину. — Не нравлюсь, али как?..

— Ты тожа не шибко весело глядишь, как я примечаю, — отозвался детина. — Говори давай, атаман.

— Вот что, вольные люди, — затушив самокрутку, начал Храпычев. — Крупы, муки и сухарей на три дня у нас осталось. Самогона и вовсе тю-тю, спасибо Лазарю, уберег один бочонок, на всякий случай, ну, а грошей, сколь у кого есть — все ваши! Мне от вас ничего не надо, я борюсь за идею, а не ради наживы вшей тут

кормлю. Но как выяснятся, мужики трусят и поддерживать нас не хотят, даже в харчишках отказывают. Хочу спросить: что будем делать?..

— Ты — атаман, ты и решай, как и что, а наше дело телячье, — сказал рябой и одноглазый бандит, известный своей жестокостью в расправах над семьями сельских большевиков и активистов.

— Это как же понимать, Кирьян? — строго спросил Храпычев. — Что-то на телка ты мало похожий! Как это — телячье дело-то?.. Растолкуй!

— А так, атаман: обделался — стой и хвостом маши, жди, покуда вытрут! — заржал Кирьян.

— Говори, атаман, какие вести связной принес? Чего попусту балаболить-то? — сердито сказал Яшка Косырь, широкоплечий, приземистый мужик с постоянно затуманенным взглядом блекло-синих глаз.

— Вот я и говорю, Яша, — продолжал атаман, нервно дергая себя за бороду. — Обделались мы все с головы до ног, а вытирать, выходит, кто-то будет?.. Сидим здесь сложа руки и мужика боимся потревожить, а этот самый мужик, за которого мы боролись, предал нас!

— Что же получается, атаман, — взъерошился бандит, перепоясанный пулеметной лентой, — и мужик предал и союзнички подвели?!

В землянке произошло оживление, напряжение нарастало.

— Ты же говорил, Храпычев, что вот-вот подмога подоспеет? Где она, подмога-то?.. Сулили, сулили да на хвост насолили?.. — нервно дергаясь щекой и глядя на атамана единственным глазом, спросил Кирьян.

— Подмога к нам шла, да напоролась на регулярные части Красной Армии, — сдерживая гнев против всех этих никчемных людишек, ответил Храпычев. — Но дрались они, как львы!

— А погибли, как мухи! — оскалил широкую пасть Митрий. — Мокрого места не осталось от них!

— А ежели от тебя мокрое место останется, тебе легче будет? — сострил атаман.

— Конец нам тута всем до одного будет, — высказал тайные мысли многих заблудившихся в жизни людей придурковатый Митрий.

— Так вот, пока не окружили нас, Чапанов предупреждает, чтоб мы спешно уходили отсюда. Кто-то донес о нашем месте нахождения в ГПУ. Покуда овраги

и балки шумят и забиты набрякшим снегом, нас тут не достать. Этим моментом мы и должны воспользоваться: уходить надо! Понял, Митрий?

— Куды драпать собираешься, храбрый атаман? — зло спросил Яшка Косырь.

— Не кудыкай: пути не будет! — зло посмотрел Храпычев на Яшку.

— Оно так и есть — не будет! В распутицу отселя не уйти, обувка, окромя тебя, у всех никудышная. В лаптях да в драных опорках в такое время не ходят, — лез на рожон Яшка.

— Не только в лаптях — без штанов побежишь, Яша, когда зажмут тебя товарищи чекисты, — хохотнул атаман. — О своей обувке каждый сам обязан заботиться, одни сапоги на тринадцать харь я не разделю! Патронов у нас тоже в обрез. Может, кто из вас с повинной идти надумал?.. Держать не стану и зла ни на кого не таю, — разглагольствовал атаман, но цену этим словам знал тут каждый. — Кто, может, домой хочет, по бабе соскучился?.. Есть такие?.. — Храпычев выдержал паузу, но в ответ только напряженное сопение. — Были дурни, да все вышли?.. Я так и думал. В таком разе решение будет такое: уходить проселочными дорогами на Аткарск. Понимаю: путь неблизкий, распутица в самом разгаре, а уходить надо срочно! Плыть, да быть, как говорят! Двигаться можно только верхами на конях, а поэтому предлагаю: взять лошадей в совхозе и в колонии, что с краю Алексеевки. Там же имеются склады, запасемся продовольствием, а может, и еще кое-чем. Вооруженного сопротивления, по всем сведениям, оказать там не могут: в колонии одни пацаны, а в совхозе два ружьишка у ночных сторожей. Ежели и придется пострелять малость, так и то для острастки. Вопросы имеются?..

Гробовое молчание, недоверчивые настороженные взгляды и первое покашливание. И вдруг в это время, когда каждый что-то решал о себе, прогремели два винтовочных выстрела, один за другим. Схватившись за оружие, все вскочили с мест.

— Занять у землянок круговую оборону! — скомандовал Храпычев. — Стрелять по команде. Бегом!

Через несколько минут выясняется: дозорные завалили сохатого. Над переполохом позубоскалили, в один миг освежевали лесного великана, порубили на куски, бросили в кипящие котлы и просто жарили куски мяса

на шомполах. Вскоре началась бесшабашная гульба, да такая, что Широкое ущелье стонало, свистело и ухало до полуночи. А перед рассветом Храпычев повел пьяную банду на совхоз и на колонию, правда, осталось их всего девять, а четверо, воспользовавшись пьяной суматохой, сбежали, прихватив оружие...

— А ну, малый, выводи лошадей и давай седла, какие есть. — приказал бородатый детина, обвешанный гранатами, с наганом за поясом и с болтающейся на ремне деревянной кобурой, из которой торчала рукоятка маузера.

— Каких лошадей? — растерявшись от неожиданности, переспросил Мишка Копырин. — Зачем?

— Затем, что власть переменилась. Сегодня мы хозяева! — Бандит дыхнул самогонным перегаром в лицо Копырина так, что того затошнило.

— Да они у нас калеки, дяденька, никудышные! — сказал Мишка, загораживая бандиту проход. — И седел нет, ей-богу!

Копырин сразу сообразил: если при их дежурстве с Васькой Шмыгой какой-то бородатый мужик уведет с конюшни лошадей, авторитет их среди пацанов померкнет навсегда и колонисты вправе будут считать обоих трусами, не сумевшими постоять за общее дело.

— Врешь, стерва! — гаркнул бандит, сверкнув белками рачьих глаз. — А это что, не седло висит?! — и с силой толкнул Мишку в грудь. — Показывай лошадей!

Мишка отлетел в сторону, больно ударившись затылком о кирпичную стену, но не упал.

— Ну ты, хомут несчастный, потише! — озлился Мишка. — Не дам лошадей! Я отвечаю за них, понял?!

Налетчик, не обращая внимания на Мишку, направился в центральный пролет прямо к стойлу красавицы Сороки, спокойно жующей сено.

Сердце Мишки замерло, когда бандит, пьяно качнувшись, вытащил из пробоя железный шкворень, служивший запором. Не помня себя от охватившего отчаяния, он с разбега ударил бородача головой в бок, и тот, не ожидавший нападения, упал на спину. Завязалась борьба. Копырин пытался выхватить из кобуры бандита маузер, но верзила подмял Мишку под себя, начал душить.

Пусти, гад!.. — пытаясь вывернуться, хрипел Мишка. — Не дам лошадей... Васек!..

Василий Шмыга находился в коровнике, на другом конце конюшни. Услышав Мишкин крик, Шмыга, как был с вилами, задавая корм коровам, бросился на помощь, держа трехрожки наперевес. Увидев, что Мишку душат, Шмыга, не раздумывая, с ходу вонзил вилы в толстый зад. Бандит взревел от боли, что приколотый бык, повалился на бок и, оставив Мишку, не в силах подняться на ноги, выстрелил из нагана лежа.

Шмыга охнул, схватился руками за живот и, скорчившись, медленно начал валиться на цементный пол.

Опамятовавшийся Мишка наотмашь ударил налетчика подвернувшимся под руку увесистым шкворнем. Удар оказался настолько сильным, что бандит замычал, дернулся и затих. Копырин тут же вскочил на ноги.

Василий, теряя сознание, тихо сказал:

— Беги к Андрею Ивановичу... Быстрее... Мишань. Помираю я....

Грабившие склад налетчики, услышав выстрел, ворвались в конюшню. Мишка инстинктивно упал к неподвижно лежавшему посередине пролета бандиту, сорвал с него гранату, метнул ее в сторону приближавшихся врагов.

Всплеск огня и оглушительный взрыв. Лошади, стоявшие на привязи, шарахнулись, Сорока взвилась на дыбы, оборвала недоуздок, тревожно заржала. Истошно визжал раненный осколком гранаты поросенок.

Что произошло после взрыва гранаты с двумя появившимися в конюшне бандитами, Мишка не понял, но один из них, матерясь, пытался подняться с пола и не мог, второй же лежал поперек пролета без движения.

Василий Шмыга не проявлял признаков жизни. Раздумывать было некогда. Мишка бросился в коровник, но тут же, вспомнив, что ворота здесь запираются на ночь надежными запорами, быстро поднялся по приставной лестнице на сеновал и, спрыгнув в огород на застывшую за ночь землю, кинулся к учебному корпусу.

Увидев Рассветова, бегущего вдоль изгороди, Копырин повернул к нему.

— Стой! — крикнул Андрей Иванович. — Кто это?

— Это я, Копырин, — ответил запыхавшийся Мишка.

— Что там у вас? — тревожно спросил Рассветов. Он был в гимнастерке, без головного убора, в руке у него

блеснул браунинг. На территории совхоза слышались одиночные выстрелы.

— Банда налетела, Андрей Иванович! — переведя дыхание, сообщил Копырин. — Васю Шмыгу стрельнули, з я за вами. Они там еще...

— Сколько их?

— Не знаю, я видел троих. Васек там помирает, Андрей Иванович!

— Ну, Миша, давай бегом за мной! Только вперед не суйся, понял? — направляясь к коровнику, предупредил Рассветов.

— Тут закрыто, надо обойти конюшню с задней стороны.

— Тихо, Миша.

— Я вот наган у одного забрал, сообщил Мишка, не отставая от Рассветова.

— Молодец, — похвалил Андрей Иванович. — Может, спасем еще Василька?..

— Он просил, чтоб я быстро к вам... «Помираю», — сказал.

Двери склада, как успел заметить Рассветов, распахнуты настежь.

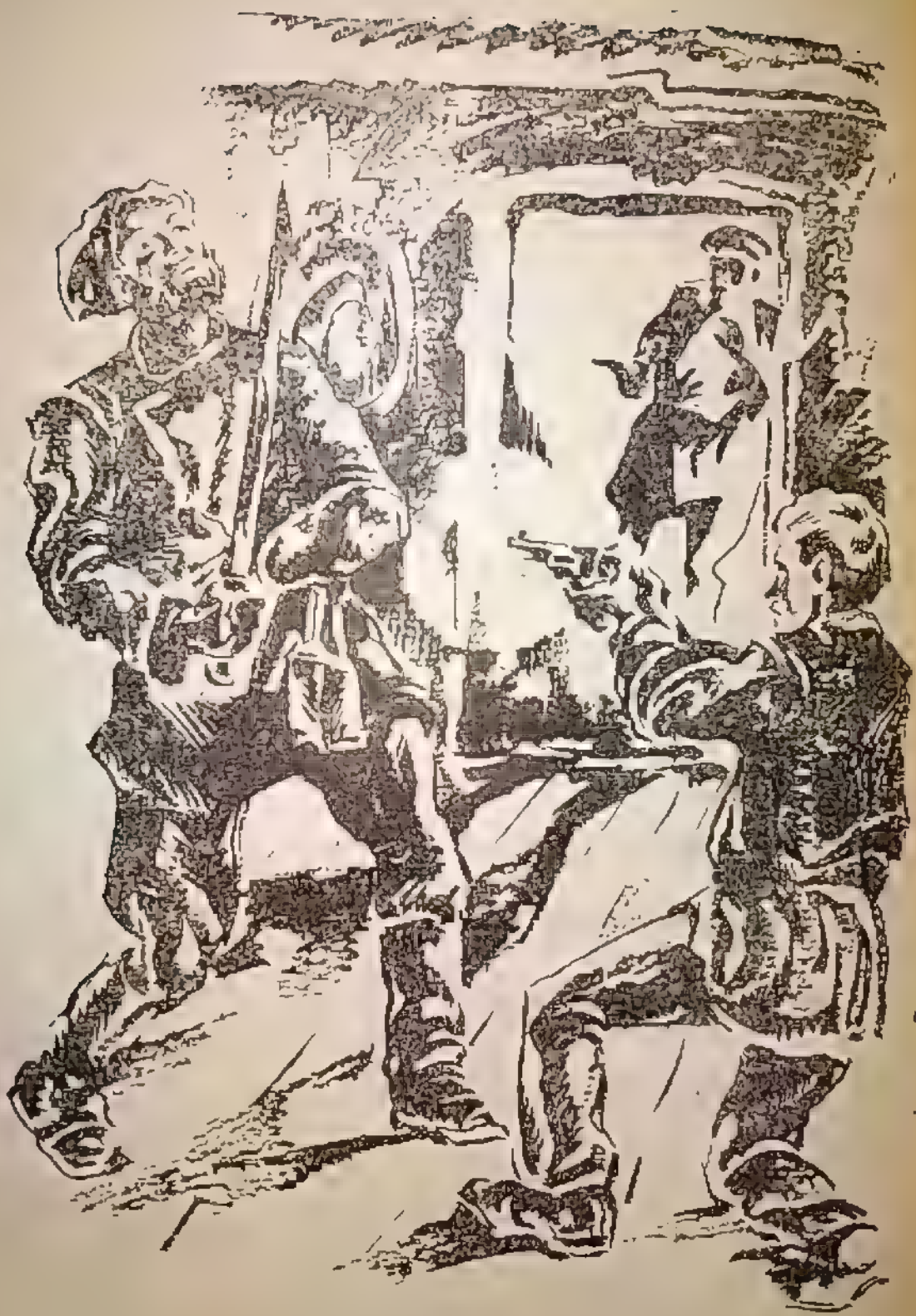
Обойдя конюшню со стороны огорода, Рассветов заглянул через железную решетку окна внутрь. Бородатый детина выводил из стойла Трояна. В правой руке бандит держал наготове маузер. Рассветов понял: налетчик пытается удрать.

Жестом приказав Копырину оставаться на месте, Рассветов, пригнувшись, быстро побежал вдоль стены к центральному входу. Мишка только теперь сообразил, какую непростительную ошибку он допустил, не обезоружив бандита, когда тот был без памяти. А теперь он очухался и может запросто сейчас застрелить Андрея Ивановича, как застрелил Васю Шмыгу. Мозг Копырина работал лихорадочно: как только Андрей Иванович войдет в конюшню, надо окликнуть бандита и выстрелить, отвлечь его внимание от пролета.

Просунув наган через решетку окна и выждав момент, когда в проходе появился Рассветов, Мишка сорвавшимся голосом крикнул:

— Руки вверх! Бросай оружие, гад!

Бандюга, увидев Мишкину физиономию, выстрелил, но промазал. Троян шарахнулся и прижал бандита к перегородке.



Рассветов дал выстрел без предупреждения. Бандит качнулся, словно его сильным кулаком ударили в грудь, выронил маузер, схватился рукой за плечо.

— Не шевелиться! — громко приказал Рассветов. — Копырин, ко мне!

Налетчик не успел прийти в себя, как Рассветов в несколько прыжков оказался рядом с ним и, держа пистолет наготове, предупредил:

— Хочешь жить — не двигайся! Сними-ка с него гранаты, Миша. Вот так, молодец! В случае чего — стреляй без предупреждения, одним негодяем на земле меньше будет!

И Рассветов метнулся к лежавшему у стойла Василию Шмыге.

Он лежал на боку, скорчившись. Движения Рассветова были быстры и точны. Опустившись на колени, он осторожно перевернул Василия на спину, взял за руку, пытаясь нащупать пульс. Широко открытые глаза Шмыги недвижно и, как показалось Рассветову, удивленно смотрели в потолок. На какую-то долю секунды Андрею Ивановичу даже померещилось, что губы Шмыги зашевелились и он что-то хочет сказать, но не может...

— Вася, Вася! Ты слышишь меня?.. — позвал Рассветов, но ответа не было.

Разорвав на груди Василия рубаху и все еще не веря, что он мертв, Андрей Иванович приложился к его груди ухом...

— Умер... — онемевшими губами едва выговорил страшное слово заведующий колонией. — Ах, негодяи, какого парня загубили! А?! Как же это?!

Сверля бандита ненавидящим взглядом, Копырин цедил сквозь зубы:

— Отгулял, гад! Кого ты грабишь, стерва?! Ты знаешь у кого последний кусок отнимаешь?..

— Стреляй, чего зря болтаешь, — едва держась на ногах от потери крови, огрызнулся бандит. — Теперь и босяки с большевиками заодно. Стреляй! Боишься?..

— Закрой свою поганую пасть, пока пулю не проглотил! — нервно сказал Мишка, следя за малейшим движением налетчика.

— Ох, напугал как! Не узнал я тебя сразу-то, а не то с ходу пришил бы!.. Отпрыск Фомы Копыри...

— Постой, — простонал Мишка, не веря глазам своим. — Неужто Храпычев? Вот ты какой, зверюга!.. А я

тебя, гада ползучего, везде искал, даже фотку у твоей старухи взял... Зверь ты!.. Давно я приговорил тебя к смерти. Получай, сволочь!.. — с этими словами Мишка выстрелил Храпычеву в живот. — За мать, за отца, за друга, за Илюшку, обездоленного тобой...

Бандит лежал уже на цементном полу, корчась в предсмертной муке, а Копырин садил в него пули, не помня себя, пока Рассветов не схватил его за руку.

— Миша, Миша! — испугавшись за Копырина, крикнул Андрей Иванович, пытаясь остановить его. — Зря ты, Миша! Его надо было судить всенародно, а он легкой смертью отделался, гад! Успокойся, Миша!..

Копырин бросил наган и, шатаясь, вышел из конюшни на воздух. Рассветов поднял на руки Васю Шмыгу, понес к учебному корпусу. Навстречу бежали люди, приняли с рук на руки безжизненное тело, заохали, заплакали, закричали...

Так закончилась короткая жизнь веселого, бесшабашного парня Василия Шмыги — бывшего беспризорника, ставшего коммунаром, страстно мечтавшего служить на пароходе матросом...

ГЛАВА ТРИДЦАТАЯ

После похорон Василия Шмыги и трехдневного траура, объявленного колонистами по случаю героической гибели товарища, колония постепенно возвращалась к нормальному ритму жизни. Приступили к учебным занятиям в школе, начали закладку парников, вырезку сушняка в плодовом саду, подготовку инвентаря и семян к весеннему севу.

Дорога еще не установилась, овраги шумели стремительными потоками таявших на горах снегов, а заведующий колонией Рассветов и колонист Копырин по телефонограмме выехали в Хвалынск.

Утро стояло солнечное, земля начинала прогреваться и оживать, с прошлогодней стерни волнами налетал и бил в ноздри ржаной дух набиравшего силу чернозема. По неярко-голубому небу, в недосягаемой вышине, вытянулись перистые облака, предвещая ветер. Слева от дороги, за полями, — целая гряда гор, покрытых голым лесом с перемежающимися кулигами сосны и ели, с белыми, совсем голыми залысинами, обращенных крутыми лбами к Волге. Невдалеке, по правую сторону,

через голызины и прогалины темного ивняка, матовой неяркой белизной заснеженного льда просматривается Волга.

Ничто так не располагает людей к откровенному разговору, как долгий путь, когда они сидят в повозке плечом к плечу. Троян и Сорока, изредка понукаемые Копыриным, неохотно тянут не столь уж тяжелую повозку, то и дело ныряющую по самые ступицы в вязкое месиво колдобин.

— Что же ты, Миша, про своего братишку-то ничего мне не сказал?

— А зачем?.. Малец он, Илюшка-то, в колонию все одно не возьмете.

— Если бы сразу пришел и рассказал мне об Илюше, давно бы мы взяли его из детского дома! — И, посмотрев на опечаленное лицо Миши, добавил: — Ты не расстраивайся, я на тебя не в обиде. А мы в своей семье решили так: возьмем Илюшу к себе, будем его воспитывать, и будет он каждый день у тебя на глазах. Если согласен — так и сделаем. Сегодня же и возьмем.

Копырин настолько разволновался и обрадовался неожиданно привалившему счастью, что не знал, как и что отвечать...

— Илюша хороший, Андрей Иванович! — с навернувшимися на глаза слезами взволнованно говорил Мишка. — Да вот сами увидите... Больше всех на свете я жалею его.

— Так и должно быть, Миша! Теперь вас, Копыриных, только двое осталось. Фамилию свою надо уважать!

— Я могу хоть завтра машинистом работать, не подведу, — сказал Мишка. — А за то, что Илюшку из детдома берете, спасибо!

— Благодарить меня не надо, Миша. Другого решения у нас и быть не могло. В колонию взять Илюшу я действительно не имею права, мал он, ты правильно думал, а в свою семью — мое личное дело. Вот этого-то ты и не учел, недоверчивый человек! — весело глядя на Мишку, говорил Рассветов.

— Обрадуем его сегодня, Андрей Иванович! А то я не знал, что и говорить ему?.. Как собираюсь уходить от него — плачет, наверно, понял, что отца и матери нет у нас...

У Рассветова от этих слов защемило сердце, и он, волнуясь, сказал:

— Теперь есть!.. Ты уж извини меня, самозванца, но я постараюсь сделать для вас все, что в моих силах. Иначе жить не смогу, Миша! Надо прожить так, чтоб совесть осталась незапятнанной, чистой, как кристалл! Надеюсь, понимаешь меня?..

— Понимаю, Андрей Иванович! А если запачкал свою совесть, запятнал, как вы говорите, тогда как жить? — прямо и искренне спросил Мишка, надеясь, что Андрей Иванович поймет его.

— Тогда, Миша, очистить ее надо. А очищается она честным трудом, благородными поступками, искренним желанием помочь людям!

Так, за разговорами, добрались они до Хвалынска. Оставив позади маслозавод и свернув за гостиницей «Номера» направо, Копырин подъехал к Дому крестьянина. Остановившись во дворе, начали распрягать лошадей.

— Поставим лошадок, позавтракаем и в уком партии, а потом уж за Илюшей пойдем, — сказал Андрей Иванович, помогая Мишке. — Секретарь обоих нас приглашал.

— Зачем я ему? — удивленно посмотрев на Рассветова, спросил Копырин.

— Думаю, познакомиться хочет с тобой. Предлагал мне устроить тебя на работу здесь, чтоб с Илюшей почаще виделся, но теперь этот вопрос мы решили. Так?..

— Конечно, Андрей Иванович! Дом наш дядя Евдоким продал, да и не могу я в Хвалынске жить. Корова у нас есть, сейчас она у Костиных, надо забрать ее. Хорошая корова, Красулей звать.

— Ну что ж, корова нам пригодится, — ответил Андрей Иванович.

Сдав лошадей и сбрую конюху Дома крестьянина, Рассветов наказал ему, когда надо напоить, а потом задать овса.

Посетителей в столовой оказалось немного, и проворный официант, заметив человека в военной форме, тут же подошел. Как только, приняв заказ, официант ушел, Мишка вынул из бокового кармана куртки червонец, положил на стол.

Рассветов, укоризненно посмотрев на Мишку, сказал:

— Спрячь свои деньги и не ставь меня в неловкое положение. Я все же заведующий колонией, а не колонист.

После завтрака, рассчитавшись с официантом, вышли на улицу, направились в центр города.

— Мне давно говорили, что у Копырина деньги водятся, а откуда берет он эти деньги, объяснить не могли, — продолжал начатый разговор Андрей Иванович, глядя на Мишку, шагавшего рядом. — Но я точно знал: на базаре ты не бываешь и к карманным операциям не причастен, в карты не играешь. И я не поверил про деньги. Наговаривают, думаю, на парня из-за каких-нибудь мелочных обид, а, выходит, доля правды все-таки была?.. Не обижайся, жизнь, брат, штука сложная! Я не терплю наушников и не поощряю их, борьбу с воровством и картежной игрой мы ведем открыто, и я хочу видеть в твоем лице верного товарища и единомышленника. Согласен со мной?

— Согласен, Андрей Иванович, к старому я больше не ходок. Лучше подохну, чем еще раз замараю себя!

— Другого ответа я от тебя и не ждал, все правильно.

В уездном комитете партии секретарь принял их сразу. Рассветов видел нового секретаря не впервые, но и сейчас, глядя на него, невольно восхищался: высокого роста, широкоплечий, русокудрый, с открытым лицом и веселым взглядом серых глаз, он напоминал ему волжского богатыря. Происходил Набатов из местных крестьян-бедняков, в молодости ходил по найму, знал жизнь деревни досконально и горюшка хлебнул полным ковшом. Будучи матросом Черноморского флота, перешел на сторону революции, вступил в партию большевиков.

— Здравствуй, Андрей Иванович! А это товарищ Миша Копырин?.. Таким я тебя и представлял. Здравствуй, Миша! — пожимая вошедшим руки, весело говорил секретарь. — Садитесь вот сюда, к столу поближе.

Улыбающийся Рассветов и взволнованный Миша Копырин, не ожидавший такого к себе внимания секретаря, сели на указанные стулья.

— Как доехали?

— Добрались, — ответил Рассветов. — Кони у нас добрые, ничего!

— Вы уж извините меня, но дело неотложное. Давайте сейчас совместно и обсудим создавшееся положение: как нам устраивать братьев Копыриных? Заведующая детским домом звонит мне чуть ли не ежедневно! И я чувствую себя перед ней неудобно.

— Вопрос этот мы уже решили, Иван Михайлович! Илюшу я забираю в свою семью, прямо сейчас и возьмем его, а закончит Миша семилетку — дальше учиться станет, поедет в Саратов или в Москву. У него математические способности находят учителя. Дружба у нас крепкая, Иван Михайлович!

— Если так — я очень рад за вас! — улыбчиво глядя на обоих, сказал секретарь. — И еще важное сообщение и для вас, и для всей вашей коммуны. Товарищи американские коммунисты и рабочие по инициативе друзей Джона Рида прислали вам в дар трактор «Фордзон», плуг тракторный, сеялку, триер, тракторную тележку для перевозки грузов и другой сельскохозяйственный инвентарь. Тут вот они и письмо вам прислали, да я по-ихнему ни бельмеса не понимаю. — Набатов достал из ящика стола конверт с большой красивой маркой и, поднявшись из-за стола, передал его Рассветову. — Вы уж сами найдите человека, который может прочитать и перевести на русский язык это письмо, ответьте им.

— У нас есть учительница, владеющая английским языком, — сказал Андрей Иванович.

— Тем лучше. Поезжайте в Вольск, на железнодорожную станцию, и получите, что для вас прибыло. Вопросы есть ко мне?

— Иван Михайлович, — обратился Рассветов. — Как решается вопрос с передачей нам совхоза? Они там почти всех лошадей распродали!

— Лишние лошади и вам ни к чему, Андрей Иванович, — ответил Набатов, прямо посмотрев на Рассветова. — Лошадей кормить надо, а в совхозе кормов нет! Мельницу ты у них отнял, урожай зерновых в прошлом году неважный получили, сад не оправдал затрат на него. Что делать?.. У тебя же теперь трактор! Зачем тебе лошади? А ходатайство о передаче вам совхоза мы послали. Как только бумага из Москвы поступит — ни дня не задержим! — И, проводив гостей до двери, пообещал непременно приехать к ним в коммуну, познакомиться с воспитанниками, учителями и поглядеть, как работает трактор, присланный друзьями из далекой Америки.

Появление в колонии имени Джона Рида «дьявольской» машины всполошило всю округу. Едва ли не половина жителей окрестных сел, веря и не веря слухам,

что колонисты запрягли в плуг черта и пашут на нем, толпами бежали и ехали на лошадях в Алексеевку, чтобы своими глазами впервые поглядеть на неслыханное чудо.

— Господи, Иисусе Христе, спаси нас и помилуй! — падая на колени, восклицала и крестилась меровская кулугурка Лепестинья, окруженная односельчанами. — Конец света настает! Своими глазами видела, родимые, как на нем, на нечистом-то, пашут!.. Сам фырчит, рычит, а из-под хвоста-то огонь аж вылетает, злится, должно. И прет он, матушки мои, огромадный плужище, сразу по пяти аршин земли-то захватывает, да все бегом, все бегом! А народ-то, дурак, глядит на него, на окаянного-то, подхваливает да смеется, а он еще пуще прежнего бегает: добежит до конца загона, повернется — да обратно. А на заднице у него человек сидит, из колонистов-безбожников. Многие, пожилые-то мужики, крестятся, молитву творят, шепчут: «Сгинь, сгинь, нечистая сила, тьфу-тьфу-тьфу» — ан ничего не берет его! Кои посмелее зайдут в борозду-то, а она как есть по колен глубины-то, только головами качают. И откуда у него такая силища?! Одно слово — нечистый! Ничего не ест, только воду пьет ведрами, жажда, видать, одолевает, окаянного, да еще керосин жрет почем зря, на огонь керосин-то переводит. Пашут они на нем с самого утра! Знать, третьи петухи запели, он и застрял, нечистый-то, не успел улететь-то, тут они его, безбожники-то, схватили да и запрягли. Еще целую ночь хотят пахать на нем, уговор у них такой с нечистым-то, и ежели до третьих кочетов он не сдохнет, то все поле избороздит!.. Только на том поле, помяните мое слово, хлеб-то не уродится, нет, чертополох вырастет вместо пшеницы-то...

— Будя брехать-то, тетка Лепестинья, — осерчал бородатый мужик в холщовых штанах, в такой же рубахе с поясом и в лаптях. — Видала ты машину, трахтуром называется, а народ пугаешь нечистым! Я сам только оттудова прибег, полдня глядел на того «черта», даже рукой вот этой трогал его! Железный он весь, дура!.. Пригнали его из Вольска Ломакин-машинист да помощники его — Кострюков и Копырин, они на нем и пашут. Темная ты баба! — упрекнул Лепестинью мужик. — По такой пахоте пшеница по триста пудов с десятины даст, а ты — чертополох! У тех чертополох-то вырастет, кто землю сохой ковыряет, так я скажу!

— Тебе он, нечистый-то, брат родной, потому что безбожник ты! — взбеленилась Лепестинья.

— Тьфу!.. — плюнул в сердцах мужик и пошел прочь.

ГЛАВА ТРИДЦАТЬ ПЕРВАЯ

Весенний сев колония закончила в лучшие сроки, за две недели. Агроном Заботин уверенно говорил колонистам: «Теперь можно рассчитывать и на хороший урожай!»

Приближался праздник 1 Мая. Рассветов был уверен, что участие колонистов в первомайской демонстрации привлечет всеобщее внимание жителей Алексеевки. «Именно в этот день мы должны показать свое лицо: дисциплинированностью, четким и красивым маршем наших бригад, исполнением революционных песен!» — думал Андрей Иванович.

План подготовки к празднику был продуман до мельчайших деталей и принят всеми звеньями самоуправления. Совет бригадиров вынес решение: «Подумай и сделай — с чем ты пойдешь в первомайской колонне?..»

Впереди колонны предполагали пустить трактор, украшенный флагами. По бокам тракторной тележки укрепили окна сатиры: «Отречемся от старого мира». Всем нравились броские и едкие карикатуры на капиталиста, кулака и попа. В тележку решили посадить весь струнный оркестр, разучивший революционные песни. А девочки-воспитанницы шили для всех новые первомайские костюмы — этот дорогой праздничный подарок с нетерпением ждал каждый колонист.

Закончив подготовку к первомайской демонстрации, Рассветов обратился в волисполком с просьбой включить колонну имени Джона Рида в план торжественного шествия. Там усомнились: «Стоит ли? Кто может дать гарантию, что эти архаровцы не испортят праздника?» Рассветов возмутился. Обратившись по телефону к секретарю укома, Андрей Иванович заверил, что коллектив колонии выдержит политический экзамен с честью. Набатов ответил: завтра он будет на торжественном спуске на воду «Шквала» и этот вопрос решит на месте.

«Завтра» — это воскресенье, 29 апреля. Слух об отказе участвовать в первомайской демонстрации просочился в колонию с утра.

Рассветов находился в кабинете-канцелярии учебного корпуса, поджидая прибытия Набатова. Увидев через окно группу колонистов, Андрей Иванович вышел на крыльцо вместе с Илюшей Копыриным. Тот был одет в матросский костюм, на ногах новые ботинки, а на голове красовалась бескозырка с красной звездочкой и с золотыми буквами на черных шелковых лентах.

— В чем дело? — спросил Рассветов, обращаясь к Мише Копырину, возглавлявшему делегацию. Копырин дежурил по колонии, и на его рукаве была красная повязка с золотыми буквами «ДПЗК» (дежурный помощник заведующего колонией).

— Почему нам не доверяют? — первно спросил Копырин. — Мы что, контры?!

— Позволь-позволь, — подняв руку, остановил его Рассветов. — Кто и что вам не доверяет?

— Кто-то будет делать мировую революцию, а мы в стороне, да? — выступила вперед Соня Касаткина.

— Ах, вот в чем дело?! — воскликнул Андрей Иванович, поняв причину появления делегации. — Вы пришли узнать насчет первомайской демонстрации?

— Да, — подтвердил дежурный Копырин.

— А кто сказал, что вы не будете участвовать?.. Вы, товарищ дежурный помощник, получили такое распоряжение?

— Нет, такого распоряжения от вас я не получил, Андрей Иванович, но до нас дошел слух! Костюмы на демонстрацию пошили, а нам их не дают. Говорят, на праздник в село нас не пустят!.. Ребята затеяли бузу в интернате, вот мы и пришли узнать: почему нас бортанули?

— За то, что в колонии появились бузотеры из-за того, что сорока принесла слух на хвосте, а вы, товарищ дежурный, поддались общему настроению и не предотвратили этой бузы, я вынужден наказать вас. — Рассветов посмотрел на притихших колонистов, а потом спросил Илюшу Копырина: — Стоит Мишу наказать, Илюша?.. Ты не смотри на него, а говори: наказать или не надо?

— Не надо, — сказал Илюша. — Он хороший.

— Ишь ты, за брата своего заступаешься? Нет, надо наказать! Заставим его выучить басню Крылова «Ворона и лисица», чтоб он потом и тебе ее рассказал.

— Тогда накажем, — согласился Илюшка.

Делегация, обступившая крыльцо, весело рассмеялась.

— Значит так, товарищ дежурный помощник, как только сдашь дежурство — пожалуйте в кабинет, будешь учить басню.

— Про ту самую ворону, которая кусочек сыра нашла? — спросил Мишка.

— Нет, про ту, которая потеряла! — засмеялся Андрей Иванович, а вместе с ним рассмеялась и вся делегация.

— Ладно, выучу, — сказал Мишка.

— А теперь хочу спросить: солидарны вы с международным пролетариатом, ведущим борьбу против мирового капитала?

— Солидарны!.. — дружно ответили голоса.

— Ну, а коль так, кто же может запретить вам демонстрацию вашей солидарности?

— Ур-ра-а-а!.. — ответили делегаты.

В этот момент, когда еще не смолкло звонкоголосое «ура», из Сокорок словно выпорхнула и направилась к учебному корпусу пара гнедых рысаков, запряженных в тарантас. Кучер, мелькнув красным, как факел, чубом, лихо развернулся и, не доехав до крыльца десяток метров, резко осадил коней.

Богатырского сложения человек, в брезентовом дождевике, вылез из тарантаса. Он с любопытством посмотрел на группу ребят, начал снимать с себя заляпанный грязью дождевик. Рассветов пошел навстречу.

— Здравствуйте, Иван Михайлович! — приветствовал заведующий колонией гостя. — Рад вас видеть.

— Рад или не рад, а принимай. Здравствуй, Андрей Иванович! — ответил Набатов, крепко встряхнув руку заведующего. — Что это у тебя? Уже митингуешь?..

— Делегация от колонистов, — кивнув в сторону ребят, начал пояснять Рассветов. — Желают участвовать в мировой революции!

— Это каким же образом? — насмешливо глядя на заведующего колонией, спросил секретарь.

— Понятия не имею. Может, они сами вам скажут?

— Хитришь, Андрей Иванович! — бросив дождевик на сиденье тарантаса, добродушно улыбался Набатов. — Думаешь, скопом и батьку сподручнее бить?.. Ну-ну, давай! Кстати, я намерен ночевать у тебя. Есть где разместиться-то?

— Конечно, Иван Михайлович! — искренне обрадовался Рассветов. — В бывших барских хоромах да негде переночевать?!

Послав с кучером одного из колонистов и сказав, чтобы он сдал лошадей дежурному по конюшне, Рассветов пригласил Набатова к ребятам.

Колонисты с нескрываемым любопытством разглядывали гостя, который казался им былинным богатырем. Особенно бросались в глаза огромные сапоги, широкие плечи и большие сильные руки потомственного крестьянина.

Гость, подойдя к группе колонистов, поздоровался и, весело глядя на ребят, спросил:

— Кто ж у вас тут главный революционер, который агитирует за мировую революцию?

— У нас главных нет, — ответил Копырин, стоявший ближе других к секретарю. — Мы пролетарии всех стран, все одинаковы, на равных!

— А-а!.. Здравствуй, товарищ Миша Копырин! Сразу-то я и не признал тебя, — сказал секретарь, протягивая Мишке руку. — Какие же вы революционеры, когда у вас даже руководителя нет? У мирового пролетариата свои вожди должны быть, если он хочет свалить такого крупного хищника, как мировой капитал.

— Вождь пролетариев всех стран — есть Владимир Ильич Ленин! — ответил Залетаев.

— Молодец! — похвалил гость. — Как твоя фамилия, товарищ коммунар?

— Моя-то — Залетаев Семен, а вы кто?

— Ты, видать, парень-ухо! — весело рассмеялся гость, бросив взгляд в сторону Рассветова. — Хочешь сразу знать, с кем имеешь дело?.. Может, контра приехал, да еще и расспрашивает! Фамилия моя — Набатов, Иван Михайлович. Я секретарь хвалынских большевиков. Верно ты сказал, товарищ Залетаев, что называется, попал в самое яблочко. Под руководством партии и ее вождя товарища Ленина мы свалили царизм в России и дадим последний и решительный бой мировому капиталу! Да это, я думаю, не за горами. Если они, наши братья по классу в других странах, поднимутся на борьбу с мировой гидрой, вот тогда потребуется и ваша помощь. Я считаю, что мы с вами так и должны понимать этот вопрос: обязательно поможем! Вопросы есть? Зна-

чит, все ясно! А сейчас, товарищи коммунары, покажите мне: как вы живете? Как подготовились к празднику?

— Поведет нас и будет показывать, что у нас сделано к первомайской демонстрации, дежурный по колонии Миша Копырин, — сказал Рассветов.

— Позвольте, Андрей Иванович, — возразил Набатов, — ваш дежурный сказал, что в колонии старших нет, как у анархистов.

— А у нас по очереди, — не растерялся Мишка, опередив Рассветова с ответом. — Сегодня я старший, а как сдам дежурство Касаткиной — я уже рядовой и обязан ей подчиняться. Вот тогда пацанам вообще труба! Прижмут уши, что мыши под полом, и не пикнут.

— Это почему же так? — спросил Набатов, с хитрецой поглядывая на Мишку, который явно нравился ему.

— Характер у ней такой, никудышный, — заявил Мишка. — Все ей не так! Идет, примерно, колонист, а голову опустил, задумался. Так она обязательно остановит: «Какая должна быть осанка у колониста-ридовца? А ну, покажи!» И попробуй не подчиниться!.. Такой визг поднимает, что поросенок на свинарнике!

— Вот это и есть настоящий характер! — восторженно сказал секретарь укома. — Где она? Хочу ей руку пожать!

— Да вон стоит, белобрысая с веснушками, — указал Мишка на Касаткину и засмеялся. Он никак не ожидал такого оборота дела.

Набатов шагнул и, улыбаясь, по-отечески глядя ей в васильковые глаза, протянул большую, крепкую руку.

— Молодчина, товарищ Касаткина! Уважаю принципиальных людей вообще, а девушек таких в особенности.

В учебном корпусе, куда сразу повел гостя Копырин в сопровождении делегации колонистов, заканчивались последние приготовления к первомайской демонстрации. В коридоре во всю стену висела красочная газета «Колонист-ридовец». В классе, на столах и на подоконниках, в глиняных кувшинах и в ведрах стояли нежнейшей голубизны букеты подснежников и кипенно-белых ландышей, принесшие в комнату запахи ожившего леса.

Рассветов представил учителям Набатова. Осмотрев все, что приготовили ребята для оформления колонии, секретарь остался доволен.

Затем Иван Михайлович попросил показать ему мастерские колонии.

Заглянув на минуту, а пробыв более получаса в понравившихся ему мастерских с новыми верстаками, станками и швейными машинами, Набатов удивился, что в выходной день работают звенья ребят и девочек. А когда выяснил, что ребята добровольно выполняют просьбу совхоза, секретарь попросил заведующего колонией каждому из них записать в личное дело благодарность от укома партии.

После того как Миша Копырин провел Ивана Михайловича по интернату, все сели отдохнуть за длинным дубовым столом, за которым обычно ребята выполняют свои домашние задания. Секретарь укома, присаживаясь на скамью, сказал:

— Ну что ж, товарищи! Ваше участие в первомайской демонстрации мы приветствуем. К празднику вы подготовились хорошо, а главное, раньше местных крестьян закончили весенний сев. А это, знаете, большое дело: весенний день — год кормит! По-моему, вашу колонию следует именовать так, как она называлась раньше: «Детская сельскохозяйственная коммуна имени Джона Рида». Это соответствует вашему фактическому положению. Как вы считаете, Андрей Иванович?

— Мы обсуждали этот вопрос, Иван Михайлович, и пришли к выводу: нам надо строить крепкую, показательную коммуну. Но чтоб в грязь лицом не ударить, не будем торопиться!

— По культуре ведения хозяйства вы действительно можете быть примером для крестьян-единоличников. У вас и хозяйство приличное, и главный агитатор налицо — трактор! Пропагандировать коммуну надо не на словах, а на хороших делах! Когда передадим вам весь совхоз, вернемся к этому вопросу. Понравились мне ваши окна «Отречемся от старого мира». Ваши художники просто молодцы! Здесь они?

— Здесь, все трое, — ответил Копырин. — Вот Залетаев, Шкодин, Леня Бреднев, рядом с вами стоит.

— Пойдешь учиться на художника, Леня? — положив на плечо Бреднева руку, спросил Иван Михайлович.

— Нет, я пойду на учителя, — ответил Ленька. — Как Андрей Иванович чтоб.

Колонисты, не сдержавшись, прыснули со смеха.

— Ну?.. Молодец, Леня! Одобряю. Быть таким, как Андрей Иванович, брать с него пример — это очень правильно! Только учись хорошо.

— Леня — старательный мальчик, — сказала Елена Николаевна. — Он не только хорошо рисует, но и по арифметике один из лучших учеников.

— Так и держи, Леня! Всем приятно, когда учительница довольна своим учеником. — И, обратившись к Рассветову, спросил: — Мне говорили, что у вас постоянно ставятся спектакли и даже имеется свой оркестр народных инструментов! Это правда?

— Верно, Иван Михайлович, — ответил Рассветов. — Руководит всем этим наш учитель литературы Трофим Титыч Звездин. Тяжело ему, я это понимаю, но больше пока некому, нет таких специалистов.

— А театр и музыка — это очень важно, Андрей Иванович! Приобщить человека к музыке не менее важно, чем научить его читать и писать. А то ведь как у нас часто получается? Вот, скажем, намечается в деревне свадьба, а гармошка всего одна, да и та у кулацкого сынка. Пойдет он играть к бедняку на свадьбе?.. Не пойдет! Посчитает за унижение для себя, хотя и играть-то как следует не умеет, а все равно не пойдет!.. Помню я такой случай. Лет двадцать тому назад был я вот таким же пареньком, как многие здесь присутствующие. Жил в деревне и ходил по найму, одним словом батрачил. И был у меня приятель Шурка Кривошеев, сын пастуха, он у своего отца в подпасках горе мыкал. Фамилия-то настоящая у него была не Кривошеев, а другая, но шея у Шурки от рождения, а может, от болезни какой скособочилась и голова в правую сторону наклонилась. По этой причине и прилепилось к нему это дурацкое прозвище. И представьте себе, влюбился этот Шурка в девчонку, около которой и без него десяток парней увивались. Да так он влопался в нее, что называется по самые уши, дня прожить не мог, чтоб не увидеть ее. А девчонка та была гордая, знала, что красивая она, и смеялась над парнями как хотела, а особенно над Шуркой Кривошеевым насмехалась...

Слушали коммунары рассказ секретаря, окружив его тесным кольцом: так запросто, да еще про любовь, никто с ними до этого не разговаривал.

— И так-то затосковал Шурка, поняв, что не видать ему ответной любви как своих ушей, руки хотел наложить на себя! Я отговаривал его, как мог, чтоб выбросил он эту любовь свою из головы, но уговоры одно, а

занозу такую из сердца сразу не выдернешь, вот какая-штука-то!.. Тогда и решил мой приятель купить саратовскую гармошку с колокольчиками, чтоб тоску свою заглушить. Два года копил он деньги потихоньку от отца, только мне сказал об этом, больше никому. И вот однажды, в покров день, едет по селу Шурка Кривошеев с осенней ярмарки да так лихо играет на заветной гармонике, что люди останавливаются и глазам своим не верят: «Шурка это или не Шурка?» Шутка сказать — восемнадцать целковых стоила гармонь-то!.. За такие деньги корову можно было купить, а он на гармонь ухлопал.

— И правильно сделал! — не выдержав, сказал Копырин.

— Я тоже так считаю, что правильно, — согласился Набатов. — Правильно потому, что мечту свою осуществил!

Набатов посмотрел на своих слушателей веселым взглядом, улыбнулся и, не закончив рассказа, как показалось многим, умолк. Первым нарушил молчание Копырин.

— А с девчонкой-то что? — нетерпеливо спросил он. — Как у них?..

Иван Михайлович, понимая, что рассказ произвел на молодых слушателей впечатление, ответил:

— Женился он на ней. Оставила она с носом всех своих женихов и, против воли своих родителей, убежала с Шуркой Кривошеевым в Астрахань, и сейчас там проживают. Вот вам и гармонь!..

Набатов вынул из брючного кармана часы-луковицу и, посмотрев на циферблат, громко сказал, поднимаясь с места:

— Товарищи коммунары-рядовцы! Приглашаю вас принять участие в торжественном спуске на воду буксирного парохода «Шквал», заново построенного руками наших рабочих и мастеров без помощи и без участия капиталистов.

— Горнисту трубить сбор! — отдал распоряжение Рассветов.

Заиграла труба. Быстро становились в строй коммунары.

— Товарищ заведующий колонией! — обратился к Рассветову прибывший матрос. — Капитан парохода «Шквал» требует колонистов Степана Трапцеева и Ива-

ли Шишкина на пароход, они зачислены в состав команды.

— Хорошо, — ответил Рассветов, приветствуя матроса. — Передайте капитану, что Трапцеев и Шишкин сейчас будут.

— Налево равняйсь! — скомандовал дежурный Миша Копырин. — Сми-р-р-но! Товарищ заведующий колонией, воспитанники построены.

— Вольно.

— Вольно! Из строя без команды не выходить.

— Воспитанник Степан Трапцеев!

— Я!

— Выйти на середину!

Взволнованный и смущенный Трапцеев вышел, повернулся лицом к строю.

— Воспитанник Иван Шишкин!

— Здесь!

— Становись рядом с Трапцеевым.

Шишкин вышел и, глупо улыбаясь, веря и не веря неожиданно подвалившему счастью, встал перед строем. По ходатайству Рассветова Иван Шишкин был зачислен в команду «Шквала» вместо геройски погибшего на посту Василия Шмыги.

— От себя лично и от всех коммунаров коммуны имени Джона Рида поздравляю вас с зачислением в команду парохода «Шквал». Служите честно и помните, что вы были нашими воспитанниками и товарищами. Не забывайте нас!

Ура матросам Трапцееву и Шишкину! — крикнул Миша Копырин.

— Ура-а-а!.. — покатилось по рядам.

Андрей Иванович, волнуясь, по-отечески обнял сначала Трапцеева, потом Шишкина, отдал распоряжение Копырину вести колонну на митинг.

...Как только ожившая громада стального «Шквала» медленно начала двигаться по стапелю к затону, грянул духовой оркестр.

Рассветов, стоявший во главе колонны рядовцев, взял под козырек. Затон почти полностью очистился от льда, и пароход благополучно соскользнул со стапеля на воду.

Вскоре с лодок на «Шквал» поднялась вся команда, а из широкой с красной поперечной полосой трубы буксира повалил густой черный дым, и по воде зашлепали новые плицы мощного колеса.

На корме стояли Трапцеев и Шишкин и, прощаясь с товарищами, что-то кричали и махали руками...

То ли от проникновенных речей ораторов на митинге, то ли от расставания с друзьями, ушедшими в самостоятельную новую жизнь, Соня Касаткина, глядя на удаляющийся пароход, вместе со всеми восторженно хлопала в ладоши, и светлые бусинки слез, которых она не замечала, сползали по ее щекам...

ОТ АВТОРА

Автор «Шквала» рассказал на страницах этой книги то, что видел и пережил сам вместе с теми мальчишками и девчонками, которые описаны в повести, что слышал от своих товарищей-колонистов и учителей-воспитателей.

Он старался рассказать о колонии и трудных днях ее становления не просто правду, а попытался понять своих героев, разгадать их характеры, стремления и поступки, мечты и реальную возможность их осуществления.

И если вы, мои читатели, прочитав повесть, зримо представили ее героев, почувствовали душу автора — значит, он достиг своей цели и написал правду.

Многие имена героев «Шквала» подлинные, некоторые из этих людей живут и сейчас, в меру своих сил и возможностей работают, приносят пользу и государству, и окружающим их людям.

Так, один из первых коммунаров Семен Бухонин живет в том же селе Алексеевка на Волге, где находилась колония.

Упоминаются в повести имена колонистов Павла Лаврухина, Алексея Горячева, Андрея Скоробогатова, тракториста Александра Кострюкова, машиниста паровой мельницы Ивана Ломако — все они проходят под собственными именами и фамилиями, всех их автор хорошо знал. Другие имена героев — вымышленные.

Прообразом главного героя повести Андрея Ивановича Рассветова послужил ныне живущий в городе Саратове участник Великой Отечественной войны и ветеран труда, имеющий одиннадцать правительственных наград, Аркадий Иванович Романов — тот самый заведующий колонией имени Джона Рида, который принял в то далекое время двенадцатилетнего мальчишку, сейчас уже тоже ветерана труда, автора этой повести.

Люди, пришедшие на работу в детские дома и колонии, в невероятно трудных условиях становления молодой Советской республики делали все от них зависящее для спасения и воспитания детей и подростков, потерявших своих родителей и оказавшихся на улице. Этих людей мы всегда будем вспоминать добрым словом за их поистине благородный и героический труд!

В процессе работы над книгой автор понимал свою ответственность перед самым любопытным, самым требовательным и самым любознательным читателем, ради которого решился написать эту книгу. Если учесть, что автор не профессиональный писатель, то ответственность, которую он взял на себя, возрастает во много раз.

По сравнению с писателем у автора есть, пожалуй, совсем незначительное преимущество: он окончил педагогический институт (естественный факультет) и более тридцати лет преподавал в школе химию, биологию и другие науки, испытал роль завуча, тяжелейшую должность директора школы — и ребят наблюдал предостаточно! Но вот что самое интересное: прожив тяжелую и долгую жизнь, автору порой казалось, что отдельные эпизоды, которые действительно были в жизни, — они вроде бы придуманы им, а то, чего не было,— кажется былью! Не зря же, видимо, говорят в народе: «Случилось такое, что и нарочно не придумаешь!» Это говорит о том, что жизнь сложна, иногда очень сурова, но интересна.

И все же, пожалуй, надо сказать своим глубокоуважаемым читателям: взяв эту книгу, они имеют в руках не документальное повествование, а художественное произведение, и авторский домысел не может не присутствовать в повести.

СОДЕРЖАНИЕ

Глава первая 3
Глава вторая 8
Глава третья 13
Глава четвертая 23
Глава пятая 29
Глава шестая 39
Глава седьмая 43
Глава восьмая 51
Глава девятая 58
Глава десятая 66
Глава одиннадцатая 75
Глава двенадцатая 88
Глава тринадцатая 96
Глава четырнадцатая 104
Глава пятнадцатая 111
Глава шестнадцатая 126
Глава семнадцатая 130
Глава восемнадцатая 136
Глава девятнадцатая 144
Глава двадцатая 153
Глава двадцать первая 157
Глава двадцать вторая 165
Глава двадцать третья 178
Глава двадцать четвертая 183
Глава двадцать пятая 195
Глава двадцать шестая 209
Глава двадцать седьмая 221
Глава двадцать восьмая 230
Глава двадцать девятая 234
Глава тридцатая 244
Глава тридцать первая 250

От автора 260

ДЛЯ СРЕДНЕГО И СТАРШЕГО
ШКОЛЬНОГО ВОЗРАСТА

Литературно-художественное издание

Федор Михайлович Федулов

«ШКВАЛ»

Повесть

Редактор
О. Казакова

Художник
С. Серов

Художественный редактор
В. Бутенко

Технический редактор
Л. Борисова

Корректор
Т. Краснова

ИБ № 1425

Сдано в набор 27.01.88. Подписано в печать 14.07.88. НГ30508. Формат 84×108 1/32. Бумага книжно-журнальная. Гарнитура «Литературная». Печать высокая. Усл. печ. л. 13,86. Усл. кр.-отт. 14,28. Уч.-изд. л. 14,44. Тираж 15000. Цена 70 коп. Заказ 159.

Приволжское книжное издательство,
Саратов, пл. Революции, 15.

Отпечатано в производственном объединении «Полиграфист» управления издательств, полиграфии и книжной торговли Саратовского облисполкома, Саратов, пр. Кирова, 27, с матриц, изготовленных в типографии «Коммунист», Саратов, ул. Волжская, 28.